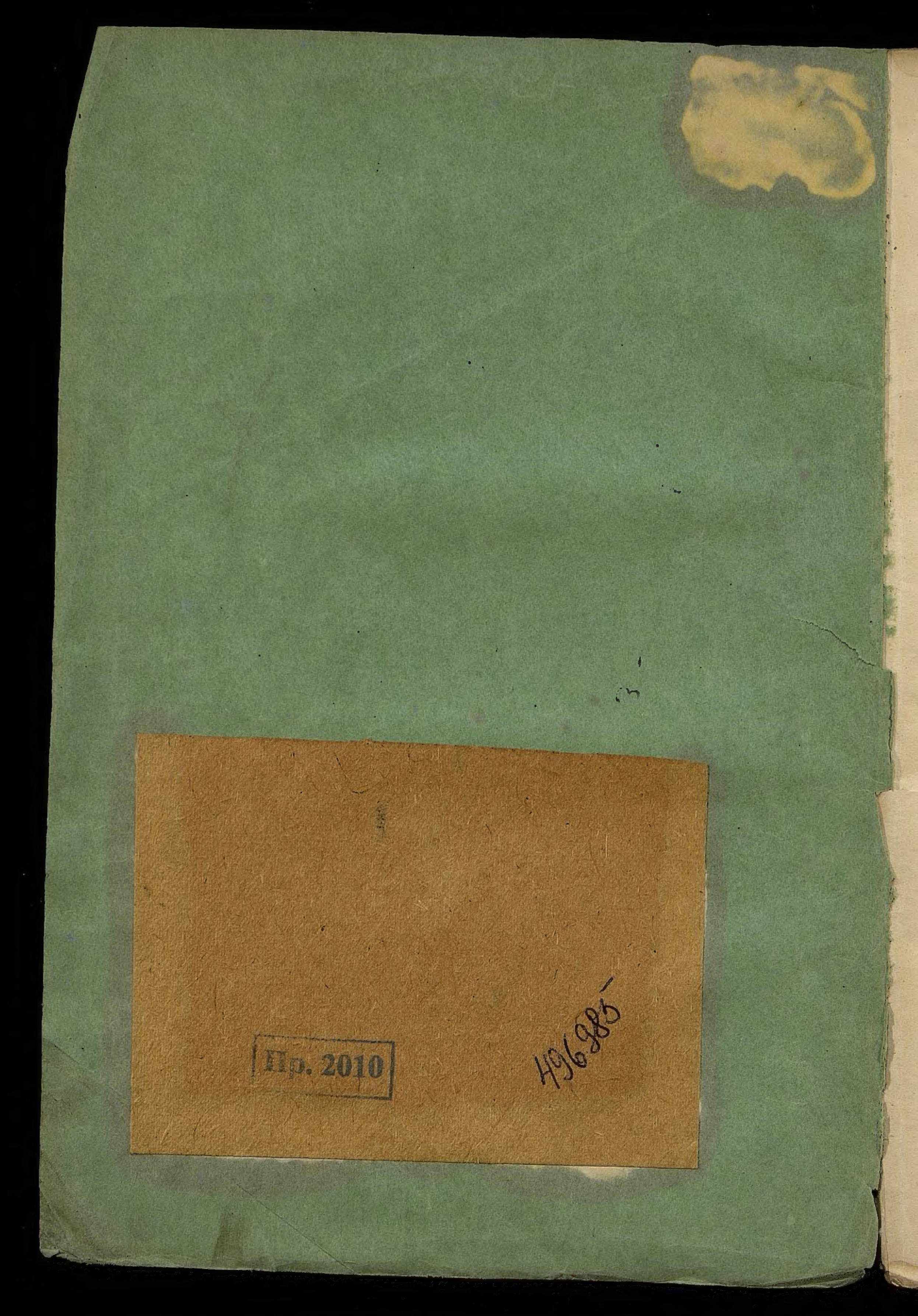

Пр. 2010
496985

ОБЪ

ЭЛЕМЕНТАХЪ и ФОРМАХЪ

СЛАВЯНО-РУССКАГО ЯЗЫКА.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

НАПИСАННОЕ

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

Кандидатомъ М. Катковымъ.

Proponuntur haec a me, non ut pro arbitrio quidquam pronuntiem, verum ut alii habeant de quo amplius quaerant.

Heyne, Observ. ad Homer. carm. tom. VIII, p. 423.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1845.

Печатать позволяется по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Москва Маія 16-го дня, 1845 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

Цѣль предлагаемаго труда—уяснить, сколько позволяютъ средства его автора, элементы, изъ коихъ сложились рѣченія и развились формы языка Русскаго.

Единственный путь ведетъ къ этой цѣли — историко-сравнительный.

Будучи членомъ Славянской семьи, Русскій языкъ, какъ языкъ Славяно-русскій, въ несомнѣнномъ сродствѣ состоитъ съ семьей обширнѣйшей языковъ Индоевропейскихъ.

Итакъ, уяснить его элементы и формы значитъ уяснить тотъ путь, какимъ онъ обособлялся; постараться подойти сколь можно ближе къ той древнѣйшей эпохѣ, когда онъ самъ впервые произнесъ себя; потомъ слѣдить движеніе имъ въ ту эпоху признанныхъ законовъ.

Задача трудная. — Авторъ не посмѣлъ бы никакъ взяться за нее, если бы ему поставлено было въ обязанность совершить дѣло въ такой полнотѣ, какой требуетъ наука. Онъ рѣшился только

послужить этому дѣлу, а не повести его; только положить свой малый камень въ общій запасъ, изъ коего должно соорудиться то трудное зданіе. Авторъ будетъ вполнѣ доволенъ, если изъ его разысканій что либо окажется и для сравнительной грамматики пригодное и для исторіи нашего языка не вовсе безполезное.

А потому строгой системы въ трудѣ его искать не должно: система безъ полноты матеріала ему кажется болѣе вредною, чѣмъ полезною.

Однако книга сама собою раздѣлилась на двѣ части, изъ коихъ въ первой рѣчь идетъ собственно о буквахъ, а во второй о формахъ именныхъ и глагольныхъ.

I.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ.

Согласная писмена яко же плоть есть, немощно ими рещи что без прикладу книмъ писмене гласнаго . . стоятъ яко же без души — Старин. алфавитъ. Опис. Рум. Муз. стр. 5.

1. *О буквахъ гласныхъ.*

Исконно краткими гласными могутъ считаться только три элемента: *a*, *i*, *y*. Яковъ Гриммъ (*) старался первый утвердить это положенiе на основанiи историческомъ, на томъ именно, что въ Санскритѣ, равно и въ Готскомъ языкѣ, нѣтъ краткихъ *o e*. Въ Греческомъ особыми начертанiями отличена краткость этихъ буквъ, которыя, предполагая большею частiю древнѣйщее *a* (**), должны въ качествѣ краткихъ быть относимы къ позднѣйшей эпохѣ языка.

Сюда присоединяются показанiя языка другаго поколѣнiя,—Арабскаго. Въ немъ грамматики (***) призна-

(*) Deutsche Grammatik, изд. 2-е, т. I. стр. 594.

(**) Ibidem. Также Боппъ Vergleichende Grammatik § 3.

(***) Henrici Ewald—Grammatica critica linguae arabicae etc. Lipsiae 1831 стр. 39.

ютъ основными тѣ же самыя три гласныя, *a*, *i*, *y*, или лучше *ы* (*), и стараются подвести подъ ихъ простые типы все разнообразіе смѣшенныхъ и почти неуловимыхъ звуковъ нынѣшняго выговора.

Положеніе было бы справедливо; но къ сожалѣнію оно сбилось у Гримма съ пути, соединясь съ другимъ его мнѣніемъ, которое прежде робко обронилъ онъ въ примѣчаніяхъ, а потомъ поставилъ во главу ученія о буквахъ, именно, что долгія гласныя вообще не исконны, а произошли мало-по-малу различными путями изъ краткихъ (**). Не на взаимныхъ ли отношеніяхъ долготы и краткости основанъ законъ количества въ языкѣ? Будь долгота происхожденія позднѣйшаго, то и сей законъ, вопреки основнымъ понятіямъ самого же Гриммова ученія, оказался бы позднѣйшимъ.

Твердостію, чистотою и какъ бы сознательностію звуковъ долженъ былъ въ высшей степени отличаться языкъ первобытный, о которомъ лишь смутныя, хотя и несомнѣнныя, свидѣтельства уцѣлѣли въ языкахъ. Языки памятные представляютъ уже посте-

---

(*) Ibidem....*i* et *u*, cum ipsâ sonorum naturâ, tum pronunciationi Arabum peculiari, sibi sunt vicissim viciniores. Videtur enim vocalis û admodum in î inclinasse; monstrat id evidentissime rythmi finalis ratio, ex quo poetis semper *ûna* et *îna* sine discrimen copulare licet.—

(**) Deut. Gram. стр. 331, и 3-е изд. стр. 32.

пенную порчу и ослабленіе звука: изъ живаго дѣятеля онъ становится механическимъ и какъ бы условнымъ знаменателемъ ему чуждаго понятія.

Санскритскій языкъ, богатою рукою восполняющій утраты въ этимологическомъ составѣ своихъ родичей, былъ постояннѣе, и во многомъ сохранилъ безспорно вѣрнѣе основный характеръ, которымъ отличалось первобытное слово *нашего поколѣнія*. Въ немъ *ô* и *ê*, всегда долгія, ясно обнаруживаютъ свою двŭгласную природу, и такъ хорошо помнятъ простые элементы, изъ которыхъ сложились, что при первомъ эвфоническомъ поводѣ разлагаются: ô на а+у, ê на а+і. (*)

Но и въ Санскритѣ, вмѣстѣ съ этими, законно происшедшими буквами, слышится, по свидѣтельству Англійскихъ санскритологовъ, въ нынѣшнемъ произношеніи пандитовъ, краткія *о* и *е*, вмѣсто краткаго *а*. Боппъ, сначала недоумѣвавшій, почему столь богатый алфавитъ, каковъ дêванâгарû, ничѣмъ не отмѣтилъ краткости этихъ буквъ (**);—потомъ согласившійся съ Гриммомъ, призналъ переходы ă въ ŏ, ĕ за позднѣйшую порчу выговора. — Но эта порча или это ослабленіе вокализма должно быть признано

(*) Боппа—Grammatica critica linguae sanscriticae. § 14.—Vergl. gram. § 2.

(**) Annals of oriental litterature. London. 1819. часть I. стр. 7 Сл. у Гримма Deut. Gram. 2-е изд. стр. 594. Vergleich. Gram. Боппа спр. 3.

за явленіе, общее всей Индоевропейской фонстикѣ; ибо и другіе языки нашего поколѣнія, противъ Санскритскаго краткаго *a*, охотно ставятъ тѣ обѣ незаконныя краткости.

Только буква *a* знаменуетъ чистый и полный элементъ голоса. Двѣ другія основныя стоятъ уже на границѣ гласнаго звука, и незамѣтно переходяту въ область согласныхъ: *у* черезъ *в*, а *і* черезъ *јотъ*: *у* знаменуетъ, слѣдовательно, голосъ, приращенный губнымъ органомъ; *і* — небнымъ. Основныя гласныя, соприкасаясь, даютъ первоначально эти двѣ середнія буквы *о* и *е*, которыя, не смотря на свою сложность и производность, важны въ экономіи языка; ибо ни одинъ историческій языкъ безъ нихъ, сколько извѣстно, необходится. Если три элемента *a*, *і*, *у*, Гриммъ называетъ исконными краткостями, то оба элемента *о*, *е*, должны быть названы столь же исконными долготами.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ древней фонетики языка Славянскаго состояло въ малой терпимости гласнаго подъёма словъ. Буква *a*, за малыми исключеніями, во все нетерпима въ началѣ рѣченій.—Сверхъ того, гласныя, въ началѣ стоящія, во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ прикрываются или губнымъ придыханіемъ (то есть полугласною *в*) или гортаннымъ (какъ напр. въ Нижне-лужицкомъ и въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ Малорусскаго выговора), или просто іотою (особенно б. *е* очень рѣдко зачинаетъ слово безъ ея помощи); наконецъ, что осо-

бенно важно (ибо придыханія не составляютъ еще органической принадлежности слова и большею частію столь же легко отметаются, какъ и принимаются), уходятъ per metathesin въ середину. Эта послѣдняя участь постигла преимущественно начальное *а*. Многія рѣченія забыли черезъ то о своемъ этимологическомъ происхожденіи. Какъ Польское *łakać* и Русское *лакомъ* относится къ Церковному (и также Русскому), *алкать*, такъ обще-Славянское *камень* (камы) къ Литовскому *akmů* (тема: akmen), Санскрит. *açман* (*). Также сличи: *лебедь*, *лабуд* (анало-

(*) Прежде всего должно объясниться въ способѣ изображенія Санскритскихъ рѣченій, которыя будутъ приводимы здѣсь для сличенія. Мнѣ казалось удобнѣйшимъ употребить на то наши письмена, съ нѣкоторыми добавленіями, а не Латинскія. Звукъ *h* для отличія отъ *g* позволилъ я себѣ означать буквою *г* съ точкою на верху (*ġ*). Гортанное придыханіе, часто сопровождающее въ Санскритѣ согласныя, будетъ отмѣчаться у насъ значкомъ ʿ — на пр. *пʿа* (какъ бы пха). Шипящую небную — особый звукъ, недостающій Европейскимъ языкамъ—Раскъ предложилъ изображать Французской буквою *ç*, въ знакъ того, что въ Европейскихъ языкахъ она обыкновенно появляется, то въ видѣ *к*, то въ видѣ *c* (s): это принято Бюрнуфомъ, Лассеномъ и многими другими. Искуственная гласная *р*, по принятому произношенію, будетъ изображаться слогомъ рї; полугласная небная будетъ появляться въ видѣ Латинской *j*; другія тонкости деванâгари, какъ менѣе важныя и болѣе трудныя для насъ (на пр. различіе б. *и* по органамъ и пр.), оставимъ безъ отмѣты.

Касательно же самихъ сличаемыхъ рѣченій, слѣдуетъ замѣтить: хотя народы, находящіеся въ историческихъ спо-

гически построенное съ словомъ чернеть—дикая утка, anas fuligula) съ древне-Нѣмец. *alpiz* и можетъ быть съ Лат. *alb*(us); *рамо* (тема рамен) съ Лат. *armus*, Нѣм. *arm*. Можно объяснять это рѣченіе, общее намъ съ Римлянами и Германцами, какъ причастную форму отъ Санскритскаго корня *рїд* (ард')- *расти* и пр.

Въ концѣ рѣченій, б. *а* тоже не могла устоять твердо. Изъ именъ муж. р., кончащихся въ Санскритѣ на *а*, не многія удержали ее доселѣ. Таже участь постигла тутъ эту гласную и въ языкахъ классическихъ. За то *а* въ именахъ женскаго р. сохраняетъ всю свою силу. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Подъ защитою другихъ буквъ, въ серединѣ рѣченій, краткое *а* нѣсколько постояннѣе.

Буква *і* знаменуетъ, какъ сказано, голосъ приражаемый небнымъ органомъ. Не входя въ разысканія физіологическія—вообще отъ нихъ будемъ мы держаться подалѣе—не можемъ однако не замѣтить, что сія буква способна какъ бы отдаляться отъ своего органа и изъ тонкой, какою должна быть, по

шеніяхъ, перенимаютъ другъ у друга рѣченія; однако основательное языковѣдѣніе не въ этихъ рѣченіяхъ должно полагать силу, а въ тѣхъ, которыя свидѣтельствуютъ объ исконномъ единствѣ языковъ.—Къ сожалѣнію, у нѣкоторыхъ филологовъ есть обычай всегда думать о заимствованіи, когда встрѣтится сходство между словами сличаемыхъ языковъ. Любой языкъ окажется съ такой точки зрѣнія механическимъ наборомъ словъ изъ другихъ языковъ: не будетъ ли это круговою порукою?

природѣ своей, становится болѣе дебелою. Это грубѣйшее *і* сродно, напримѣръ, нынѣшнему Нѣмецкому языку: то же *і* надобно разумѣть и у насъ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ, именно зубныхъ, какъ *ж*, *ц*, *ш*, а не букву *ы*, которая имѣетъ и происхожденіе и назначеніе совсѣмъ иное.

Буква *у* — голосъ, приряженный губнымъ органомъ. Собственное начертаніе этой буквы въ Кириллицѣ: *оу*, по образцу Греческаго алфавита. Въ древнѣйшихъ кодексахъ (особенно въ Остромировомъ) *у* вм. *оу* попадается весьма рѣдко и явною опискою. Въ Русскомъ языкѣ издавна б. *у* замѣнила другой элементъ, изображавшійся древлѣ начертаніемъ *ж*, для котораго недостаетъ теперь у насъ и звука: ихъ смѣшивалъ иногда и самъ прилежный дьяконъ Григорій.

Прежнее сложное начертаніе этой буквы (оу), какъ замѣчено, взято съ Греческаго, гдѣ, какъ и въ нынѣшнемъ Французскомъ, для означенія чистаго и простѣйшаго звука губнаго, принято сложное начертаніе, состоящее изъ *о* и губной же гласной, но только ослабленной: ибо υ Греч. (по Еразму) и *u* Франц. являютъ собою простое *у*, приряженное небнымъ элементомъ.

Въ нашемъ выговорѣ нѣтъ звука, совершенно подобнаго Французскому *u*; однако въ этимологіи нашей найдется буква, которая часто соотвѣтствуетъ Греческой υ. Но о томъ рѣчь еще впереди.

Въ какомъ отношеніи находится υ къ ου или къ *у*, въ такое же отчасти отношеніе должны быть

поставлены къ буквѣ *а* краткія *о*, *е*. Въ первой она склоняется къ губному, во второй къ небному элементу. Такое склоненіе чистаго и полнаго голоса къ органамъ, есть въ исторіи языка Индо-европейскаго, первый фактъ, въ которомъ обозначилось ослабленіе вокализма; первый слѣдъ того начала движенія и розни, котораго дѣйствія такъ ощутительны во всѣхъ языкахъ историческихъ.

Теперь спрашивается, какую судьбу имѣли въ нашемъ языкѣ сложные элементы: ô, ê и вообще какъ раскрылось, или лучше, гдѣ скрылось у насъ двоегласіе?

NB. Прежде замѣтимъ вообще о б. *о* въ нашемъ языкѣ слѣдующее: по инстинкту или по памяти, общепринятый Русскій выговоръ въ отношеніи б. *о* удивительно согласуется съ показаніями сравнительнаго языковѣдѣнія. Б. *о* безъ ударенія никогда не удерживаетъ своего звука, и переходитъ въ элементъ краткаго *а*. Но такъ какъ съ удареніемъ соединено у насъ и протяженіе голоса; то можно сказать, что нашъ выговоръ не принимаетъ другаго *о*, кромѣ долгаго. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что и другія преданія отъ древнѣйшей эпохи сохранилъ Русскій выговоръ, даже до нашего времени.

Двугласныя буквы или дифтонги обыкновенно раздѣляются на органическія и неорганическія. Къ

первому разряду отнесемъ тѣ изъ нихъ, которыя соединяютъ въ себѣ элементъ чистаго голоса (*а*), или твердый элементъ, съ элементомъ голоса подвижнымъ (т. е. elementum ore affectum) *i*, *у*. Коренными, исконными двугласными признаны уже нами обѣ долготы *ô*, *ê*. За ними слѣдуютъ другіе два дифтонга, изъ тѣхъ же элементовъ состоящіе, но съ преобладающею силою перваго, т. е. твердаго: *ai*, *ау*. Въ такой простотѣ и естественности является намъ система двоегласія въ Санскритѣ. Не совершенное сліяніе элементовъ въ двухъ послѣднихъ дифтонгахъ и отличіе ихъ отъ первой пары, Боппъ, въ силу остроумныхъ и ученыхъ доводовъ, объясняетъ долготою твердой *а*.

Бб. *ô* и *ê*, какъ сказано выше, всегда въ Санскритѣ сознаютъ свой составъ, и разлагаются, въ случаѣ зіянія, на *ав*, *аj*. Въ обоихъ языкахъ классическихъ, двоегласіе соблюло почти повсюдно свой органическій характеръ: первымъ элементомъ стоитъ твердое *а* или его намѣстники *о* и *е*. Въ языкахъ Германскихъ появились уже двугласныя неорганическія. Тамъ, какъ доказано Боппомъ въ его Вокализмѣ (Vocalismus. Berlin. 1836 стр. 11 и въ другихъ мѣстахъ), б. *а* можетъ ниспадать на степень тоŭ *i*: отсюда Готскій дифтонгъ iu (въ древнемъ Нѣмецкомъ кромѣ того: *ia*, *io*). Что же касается до нашего языка, то предварительно должны мы заняться разысканіями о тѣхъ элементахъ его, которые сомнительнѣе и темнѣе всѣхъ прочихъ.

Я разумѣю буквы *ъ* и *ь*. Мнѣнія объ нихъ неопредѣленны и сбивчивы. Одни видятъ въ нихъ буквы пустыя, litterae aphonae, или, что почти тоже, уподобляютъ ихъ нѣмому *е* Французскому, шевъ Еврейской; другіе называютъ ихъ полугласными, и тѣмъ названіемъ, сознательно или безсознательно, смѣшиваютъ ихъ съ истыми полугласными *j* и *в*. Есть и такіе, которые готовы принять ихъ за гласныя, не отдавая себѣ однако яснаго отчета за какія. Добровскій касается ихъ слегка, и б. *ъ*, какъ пустую и ненужную, въ своихъ Institut. linguae Slavicae отметаетъ вовсе. Мелетій Смотрицкій назвалъ ихъ словомъ, хотя тяжелымъ, но яснымъ: *припряжно гласными*. Напрасно авторъ *Филологическихъ Наблюденій* старается извлечь изъ этого опредѣленія смыслъ, ему болѣе пригодный: смыслъ ясенъ — бб. *ъ* и *ь* названы у Мелетія гласными.—Но всѣ эти и подобныя мнѣнія предлагались въ грамматикахъ какъ бы мимоходомъ; никто не рѣшался извлекать изъ нихъ какія-либо дальнѣйшія заключенія на цѣлой составъ нашей этимологіи; никто доселѣ, кромѣ Автора *Филол. Наблюденій*. По его мнѣнію какъ *ъ*, такъ и *ь* должны быть относимы не къ гласнымъ, а къ придыханіямъ, которымъ отводитъ онъ въ языкѣ просторъ, гораздо большій противъ обыкновеннаго. Б. *ъ*, а за ней и *ь*, говоритъ онъ, снята съ Латинскаго *h*. Этими буквами означилъ Кириллъ примѣченныя имъ въ Словянскомъ языкѣ два придыханія дебелое (ъ) и тонкое (ь). Отъ сихъ, продолжаетъ онъ, двухъ приды-

ханій, неотступно сопровождающихъ всякую гласную букву, и сами наши гласныя раздѣлились на два класса: на гласныя твердыя, предъ которыми пишется или подразумѣвается *ъ*, и на гласныя мягкія, предъ которыми пишется или подразумѣвается *ь*, или служащая ему замѣною буква *i* (=Лат. j)....— Послѣ согласныхъ буквъ, въ серединѣ и въ концѣ словъ, изобрѣтатель нашей азбуки тоже писалъ *ъ* или *ь*, чтобы знали, какой выговоръ дать буквамъ, твердый или мягкій. Далѣе роднитъ онъ б. *ъ* съ Латинскимъ *h* еще слѣдующимъ образомъ: и у Римлянъ требовалось придыханіе *h* при буквѣ *r*, чтобъ означить твердый ея выговоръ, при буквахъ *p*, *c* *t*, чтобы сдѣлать ихъ придыхательными. Напр. Arrhabo (=Греч. ἀῤῥαβών), philosophia, charitas, theologia.— Нѣмецкіе Вѣропроповѣдники, писавшіе Словенскую рѣчь Латинскими буквами, различали мягкій и твердый выговоръ только въ гласныхъ. При мягкомъ выговорѣ они замѣчали что-то похожее на б. *й* или *г*, и тѣ гласныя, которыя, по Кириллову правописанію, принято писать съ *i*, они писали съ *i*, *y*, *g*..... Нѣмцы не могли употребить буквы *h*, какъ употребилъ ее Св. Кириллъ. Уникъ б. *h* по выговору нерѣдко равнялась буквѣ *х*: грѣхъ мой: они написали бы greh moi или mog. Впрочемъ есть доказательство на то, что и они встарину вмѣсто придыханія употребляли *h*, на пр. въ Богемской рукописи 13 стол. написано *hi*, *ha*, вм. *и*, *а*.

Доселѣ мнѣніе автора *Филологич. Наблюденій.* Добрая часть недоразумѣнія состоитъ въ словѣ при-

дыханіе. Если понимать его въ собственномъ смыслѣ, т. е. какъ элементъ звука, противуположный голосу, то придыханіе собственно одно, видоизмѣняемое только органами устъ, къ которымъ приражается.

Если ъ значитъ придыханіе гортанное и если въ Славянскихъ языкахъ не было, какъ утверждаетъ самъ же Г. Павскій, собственно гортаннаго придыханія, то для чего же было Св. Кириллу изобрѣтать начертаніе для элемента небывалаго? Неужели только для того, чтобы выразить остывшій слѣдъ, этаго дыханія, или отмѣтить твердый выговоръ буквъ и безъ того произносимыхъ твердо? Что за странная мысль заключать придыханіемъ каждое рѣченіе, которое не кончится на гласную? Что же касается до буквы *ь*, то если почтенному автору кажется нелѣпымъ мнѣніе, видящее въ ней гласную; то съ помощію какого же придыханія прочелъ бы онъ, самимъ же имъ, въ доказательство той нелѣпости, приведенное слово *срьдцьмь*?

Что же касается до встрѣчаемыхъ въ Чешской рукописи XIII стол. формъ ha, hi, то и нынѣ у Верх. Лужичанъ говорится и пишется *ha*, вм. *a* и проч. (у Ниж. Лужич. это явленіе, какъ замѣчено выше, встрѣчается повсюдно), какъ и у насъ въ Малороссіи гострый, и проч. вмѣсто острый; но отъ того, кажется, нашему *ъ*-у ни тепло, ни холодно.

Древнѣйшіе памятники Славянской письменности, уцѣлѣвшіе слѣды въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ Рус-

скихъ, сравненіе съ родственными языками—все явно свидѣтельствуетъ, что спорныя буквы эти (ъ, ь) принадлежатъ къ разряду гласныхъ.—Опишемъ ихъ употребленіе по древнѣйшимъ кодексамъ, наиболѣе Остромирову.

Б-ою *ъ* заключаютъ именительный падежъ имена (мѣстоименія) муж. рода; б-ою *ь*, кромѣ мужескихъ, также и женскія. Здѣсь буквѣ *ъ* въ Санскритѣ отвѣчаетъ равно и *а* и *у* (краткія), Въ Зендѣ тоже. Въ греч. ο, υ; въ Лат. u (=древнѣйшему о) и собственное *u* четвертаго склоненія; въ Готскомъ *u*, и теоретически возстановленная *a*; въ Литовскомъ *a*, *u*. Сл. Сскр. врiка-с, Литов. wilkas, готск. wulf-(a)s=волкъ. (Сскр. сýну-с, Гот. sunu-s сынъ и проч. Domu-s=домъ и проч. Сскр. та-с=тъ. Буква *ь* соотвѣтствуетъ, прежде всего, гласной *i* въ другихъ языкахъ: Сскр. агнi-с, патi-с=огнь, господь; Лит. szi-s=сь. Указать на ея другія соотношенія—теперь трудно; но скажемъ пока, что она является также и тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ согласная буква заключаетъ тему слова. Pastor—пастырь и пр. Здѣсь встрѣчается нашъ языкъ съ Зендомъ, который въ подобно-построенныхъ темахъ ставитъ особую гласную б-у, равную, по объясненію Раска, краткому е, на прим: датарě—датель.

Изъ косвенныхъ падежей, кромѣ винительнаго ед. числа, когда онъ сходенъ съ именительнымъ, еще творительный того же числа принимаетъ *ь* букву, для завершенія своего суфикса, согласной б. *м*

Это окончаніе творит. на *мь* вполнѣ соотвѣтствуетъ Литовскому, творительному же, *mi.* Въ мѣстномъ прилагательныхъ, *ь* (мь) соотвѣчаетъ Санскритскому *i* (мі-н).

Род. множ. *ъ*, *ов-ъ*, *х-ъ*, а также *ь*. — Въ Литовскомъ родител. пад. завершается б-ю *u* (*y*). — Здѣсь требуются особыя разысканія, которыя найдутъ себѣ мѣсто въ общей статьѣ о склоненіи (см. ниже).

Дат. множ-*мъ*-Литов. mu-s, Лат. bus. Въ мѣстномъ множ. *ъ*=скр. *у*.

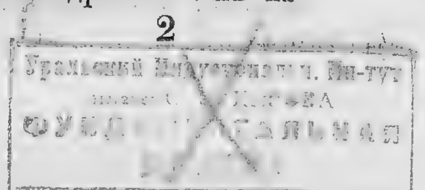
Въ глаголахъ—*ь* заключаетъ 1 и 3-е лице един. и множ. Есмь, дамь—Скр. асмі, Гр. εἰμι; дадâмі δίδωμι. Есть, Скр. асті, Греч. ἐστι. Сѫть—Санскр. санті, дадѧть Скр. даданті. Неокончательному наклоненію на *ъ* соотвѣтствуетъ неокончательное же наклоненіе въ Санскритѣ на *ум* (тум), въ Латинскомъ supinum тоже на *um* (tum).

Въ словахъ предложныхъ, предлоги, сливаясь съ рѣченіями, либо остаются неизмѣнными, удерживая и б. *ъ*; либо отметаютъ ее, и въ такомъ случаѣ, принаравливаютъ свою согласную къ согласной корня, съ которой образуютъ группу, наприм. *въ-лиати*, *въкоуситн*, *беспечали*, *беспорока*, также *възиграитеся*, *възиде*. Есть примѣры, что для благозвучія отметается не только *ъ*, но и согланая предлога (на прим. у Остром. *окрьвеніе* вм. *открьвеніе*, *оходити* вм. *отходити*).

Передъ падежными и образовательными приростами удерживаются тематическія *ъ* и *ь*, на пр. *сънъмь, бѣсъмь, дньмь, избытькъ, младеньць, овьца* (сл. Лат. ovis, Литов. awis), *отьчьство* и пр. Плавныя *р* и *л*, рѣшительно всегда требуютъ, для образованія слога, кромѣ другихъ гласныхъ, либо *ъ*, либо *ь*, однажды и даже *дважды: за собой и передъ собой вмѣстѣ*.—До такой степени нужны здѣсь онѣ, что появляются въ словахъ чуждыхъ, Еврейскихъ или Греческихъ, внесенныхъ въ текстъ. Примѣры: *влъна, влъхвъ, зълъчь, кръвь, мълънии, крьстъ, мълъва, Галгоѳа* (см. Остром.) Γολγοθα (*а* вм. *о*) и проч. Наконецъ, вотъ примѣры, гдѣ бб. *ъ*, *ь* образуютъ слогъ съ другими согласными: *кънига, дъщи, дъждити, дьстка, вьсь, пьсъ, стьгны, ръпътъ, мьдьлынъ, мьсть̀, мьзда, дьнь, сънъ, сътъ* и пр.

Нынѣшнее правописаніе, какъ извѣстно, б-у *ъ* почти вовсе изгнало изъ середины рѣченій, либо замѣнило б-ою *о* (иногда *у*).—Что же до *ь*, то вмѣсто его стоитъ *е*; но, не потерявъ права являться въ серединѣ, онъ, какъ тамъ, такъ и въ концѣ, служитъ только къ видоизмѣненію выговора согласной. Въ Сербскихъ кодексахъ, а равно и въ томъ, который слыветъ подъ именемъ Реймскаго Евангелія, различіе между сими буквами не удержано, и службу обѣихъ отправляетъ одинъ *ь*. На пр. *вьзалька*, вмѣсто възалъка, *вьзьмоутъ* — възьмѫть, *кьгда* — къгда, а также *тегда*—тогда и т. п.

Съ этой особенностію западныхъ кодексовъ совершенно совпадаютъ показанія древнѣйшихъ па-



мятниковъ Чешской Словесности, писанныхъ Латинскими буквами. Въ срединѣ рѣчений, именно при плавныхъ *р* и *л*, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ нынѣшнемъ Чешскомъ правописаніи вовсе нѣтъ гласной, стоитъ либо *е* за плавной, либо *і* передъ плавной. Люб. судъ: *pleki*, *pleznie* (dle), od gor *Creconosi*, *chlemca*, *Wletawa*. У Вацерада: *drebne*, *pilnolunie*, *dircole*, *dilh*. Отрыв. Еванг. Св. Іо. *zreno*, *pleti*, *mretvih* и т. п.

Ученые издатели Любушина Суда и другихъ памятниковъ не захотѣли однако воспользоваться ихъ указаніями, столь важными для исторіи нашего языка. „Извѣстно (!?)," говорятъ они (стр. 69), „что изобрѣтатель Кириллова алфавита, слѣдовалъ закону многихъ восточныхъ языковъ, требующему, чтобы каждый слогъ заключался гласною или полугласною, и изобрѣли для того знаки *ъ* и *ь*, аналогическіе Армянскому *iem*.... „Вѣроятно," прибавляютъ они, „что писцы, привыкшіе къ Латинскому языку (не принадлежитъ ли и Латинскій ко многимъ восточнымъ языкамъ, требующимъ гласной для образованія слога?), слѣдовали въ Моравіи и Чехіи правилу Кирилла касательно вокализаціи слоговъ; ибо нельзя думать, чтобы въ произношеніи древнихъ Чеховъ дѣйствительно слышались означенныя гласныя....." Новымъ Чехамъ кажется страннымъ, что бб. *л*, *р*, подобно всѣмъ согласнымъ, не берутся сами собою образовывать слога, и что древнѣйшіе Чехи не развились до премудрости рѣченій, подобныхъ таковымъ: *wlk*, *zrno* и проч.

Кромѣ Чешскаго, еще въ Сербскомъ языкѣ б. *р*, (отнюдь однако не *л*, ибо ничего бы не было противнѣе для Серба, какъ blby, oplzly и пр.), въ рѣченіяхъ, гдѣ-бы долженъ стоять *ъ* или *ь*, обходится на письмѣ, однако не въ произношеніи, безъ помощи гласной. Сличеніе съ Санскритомъ служитъ повидимому оправданіемъ такому обычаю сихъ нарѣчій Славянскаго языка. Индійскіе грамматики помѣстили букву *р* даже въ разрядъ гласныхъ, даже отмѣтили ея долготу. Многіе санскритологи оспариваютъ, однако ясно и рѣшительно исконность этой quasi—гласной. Боппъ утверждаетъ (см. Vocalismus, Anhang) и доказываетъ, что она вездѣ *является* увѣчьемъ слога *ар*. Впрочемъ ее велятъ произносить съ помощію слабой *i*, какъ въ Англійскомъ словѣ merrily. Къ тому же, въ полномъ изображеніи этой буквы главная часть принадлежитъ б-ѣ *а*. При такомъ начертаніи, буква эта, въ Санскритскомъ письмѣ, имѣетъ нѣкоторое право довольствоваться сама собою; а Кирилловская *р*, взятая съ Греческаго, и Латинская *r* Чешской азбуки, на какомъ основаніи могутъ быть употребляемы безъ помощи какой бы то ни было гласной?

Вотъ примѣры рѣченій, построенныхъ изъ другихъ согласныхъ: *kegdy* (къгды), *desky* (дьскы), *seber* (съберъ), *se* (съ), *okence* (окъньце).

И въ нынѣшнемъ произношеніи и правописаніи Чеховъ тоже самое: *ъ* и *ь* (за малыми исключеніями, какъ dluho, mluwa и проч.) слились въ од-

номъ намѣстникѣ *е*, если гдѣ не пропали вовсе. Слѣдующая табличка представляетъ примѣры, какъ замѣнились или лучше, какъ смѣшались, въ главныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, сіи двѣ буквы:

	серб.	чеш.	пол.
сънъ	сан	sen	sen
дьнь	дан	den	dzień
лъжь	лаж	lež	łež
львъ	лав	lev	lev
дъждь	дажда	déšť	deszcz
пьсъ	пас	pes	pies.

Изъ этаго видимъ, что ослабленіе вокализма у нашихъ соплеменниковъ было значительнѣе, нежели у насъ: кромѣ немногихъ сомнительныхъ случаевъ, у насъ вездѣ различаются *ъ* и *ь*, большею частію въ видѣ *о* и *е*.

Въ Хорутанскомъ нарѣчіи появляется гласная *е*, звукомъ, какъ замѣчаетъ Шафарикъ (см. Narodopis стр. 70; въ Русскомъ переводѣ Проф. Бодянскаго стр. 66), средняя между *е* — *i* (lév térg térn). Оба Лужицкія нарѣчія примыкаютъ къ Польскому; однако въ нихъ замѣтно бо́льшее различеніе обоихъ элементовъ: son (по Польски sen); woš (Пол. wesz). Въ Болгарскомъ оба элемента смѣшиваются также въ буквѣ *е: ден, тенки*. При плавной *р*. появляется *а: крав* (кръвь), *варх* (вьрхъ); тутъ какъ и при плавной *л*, слышится звукъ, который нынѣ изображается иногда не свойственнымъ знакомъ *ж*, и о которомъ лучше, кажется, можно дать понятіе, пред-

ставивъ его, либо какъ *а*, либо какъ дебелое *э*: *джлгъ*, какъ-бы дэлгъ; *бжлгаръ*, какъ-бы бэлгар. — Звукъ *э* или *а* слышенъ и въ Сербскихъ сокращенныхъ формахъ съ плавной *р* (трг). Въ Польскомъ, равно и въ Латино-Сербской письменности, онъ открыто стоитъ въ соотвѣтной формѣ (targ, martwy). Б-у ъ Сербскій языкъ, опуская плавную *л*, превращаетъ въ долгое *ý*.

Серб.	Чеш.	Пол.	В. Луж.
Дýг	dluh	dług	dołh
пýнн	plný	pełny	połny
трг	trh	targ	torho(šco)
срна	srna	sarna	sorna.
зрно	zrno	ziarno	ziarno.

Доселѣ можно, кажется, безспорно согласиться въ томъ, что обѣ нынѣшнія litterae aphonae заступили, въ древнѣйшій періодъ Славянскаго языка, мѣсто гласныхъ: *ъ* — преимущественно гласной губной (*), *ь* — небной, и что это различіе особенно ясно въ языкѣ Русскомъ. Потому-то Г. Павскій, рѣшившись этимъ обоимъ загадочнымъ начертаніямъ отказать въ названіи гласныхъ, былъ, однако, вынужденъ сознаться, что онѣ часто заступаютъ мѣ-

(*) Такъ думаетъ и Я. Гриммъ. См. введеніе его въ Сербскую Грамматику Вука. Боппъ въ Сравнит. Грам. оспариваетъ Гримма въ томъ, что ъ заступаетъ преимущественно мѣсто *у*, и съ своей стороны полагаетъ, что въ б. ъ изчезли и другія гласныя, и что ъ въ сущности есть нуль.

сто гласныхъ. Трудно понять, что такое начертанія, письменно заступающія мѣсто гласныхъ: буквы написанныя занимаютъ не мѣсто буквъ произносимыхъ, но служатъ непосредственно къ ихъ означенію. Вотъ причины, которыя заставляютъ утверждать, что обѣ сіи буквы въ древности означали нѣчто болѣе существенное и опредѣленное, нежели мудрованіе писцовъ.

Употребленіе ихъ въ Остромировомъ и другихъ древнихъ кодексахъ. Ибо нѣтъ никакой возможности прочесть безъ помощи гласныхъ слова, подобныя этимъ: *сънъ*, *тъ*, *сътъ*; нельзя также произнести съ помощію полугласной іоты слова: *сь*, *мьдьльнъ* и пр. Если они имѣли силу образовывать слогъ, то были, слѣдовательно, гласными. Съ другой стороны, нельзя предположить, чтобы древніе либраріи наши писали знаки, не выражающіе никакихъ элементовъ голоса, для одной только забавы. Зачѣмъ было имъ замѣнять извѣстныя знаменательныя буквы, напр. *о*, знаками совершенно пустыми, или для инаго дѣла изобрѣтенными? Далѣе, если *ъ* замѣняетъ *о* въ серединѣ корней, почему же бы не замѣнять ему той же буквы и въ концѣ рѣченій? Отъ чего *ъ*, напримѣръ, въ словѣ *сънъ*, или *вълкъ*, послѣ первой согласной значитъ *о*, а послѣ второй ничего не значитъ?

Въ стихираряхъ (*) надъ буквами *ъ* и *ь* ставились, равно какъ надъ гласными, крюковыя ноты: это явно свидѣтельствуетъ объ ихъ присут-

(*) См. Румянц. Музеумъ стр. 650, 651.

ствіи не въ одномъ письмѣ, но и въ живомъ выговорѣ. Замѣчательно, что позднѣйшіе списки стихирарей вездѣ замѣняютъ ъ и ь гласными о и е, на пр: *не помолимося фарисейскы, братіе, ибо возносяи себе сомїрится — сомиримося предо богоме мытарескы постоме возывающе*.... Въ древнѣйшихъ этой замѣны нѣтъ: это доказываетъ, что съ теченіемъ времени ъ и ь потеряли память о себѣ, а подъ нотами сохранялись еще звуки, которые прежде означались сими буквами, и которые потому принуждены были искать для себя болѣе понятныхъ начертаній.

Въ памятникахъ старинной Русской письменности, ъ очень часто замѣняется б-ю о (ь б-ю е) тамъ, гдѣ нынѣшнее правописаніе обходится безъ помощи гласной. Востоковъ замѣтилъ это, говоря о сочиненіяхъ, на Бѣлорусскомъ нарѣчіи писанныхъ (см. Описаніе Румянц. Музеума стр. 313).

Что еще гораздо важнѣе и на что, сколько мнѣ извѣстно, не было обращено вниманія — такое замѣненіе не только въ серединѣ встрѣчается, но и въ концѣ рѣченій. Здѣсь Авторъ *Филол. Наблюденій* ни какъ уже не можетъ отговориться, что бб. о и е взяты на подмогу къ ъ и ь, для удобнѣйшаго произношенія. Вотъ примѣры изъ грамоты Мстислава Давидовича (см. СобраніеГосуд. Грамотъ и Договоровъ): *миро, вьсхо, берьго, дълго* (*дасть оу дълго*=въ долгъ); 3 лице ед. числа *оумрете* (вм. оумреть=умретъ); *путе* (=путь). Также *вѣсяте* (вм. вѣсять=вѣсятъ), *дѣитѣ* (=дѣють=дѣетъ).

Вотъ еще примѣры изъ Новгородскихъ купчихъ XIV вѣка: имен. падежъ: *Марке, Окъифо, Ѳедоро, Костянтине*....Се купи *Костянтине, Яково, Смене, Илъино* (т. е. Ильинъ), *Олексино*....*Острово, послухо*. Дат. множ. *Жирятиничямо*. А *псало* Олуферій....а *стояло* у печяти Гошкуй ото всего племени....(Юрид. Акты Археогр. Экспедиціи стр. 110).

Эти примѣры, въ глазахъ моихъ, тѣмъ болѣе важны, что взяты изъ такаго памятника, который прямо списанъ съ рѣчи народной. Здѣсь даже и не музыкальная цѣль, какъ въ стихираряхъ, но настоятельная потребность выговора вынуждала писцовъ къ замѣненію забытыхъ *ъ* и *ь* буквами подобозвучными.

Впрочемъ, гораздо вѣрнѣе думать, что не совсѣмъ грамотные писцы (поблагодаримъ ихъ однако за эту безграмотность) сбивались и смѣшивали подобозвучные гласные элементы; тѣмъ болѣе, что писецъ Мстиславовой грамоты не былъ скупъ и на *ъ*, ставя его даже и тамъ, гдѣ, по правописанію Кирилла, должно стоять *о*, на пр: *дъ* (вм. до), *былъ* (вм. было) и проч.

Примѣч. Великое народонаселеніе, разсѣянное по простору нашего отечества, почти совсѣмъ не было осмотрѣно въ лингвистическомъ отношеніи; потому надобно съ большою осторожностію утверждать, что сохранилось и чего не сохранилось въ языкѣ и выговорѣ Русскомъ вообще. Можетъ показаться, что *ъ*, особенно въ концѣ рѣченій, пострадалъ болѣе, чѣмъ собратъ его *ь*: этотъ сколько-нибудь ощутителенъ, тотъ совсѣмъ

нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ нашей настоящей *конгѣ*, оба эти звука, тамъ гдѣ стоятъ открыто, заглохли почти равно. Доказательствомъ тому служитъ то, что согласныя звонкія или ясныя, всегда требующія голоса для своего произношенія, измѣняются въ концѣ передъ бб: *ъ* и *ь* на соотвѣтственныя глухія или нѣмыя (mutas): *б* на *п*, *в* на *ф*, *з* на *с*, *д* на *т*, *г* на *к*. Не могу опредѣлительно сказать, какъ далеко простерлось это искаженіе въ нашемъ языкѣ: все-ли такъ называемое Великорусское нарѣчіе подверглось ему, или въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣвера, гдѣ до нынѣ слышна рѣчь Славянъ Новогородскихъ, со многими исконными элементами, уцѣлѣлъ хотя слабый остатокъ гласности словоокончаній. Извѣстно покрайней мѣрѣ то, что нарѣчіе Малорусское не совсѣмъ заглушило звонкія буквы, и не допустило *б. ф*, искони нетерпимой Славянскимъ языкомъ.

Кажется можно заключить положительно, что *ъ*-буква не только стояла на мѣстѣ губной гласной, но сама была ничто иное, какъ краткость этого элемента. Переходя въ букву *в* (церкви—церкъı, молвилъ—молъıлъ), она составляетъ съ нею какъ бы одно цѣлое. Послѣ согласныхъ мѣсто для *ъ*-а, послѣ гласныхъ мѣсто для *в* (*).

(*) Нельзя-ли въ самомъ алфавитѣ Кирилла искать объясненія начертанію *ъ*? Начертаніе губной гласной Ъ и начертаніе губныхъ согласныхъ (В, Б) представляютъ между собою неоспоримое соотношеніе: существенная часть начертанія одна и таже, различіе только въ направленіи верхней черты: въ первомъ, она идетъ назадъ, какъ бы указывая на предыдущую согласную; во второмъ, впередъ

Есть основаніе думать, что Латинское *u* невездѣ одинаково произносилось, и что именно краткое *u* отдалялось часто отъ главнаго типа губной гласной. Нѣкоторые филологи думаютъ даже, что краткое Латинское *u* и Греческое υ совпадали фонетически. Шнейдеръ не отвергаетъ этаго мнѣнія, но ограничиваетъ его частными случаями. Ибо изъ чередованія звуковъ *i* — *u*, въ нѣкоторыхъ формахъ, очень можно заключить, покрайней мѣрѣ для этихъ формъ, о присутствіи звука серединнаго (на прим. maxumus—maximus, optumus—optimus и пр. Шнейдеръ Т. I стр. 23 и 33). — Императоръ Клавдій, какъ извѣстно, ввелъ было въ Латинскій алфавитъ три новые знака, изъ которыхъ одинъ именно назначался для того серединнаго звука. Но совпадалъ ли сей серединный звукъ съ Греческимъ υ, рѣшить труднѣе, тѣмъ болѣе, что и звукъ Греческаго υ съ точностію опредѣлить нельзя. Не меньшее должно обратить вниманіе на сродство въ этимологическомъ и даже фонетическомъ отношеніи (Шнейдеръ стр. 28 et seqq. особенно 31) между элементомъ *u* и *o*.

Замѣчательно, что Греческіе писатели, особенно Аппіанъ, нерѣдко въ собственныхъ именахъ выкидывали Латинское краткое *u*, напр. Ρῆγλος (Regulus), Λεντλος (Lentulus), Κατλος (Catulus) и проч. Это очень походитъ на поступокъ писцовъ и книгоисправителей съ буквою ъ, откуда формы, подобныя слѣдующимъ: дщи, цсще, издше и проч.

Какъ видоизмѣненіе губнаго элемента, нашъ ъ отчасти можетъ быть сличенъ и съ Греческою буквою υ, которая могла отправлять также службу дигаммы. Въ общепринятомъ и Аттическомъ нарѣчіи υ, какъ и нашъ ъ, не появляется открыто въ началѣ рѣченія, ибо всегда облекается придыханіемъ гортаннымъ, которое въ нашемъ языкѣ является смягченнымъ въ соотвѣтственныхъ *с* и *в*. Сл. Греческ. ὕπνος съ нашимъ *сънъ*: корень въ Санскритѣ *свап* (сл. причастіе суп-та), Санскритская б. *с* у Грека перешла въ гортанное дыханіе (Ħ), *у* осталось въ υ, изъ *суп* стало ὑπ, а у насъ *съп*, *съпати*, *сънъ* вм. *съпнъ*, по Лат. somnus.—Скр. предлогъ *ут*, по Зенд. *uz*, по Литов. тоже *uz*, появился у насъ въ такомъ видѣ: *въз*, а у Грековъ въ такомъ: ὑς, именно въ рѣченіи ὕς - τερος (=Санскритскому *ут-тара*).

Можно догадываться о подобномъ же соотвѣтствіи между формами: *вода* и ὕδα(-τος), по Скр. *уда*: *о* въ нашемъ словѣ краткость (см. ниже объ удареніи), и потому весьма вѣроятно произносилось древлѣ одинаково съ ъ-мъ; υι въ словѣ υἱός стоитъ прямо противъ нашего *ъı* въ однозначащемъ словѣ *сънъ* кор. общій въ Санскритѣ: *сý* (*шý*), откуда *сýну*. Грекъ выкинулъ образовательную буквою ν, какъ выкинулъ ее въ словѣ πλέος (Скр. *пурна*, пълнъ, plenus), и усилилъ точно такимъ же способомъ свою гласную, какъ Славянинъ свою. —

Если Греческое υ сличается въ фонетическомъ отношеніи съ Французскимъ *u*, то нашъ старинный

ъ можетъ идти въ сравненіе съ Англійскимъ *u* напримѣръ въ рѣченіяхъ but, gun, run, full и пр. Такимъ же звукомъ учитъ Вильсонъ произносить, согласно съ выговоромъ пандитовъ, и Санскритское *у* краткое.

Прежде нежели начнемъ говорить о б. *ъі*, замѣтимъ еще слѣдующее о б. *ъ*. Все же многіе, можетъ быть, назовутъ ее звукомъ безхарактернымъ, не имѣвшимъ силы этимологической и входившимъ въ древнюю правопись только для разведенія согласныхъ. На концѣ рѣченій, не стоитъ ли онъ равно и за *о*(=ă) и за *у*? и пр.—Конечно, какъ краткость элемента подвижнаго въ языкѣ, столь долго жившемъ, какъ Славянскій въ эпоху Кирилла, разбираемая буква не могла отличаться большою ясностью звука и сознательностію своей этимологической силы. Но она имѣла этимологическую силу: это можно доказать изъ грамматическихъ изгибовъ рѣченій, что и будетъ сдѣлано на своемъ мѣстѣ. Что она появлялась также и по требованію благозвучія, для разведенія согласныхъ элементовъ, то для этого употребляются и другія гласныя и въ другихъ языкахъ (замѣчательно, что писецъ Остромирова кодекса, тамъ гдѣ буква несущественна, не рѣдко ставитъ просто знакъ ҆); что она смѣшала въ себѣ на концѣ именныхъ темъ *о* (=ă) и *у*, то въ этомъ наша буква, кажется, недалеко отстала отъ Латинской *u*, которая также смѣшала въ себѣ обѣ породы, оставшись въ 4-мъ склоненіи вѣрною себѣ, а во 2-мъ замѣ-

нивъ древнѣйшее *о*. Можетъ быть еще въ недальней древности выговоръ различалъ тематическія *о* и *у*, и въ приведенныхъ изъ памятниковъ словахъ, какъ *острово*, *берего* и пр., б. *о* можетъ быть вѣрнѣе поставлена писцомъ, нежели *ъ*. — Отыскать, гдѣ должно бы стоять на концѣ темы *о*, гдѣ собственно *ъ* или *у*, трудно теперь; однако въ склоненіи мы увидимъ слѣды подобнаго же различія, какое находится между 2-мъ и 4-мъ Латинскими склоненіями. Если наконечное *ъ* въ словѣ *волкъ* (*вълкъ*) отвѣчаетъ Греческому *о* въ сл. λύκος (можетъ быть per metath. изъ ὕλκος), то въ древности, вѣроятно, и произносилось наше слово такъ: *вълко*, какъ позднѣйшее Латинское lupus произносилось прежде lupos. А слово *медъ*, напримѣръ, удержалось на степени ближайшаго родства съ Греческимъ μεθυ, что ясно изъ прилагательнаго *медвяный*, ибо здѣсь полугласной *в* неоткуда взяться, если не изъ губной гласной. Да и *медвѣдю*, кажется, будетъ лучше остаться при медѣ, чѣмъ ходить по всѣмъ Нѣмецкимъ мытарствамъ; на какія осудилъ его Авторъ Фил. Наблюденій. Слово это, раздѣленное такъ: *медв-ѣдь*, находится въ прекрасномъ соотвѣтствіи съ Санскритскимъ: *мад'у-ліг* (=медолизъ, пчела).

Вотъ причина, почему собственный элементъ *у* (*оу*) былъ малочисленъ въ корняхъ нашего языка, ибо въ нынѣшней экономіи его, б. *у*, большею частію, выродилась изъ другой гласной, о которой рѣчь будетъ ниже (ѫ), и представляетъ какъ бы новое

поколѣніе. Боппъ замѣтилъ это (см. Сравн. грам. стр. 330) изчезаніе б. *у* и удачно открываетъ ее снова въ б. *ъı*, а также и въ *о*, не подозрѣвая однако что о заступающее мѣсто Санскритскаго *у*, есть ничто иное, какъ *ъ*. Въ Сскр. словѣ *снуша—nurus*—νυός б. *у* соотвѣтствуетъ *ъ*-у въ словѣ *снъха*, откуда уже *сноха*.

Съ участію *ъ*-а въ діалектахъ нѣсколько соединяется участь двоегласной буквы изъ него составленной, *ъı* (ъ+і). Въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ *ъ* заглохъ наиболѣе, утратилъ свою особенность и дифтонгъ *ъı*. Въ Чешскомъ произношеніи онъ разлагается на *ej*; въ вымершемъ Древанскомъ, кромѣ того, еще на *oj*. Въ Летскихъ же языкахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прямо противъ нашего *ъı* стоитъ *ui*. На прим: *Smuika-s* (скрыпка)—*смъıкъ* (смычекъ); *muita*—*мъıто* и проч.

Прим. Давно вм. *ъı*, не только въ гражданскихъ, но и церковныхъ книгахъ, пишется *ы*; произносится однако, если не вездѣ, то большею частію, этотъ элементъ согласно съ первымъ начертаніемъ. Этотъ обычай не зачѣмъ выводить, какъ то дѣлаетъ Копитаръ, изъ Сербскихъ кодексовъ; онъ могъ завестись и у насъ самихъ, именно въ Малороссіи, гдѣ губное *ъ* должно было уступить небному *ь*-ю. Во второмъ по древности кодексѣ, Святославовомъ Изборникѣ, начертаніе *ы* почти столь же часто встрѣчается какъ *ъı*.

Можно, кажется, принимать б. *ъı* двояко, во 1-хъ за легкое видоизмѣненіе тоѣ *ъ*, иногда только графическое; во 2-хъ за двугласную. Въ доказа-

тельство того, что б. *ы* можетъ стоять неорганически за простой элементъ *ъ*, возьму прилагательныя опредѣленныя. Какъ образовалось *вольныи* изъ *вольнъ?* присоединеніемъ знаменательной буквы (мѣстоименія, — объ этомъ ниже) — *и*, и такъ *вольнъ-и*. Явно, что здѣсь *ы* только графическая замѣна *ъ*-а. Впрочемъ, въ нарѣчіи Церковномъ, откуда пошло наше правописаніе, подошедшая буква *и* можетъ быть дѣйствовала также и фонетически на предыдущее *ъ*, уподобляя его себѣ. Но за то въ нарѣчіяхъ собственно Русскихъ этого, какъ извѣстно, во все незамѣчается. Удареніе показываетъ явно, что здѣсь стоитъ *ъ*; ибо *ы* не измѣняется отъ ударенія въ *о*: *святой*. Но и безъ ударенія мы никогда не произносимъ, какъ написано, *вольный*. Въ сѣверныхъ областяхъ говорится почти *вольнуй*. Въ словѣ *четыре* б. *ы* явно оказываетъ себя дифтонгомъ. *Четыре* нельзя, мнѣ кажется, сличать прямо, какъ дѣлаетъ Боппъ, съ Санскритскимъ *чатур*: тема *чатур* въ сильныхъ падежахъ именно выходитъ *чатвáр* —, съ чѣмъ въ прямой связи состоитъ наша форма *четвертый* и Литовская *ketwirtas*. Въ формѣ *четыре* полугласная *в* вокализована и слита съ послѣдующей гласной, какъ *молылъ* изъ *молвилъ*.— Впрочемъ буква *ы*, хотя и имѣетъ видъ двугласной и часто даже этимологически оказывается таковою; однако лучше и удобнѣе можетъ быть названа просто долготою губной гласной *у* (т. е., какъ у насъ доказано, *ъ*-а) и съ тѣмъ вмѣстѣ ея *перезвукомъ* (Umlaut) въ небномъ элементѣ (сл. аналогическій процессъ, какимъ въ

Нѣмецкомъ изъ *и* становится *й*). Итакъ *ѣ* соотвѣтствуетъ б-ѣ *у*; *ы* б-ѣ *ӯ*. Сл. *бы* (быти) съ Санскритскимъ *бӯ*, *дымъ—дӯма*, *сынъ—сӯну*, *мышь—мӯша*. Суф. *ыни* идетъ въ сличеніе съ Греческимъ ύνη: αἰσχύνη ἀγιοσύνη и Санскрит. *вiн*, *вiнi*: *тамас-вiнi* (nox): Изъ Греческаго слѣдуетъ долгота, изъ Санскритскаго явный дифтонгъ. —

Боппъ думаетъ, что *ы* представляетъ собою вообще элементъ *у*, безъ различія количества; однако самъ чувствуетъ неловкость этого мнѣнія, и вынужденъ къ такому противорѣчію: хотя, говоритъ онъ, примѣры Славянскаго *ы*, вмѣсто Санскритскаго краткаго *у*, крайне рѣдки, однако все же первый элементъ кажется законнѣйшимъ намѣстникомъ послѣдняго (Vergl. Gram. стр. 348, примѣч.).

Если бы б. *ы* въ органическомъ употребленіи своемъ могла быть и краткостію, то она бы хоть однажды появилась, въ исторіи нашего языка, на концѣ тѣхъ именъ муж. р., которыя въ Санскритѣ имѣютъ тематическою буквою *у* краткое. — Рѣченія *камы*, *пламы* и пр. сюда нейдутъ: *ы* здѣсь стоитъ замѣною цѣлаго слога *ан* или *ен*. А изъ именъ жен. р. была у насъ семья рѣченій съ характеромъ *ы*: въ Санскритѣ же, какъ извѣстно, женскія темы образуются преимущественно гласными долгими и женское *у*, въ отличіе отъ мужескаго, есть долгота. Сл. *çваçрӯ* и *свекры*. — Боппъ, зорко усмотрѣвъ въ нашихъ падежахъ многія примѣты склоненія на *у*, прибѣгаетъ къ грамматической выдумкѣ, и полагаетъ въ

основаніе падежамъ нѣкоторыхъ именъ муж. р. тему *ы* напр. *сыны* и пр. Это недоразумѣніе и натяжка находятся въ связи съ несчастною участью непризнаннаго ъ-а.

Прим. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить о переходѣ Обще-греческаго *ου* въ Дорійское *οι* передъ сигмою, какъ напр. *μοῖσα* вм. *μοῦσα*, *λαβοῖσα* вм. *λαβοῦσα* и проч. Латинская двугласная *oe* есть въ сущности тоже *oi*. (См. Шнейд. стр. 77). А въ древнѣйшихъ памятникахъ Латинскаго языка, на пр. Senat. consult. de Bacch., двугласная *oi* стоитъ на мѣстѣ *u*: comoinem — communem, coera—cura; также на Сципіоновой гробницѣ: oino—uno и проч. Сверхъ того дифт. *oe* или *oi*, какъ доказываетъ Бенари (Römische Lautlehre. 1 Глава стр. 62), есть въ сущности дифтонгъ *ui*: poena—puina (отъ корня pû очищать), Cloelius и Cluilius (обѣ равно встрѣчаемыя формы—кор. clu, Греческ. *κλυ*), foenum-fuinum, кор. *fu*, Сскр. *б'ў* (сл. наше былі-е отъ того же корня) и пр.

Теперь время сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Въ Санскритѣ гласныя *у*, *і*, въ этимологическомъ движеніи, весьма часто принуждены брать на помощь главную гласную: *а*. Отсюда возникаютъ описанныя выше двугласныя. Это называется усиленіемъ гласныхъ, или, говоря терминомъ Санскритской грамматики, *Гуною* (а+у=ô=ав; а+і=ê=аj) и *Вридд'и* (âв, âj: по мнѣнію Индійскихъ филологовъ=а + ô, а + ê; по мнѣнію Боппа=â + у, â + і См. Vergl. Gram. стр. 225; Vocalism. стр. 6). Сл. сказанное выше о двугласныхъ въ Санскритѣ. Въ Греческомъ это начало усиленія, благодаря разысканіямъ Боппа, оказалось довольно ощутительнымъ. Въ Латин-

скомъ сохранилось оно отчасти въ нѣкоторыхъ своихъ послѣдствіяхъ (см. дѣльное разсужденіе о двоегласіи въ Лат. языкѣ у Бенари Römische Lautlehre).—Гриммъ (Deut. Gram. стр. 1055 и 1056), Боппъ (Vergl. Gram.—стр. 66 и въ другихъ мѣстахъ; тоже Vocalismus стр. 11) находятъ слѣды того же начала въ Готскомъ; оно само собою открывается и въ Славянскомъ.

Возмемъ глаголъ *плыть*. Санскритскій корень, ему отвѣчающій, есть *плу*. Этотъ корень идетъ въ спряженіе не прямо: онъ усиляетъ (гунируетъ) коренную *у* б-ю *а*. Отсюда выходитъ напр. *плô-сjатê*; но въ другихъ формахъ, на пр. встрѣча съ образовательною буквою 1-го класса, *â*, вынуждаетъ разрѣшенную форму *плав-â-мі*.

Если вникнемъ въ формы *плыву* и *плыть*, то явно усмотримъ, что *ы* стоитъ здѣсь неорганически. Вспомнимъ, что въ настоящемъ, болѣе правильная форма есть *плову*: слогъ *ов* равносиленъ Санскритскому *ав*; а въ неокончательномъ, б. *ы* предполагаетъ другую древнѣйшую форму *оу*: *плоути*, а б. *оу* стоитъ прямо противъ Чешской двугласной *au*: *plauti*.

Возьмемъ другой глаголъ еще болѣе интересный, глаголъ, отъ котораго пошло племянное названіе наше: *слы-ти*. Здѣсь *ы* точно также замѣнило собою болѣе законную б. *оу* равную Чешскому *au*: *slauti*; и точно также *слыву* есть въ сущности *слову*. Скр. корень, сюда относящійся, есть: *çру* (audire). Чтобы вполнѣ сойтись и въ значеніи съ нашимъ,

Санскритскій глаголъ долженъ принять виновловную или причинную форму (10 кл.) *çрâваjами.*—Впрочемъ не нужна эта виновловная форма: значеніе нашего слова само собою вытекаетъ изъ корня *çру* (сл. Греческое κλύειν πρός τινος, также и Латинское *audire ab aliquo*; сл. еще κλυτός и κλειτός.—*Слушать* и *слышать* примыкаютъ, можетъ быть, къ одной изъ формъ прошедшаго времени того же Санскритскаго глагола: *аçраушам аçраушіс аçраушіт*). Въ этихъ примѣрахъ б. *у* или *оу*, по Чешски *au*, явно соотвѣтствуетъ Санскритскому дифтонгу *ô=ау=ав*. — Совершенно такое же видимъ соотношеніе между *плоути* и *плову*, какое открывается, на примѣръ, между Санскритскимъ именемъ *гô* (bos) и разрѣшенной его формой *гав*..., которая появилась и у насъ: *гов(ядо)*. Слогъ *ав* въ рѣченіи *слава* соотвѣтствуетъ Санскрит. *âв* въ *çрâваjамі*,—какъ Скр. *б'ава* отъ корня *б'ӯ* относится къ нашему (при-до-за) *бава* отъ того же корня (*бы*). Глаголъ *давить* можно сличить съ Санскритскимъ корнемъ *ду* (откуда существ. *давату* и пр.) по Вильсону to be in pain; to cause pain anxiety. Такимъ же путемъ аналогія велитъ производить *трава* отъ корня *тру* (травити), и можетъ быть *навье* (тѣ страшные призраки Полоцка) Летск. *nâwe* смерть, *nawiti* убивать; Гот. *naus* cadaver: отъ нашего корня *ны* (*ныть*). Сл. *огавіе* съ Санскритск. корнемъ *гу* и *гӯ* (caccare—откуда въ нашемъ языкѣ слово, равносильное Латинскому stercus). *Править* можетъ быть сличено съ Санскр. корнемъ *пру* (итти); *рев-пть* съ Санскрит. кор. *ру*(sonum edere) и пр.

Странно съ перваго разу покажется, что о б. оу была сейчасъ рѣчь, почти какъ о двугласной. Но уже Боппъ, съ своимъ всегдашнимъ остроуміемъ, догадывается объ этомъ свойствѣ нашей буквы. Вотъ слова его: Санскритскій дифтонгъ *ô* замѣненъ въ Славянскомъ черезъ *ŷ*, такъ, что первый элементъ Индійскаго дифтонга уподобился второму, и совокупно съ нимъ представляетъ однородную долготу, подобно какъ въ Греческомъ *ου*, по выговору различныя гласныя соединились въ однородную массу. Если бы даже, замѣчаетъ онъ, эта гласная произносилась иногда и кратко, вѣрно то, по крайней мѣрѣ, что по своему происхожденію и назначенію она есть долгая.—Изъ приведенныхъ имъ примѣровъ наиболѣе замѣчательны два: *шоуй* (вмѣсто шюи) и Санскр. *савја*; *оуста*, Чешск. *austa* (также vsta), *austne* и Санскр. *ôшт'а* (губа). Послѣднее сличеніе тѣмъ драгоцѣннѣе что относится къ начальному слогу рѣченія; ибо въ Санскритскомъ лексиконѣ словъ, начинающихся съ двугласной *ô* вообще не много. (Точно въ такомъ же соотношеніи стоятъ слова, *оухо*: Литов. *ausis*, Латин. *auris* (*ausis*), Греч. *οὖς* и проч.). Что касается до грамматическихъ сличеній, то мы оставимъ здѣсь Боппа и пойдемъ своимъ путемъ. Замѣтимъ только, что, къ сожалѣнію, онъ не могъ вполнѣ воспользоваться прекраснымъ соотвѣтствіемъ Санкритскихъ формъ *буд'* (форма коренная), *бôдајамі* (виновловная форма) съ нашими *бѫдѫти* и *боудити*.

Въ одномъ изъ нарѣчій Славянскихъ, именно въ Чешскомъ, сохранилось сильное доказательство о

двоегласіи Кириллова *оу*: это уже не разъ приведенный дифтонгъ *au*. Хотя это начертаніе *au*, по замѣчанію Юнгмана (Starobyle Sklad. Djl I. Uwedenj стр. XVIII), не употреблялось старыми Чехами; однако и въ простомъ начертаніи *u*, по ученію Юнгмана же, оно всегда было долготою (ú) Да не откуда было и взяться сложному начертанію *au*, если бы того не вытребовалъ наконецъ выговоръ. Дифтонгъ *au*, заступая у Чеховъ Кириллово *оу*, заступаетъ и другой Кирилловскій элементъ *ѫ=аи* (Польск. ą). Въ церковныхъ книгахъ сей носовой звукъ чередуется съ *оу*,—и такъ вотъ новое соотвѣтствіе между *au* и *оу*. Замѣтимъ еще, что въ немногихъ остаткахъ Древанскаго нарѣчія, также *au* отвѣчаетъ Кирилловскому *оу*: *draug-дроугъ*; *dausa-доуша*. Точно тоже видимъ въ языкахъ Летскихъ на прим. *draugs* (дроугъ), *klausiht* (слоушать). Къ Латышскому глаголу *aust* (ткать) относится, быть можетъ, наше имя *утокъ*. Но *ausa-s* является у насъ въ видѣ: *овесъ*; точно также съ Литовскимъ *ûdas* (изъ auodas?) можно сличить наше *оводъ*.

Если вникнемъ пристальнѣе въ этимологическую силу этой буквы, то невольно согласимся, что собственно краткое *у* соотвѣтствуетъ не *оу* Кирилловскому, но другому *у*, которое въ немъ какъ бы подразумѣвается. Мы знаемъ уже, что это краткое *у*, какъ бы второй членъ Кирилловой комбинаціи, появляется и отдѣльно, именно подъ знакомъ *ъ*. Въ настоящемъ нашемъ правописаніи не чувствуется

никакого сознательнаго соотношенія между всѣми этими элементами, простыми и сложными. О количествѣ гласныхъ мы давнымъ давно забыли, потому одинаковое нынѣ въ нашемъ слухѣ имѣетъ значеніе *у* въ словѣ *муравей* и напримѣръ въ формѣ *торгуетъ*. Однако въ 1-мъ случаѣ *у* стоитъ неорганически вмѣсто *ъ-а*: Кириллова форма приведеннаго примѣра будетъ *мъравій* (μύρμηξ, или ближайшая форма безъ суфикса ηξ, μύρμος, *formica*: можетъ быть въ связи съ Санскрит. корнемъ *муш*—красть, брать, уносить. См. Бенари Römische Lautl. стр. 168, 169.). Во второмъ же случаѣ: *торгуетъ* (глаголъ отъ имени: търгъ, Литовск. turgu-s, род. turgaus), *у*, какъ всякій видитъ, соединило въ себѣ *а* + *в* или лучше *о* + *у*, изъ коихъ послѣдній элементъ=ъ=υ; ибо *ов* здѣсь явно соотвѣтствуетъ Греческому ευ, на прим. въ словѣ αγορευω.

Это также открывается изъ формъ *связую*, *сказую* вм. *связываю*, *сказываю*, гдѣ б. *ы* явно стоитъ вмѣсто ъ-а, который въ свою очередь заступилъ мѣсто *о*, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ падежахъ мы еще яснѣе увидимъ соотвѣтствіе нашего *оу* съ Санскритскими двугласными *ô*, *ау*.

Какъ-бы то ни было, мы не рѣшимся утверждать, что въ устахъ Кирилла б. *оу* звучала двоегласно. Намъ важно только то, чтобы уяснилось этимологическое качество разбираемой буквы, ея количество, соотвѣтствіе съ Санскр. дифтонгомъ *ô*=*ав*, и отношеніе къ другимъ элементамъ нашего языка.

Примѣч. Въ языкѣ, какъ и во всемъ органическомъ, правило не можетъ обнаруживаться въ явленіяхъ съ математическою точностію, но допускаетъ многоразличныя исключенія. Потому уцѣлѣли въ теченіи неизмѣримаго времени слова, которыя ушли отъ общей аналогіи. Такъ на прим. слово *дур—дурной* и проч. совершенно соотвѣтствуетъ Скр. *дур* (*δυς*, malus): оно должнобъ было появиться у насъ въ видѣ *дър*, отсюда *дор*: этого однако не случилось.— Еще интереснѣе приведенный корень въ составѣ рѣченія, совершенно запомнившаго родъ свой: *дурманъ*. По своей формѣ слово это такъ мало измѣнилось, что какъ будто только вчера принесли мы его изъ своей далекой прародины. *Дурмана* въ Санскритѣ есть vox composita: *дур*-дурной, *мана*-духъ (кор. *ман*, у насъ *мн*-ить, Греч. *μν*-) и такъ *злой духъ имѣющій*, *pravam mentem habens*. Въ Греч. тоже уцѣлѣло это слово: *δυσμενής*.

Буква *ю* находится въ самой естественной связи съ сей часъ разсмотрѣнною: но какого рода эта связь, рѣшить труднѣе. Два мнѣнія могутъ возникнуть. Одно будетъ состоять въ томъ, что *j* есть неорганическая добавка, и что слѣд. *ю* (вмѣсто юу) и *оу* въ сущности совершенно равны. Другое скажетъ, что *ю* гораздо вѣрнѣе, нежели какъ полагаютъ обыкновенно, изображаетъ свой звукъ; что изобрѣтатель не даромъ не хотѣлъ строить трифтонгъ, и что *і* имѣетъ значеніе этимологическое и пр. Первое сошлется на аналогію такъ называемыхъ мягкихъ или іотированныхъ гласныхъ; второе на аналогію другихъ языковъ, особенно Готскаго. Но приступимъ къ дѣлу, и на дѣлѣ покажемъ, откуда вытекаютъ и чѣмъ подкрѣпляютъ себя оба мнѣнія.

1) Какъ слогъ *ов*, per contractionem, даетъ *оу*, такъ слогъ *ев* (или *ъв*), тѣмъ же путемъ, даетъ *ю*: *сов-ать — соу-нѫть, клев-ать клю-нѫть, ревъ-ть — рю-ти* (въ Остром.) и проч. Оба слога, *ов* и *ев*, въ одинакомъ стоятъ соотвѣтствіи съ Санскр. слогомъ *ав*: *а*, какъ извѣстно, колеблется въ Индоевр. языкахъ между *о* и *е*. *І* въ начертаніи *ю* не есть ли ослабленное *е*, а другой элементъ этого начертанія, *о*, не имѣетъ ли силу только краткаго *у*, представленнаго въ слогѣ *ав* полугласною *в*? Повидимому Кириллъ, избѣгая пестроты, не хотѣлъ придумывать новыхъ комбинацій, и потому, какъ бы желая показать, что 2-й членъ новой двугласной не совсѣмъ такую силу имѣетъ, какую должна была имѣть сложная буква *оу*, удержалъ только одну половину его *о*.

Въ Готскомъ языкѣ, какъ сказано, есть дифтонгъ очень похожій на нашъ — это *iu* (Deut. Gram. T. I. стр. 50. 2-е изд.), который, какъ учитъ, Гриммъ, долженъ быть строго отличаемъ отъ *ju*: *ju*, какъ цѣлый слогъ, долженъ быть выговариваемъ съ удареніемъ на *u*; а *iu*, напротивъ, почти *i-u*, однако не двусложно, но *íu*. — Это удареніе на *i* доказываетъ Гриммъ наиболѣе изъ того, что *u*, какъ болѣе легкій въ этомъ дифтонгѣ элементъ, улетучивается передъ гласной въ *в*, напр. *triu*, род. *trivis*, дерево. Замѣтимъ здѣсь, что въ Санскритѣ это слово имѣетъ такой видъ: *дру*, и въ склоненіи, принимая гуну, разрѣшается: родит. пад. *драв-ас* и проч. Представимъ еще нѣсколько Готскихъ, наиболѣе интересныхъ,

рѣченій, содержащихъ въ себѣ эту букву: *liubs* carus—*niuja* (сл. Англ. new) novus—*liuhath* lux—*thiubs* fur—*thiuda* gens—*niun* novem—*siujan* suere. —

Слово *liub* находится въ сродствѣ съ Готскимъ же глаголомъ *laubjan* (uslaubjan (*)), который предполагаетъ отъ Санскритскаго сюда относящагося корня *лубʻ*, гунированную форму *лôбʻ*. Это усиляющее *a* съ теченіемъ времени въ устахъ Гота сократилось въ *i* и дало форму *liub:* но *liub* есть совершенно тоже, что наше *люб.* И Готское и наше рѣченіе прямо соотвѣчаетъ Санскитскому *лôбʻja*, по Вильсону, desirable. Одинаковое явленіе не заставляетъ ли догадываться объ одинаковой причинѣ? Что *a* можетъ ниспадать на степень *i*—это показываетъ намъ N 2: *nivia*=Санскритскому *навja* и *нава.* Но на 3-мъ мѣстѣ приведенное рѣченіе: *liuhath* (=lux), возвращаетъ насъ. видѣвшихъ сей часъ переходъ *a* въ *i*, къ первому случаю. Гот. *liuhath* равно какъ и Латин. *lux*, *lucere*, наше *лучь* (*лоучь*), должны быть, кажется, сличаемы не столько съ Санскритскимъ корнемъ *руч* (lucere), сколько съ Санскритскимъ же усиленнымъ корнемъ *лôча*, по Вильсону, to see, to perceive; а вшюсловная форма *лôчajamі*-to shine.

(*) Готскому *usluubjan* симметрически соотвѣчаетъ наше *излюбити.* Авторъ *Филологическихъ Наблюдений* явно ошибается, желая пріурочить къ Готскому *uslaubjan* нашу *свободу.* Сіе послѣднее рѣченіе состоитъ въ прямой связи съ Санскритскимъ *свабʻу́* или *сваjамбʻу́* (сваjам - самъ, бʻу-быть).

Thiubs, являясь въ ново-нѣмецкомъ словѣ *Dieb*, еще съ своей стороны удостовѣряетъ, что какъ учитъ Гриммъ, въ двугласной *iu* большую силу имѣетъ элементъ *i*.—*Thiuda*—тюдъ, чуждъ и чужъ (вм. чюждъ и чюжъ).—Готская двугласная въ числительномъ *niun* превосходно соотвѣтствуетъ нашей въ выше приведенныхъ примѣрахъ, какъ *рюти* вм. *ревъти*: *niun* тоже стоитъ вм. *nevan* (сл. Скр. *наван*, Латин. *novem* Литовск. *dewyni*, наше *девѧть*, ново-Нѣмец. *neun*).

Sivjan, 1-е лице *siuja* (suo), по Скр. *сівjамі*. Санскритская форма здѣсь вновь показываетъ бо́льшую силу 1-го элемента въ Готскомъ дифтонгѣ. — Можно подумать, что и нашъ глаголъ *шить* примыкаетъ къ приведеннымъ формамъ (Готской и Санскритской), что небный элементъ подѣйствовалъ въ немъ равно и на предыдущую согласную, превративъ ее въ *ш* (это въ нашемв языкѣ обыкновенно), и на послѣдующую гласную или полугласную, уподобивъ ее себѣ. За тѣмъ, если построимъ наше рѣченіе по аналогіи Санскрито-Готской, то получимъ *сюти*, откуда *шюти*, а отсюда уже *шити*. Такимъ построеніемъ объяснилось бы и появленіе буквы *в* въ производныхъ *швенъ*, *шевъ* (эвфон. шовъ), *швея*. Сличи Санскритскія производныя *сѐвана* (sewing, шитьё), *сjӯмі* (*idem*), *сjӯта* (шитъ). (Авторъ *Филолог. Наблюденій* объясняетъ появленіе буквы *в* въ производныхъ отъ этаго корня рѣченіяхъ изъ формы шыть, совершенно противной основнымъ правиламъ

Славянской эвфоніи). Однако, не смотря на эту аналогію, не льзя ли будетъ примкнуть нашъ глаголъ къ Санскритской коренной формѣ: *шів*, хотя форма эта въ Санскритѣ является болѣе формою подставною (субститутомъ), нежели дѣйствительнымъ рѣченіемъ? Съ глаголомъ *шить* отъ корня *шив* (чрезъ усѣченіе заключительной буквы *в*) можно сличить другой глаголъ: *жить* (Сскр. корень *джів*).

На основаніи этой сильной аналогіи, на примѣръ, слову *крюкъ*, долженъ быть указанъ ближайшій источникъ въ прилагат. *кривъ* (suffixo къ). *Ключь—клюка* и Латин. *clavis—clavus*; далѣе *saliva* и *слю-на*, а также и *слина*. *Щука* (Графич. вм. *щюка*) предполагаетъ корень *щев* или *щав*, откуда *щавель*,—откуда также *щипать* (какъ *черпать* изъ *черевать*. См. ниже о б. *в*) и проч.

Наконецъ, вотъ что еще очень кстати будетъ замѣтить: Готская двугласная *iu* въ древнемъ Верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи появилась, какъ собственно *iu* и какъ *io*, и въ первомъ видѣ (См. Deut. Gram. стр. 107, 108), какъ въ Готскомъ, должна быть отличаема отъ ju.

Если обозримся въ собственномъ семействѣ, то и у себя найдемъ свидѣтельство о преобладаніи, или лучше, о гласномъ свойствѣ перваго элемента въ б. *ю*. Въ Чешскомъ общепринятомъ нарѣчіи древнѣйшему *ю* соотвѣтствуетъ нынѣ простая гласная *i*, либо долгая (j), либо краткая (i) на пр. *ljbiti*, *lidé*.

2). Взглянемъ теперь на дѣло съ другой стороны. Хотя древнѣйшій, изъ дифтонга происшедшій, слогъ *ав* и можетъ въ предѣлахъ Славянскаго языка появляться то въ видѣ *ов*, то въ видѣ *ев*; однако возвращаясь per contractionem въ гласную область и тотъ и другой слогъ даетъ одинаково долготу *оу*. Потому различіе между формами *соу-ти* (сов-ти) и *рюти* (рев-ти), ни мало не существенное, зависитъ единственно отъ особаго свойства нашихъ согласныхъ, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ то оригинальное свойство въ нашемъ языкѣ, что способны отъ соприкосновенія съ небнымъ элементомъ умягчаться. Это умягченіе остается въ выговорѣ согласныхъ даже и тогда, когда небная гласная уступаетъ мѣсто губной. Такъ *е*, отъ дѣйствія ударенія, измѣняясь въ *о*, оставляетъ за собой слѣдъ свой на согласной, и вмѣсто *о* чистаго слышится *о* смутное или почти *іо*: *слёзъ*. А потому и въ приведенной формѣ *рюти* не лучше ли предположить такой же процессъ, т. е. при сокращеніи *ев* превратилось въ *оу*, а слѣдъ небной буквы *е*, обозначившись на согласной *р*, слился съ послѣдующею гласною и далъ первоначально *юу*, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ далъ *іо*. Такъ въ формѣ *царю* слышится б. *ю*, а не *оу*, потому только, что смягчена предыдущая согласная. Сложное начертаніе не есть вовсе трифтонгъ *юу*: первый элементъ составляетъ принадлежность умягченной согласной, а потому въ Чешскомъ правописаніи часто тотъ самый результатъ, какого Кириллица достигаетъ присовокупле-

ніемъ іоты къ гласнымъ, получается отъ знака, поставляемаго надъ согласными умягченными.

Мы этимъ не хотимъ однако сказать, что въ Кирилловомъ выговорѣ б. *е* также переходила въ *о* или *ё*, какъ у насъ. Это свойство въ кругу Славянскаго языка, принадлежитъ наиболѣе Русской рѣчи, купно съ рѣчью Ляхитовъ. Но такъ какъ *е* и *о* одинаково являются намѣстниками главной гласной *а*, то въ этимологическомъ движеніи цѣлаго Славянскаго языка, переходъ *е* въ *о* весьма обыкновененъ. Сл. *вести—вод, брести—брод* и проч. Тоже, какъ извѣстно, бываетъ и въ Греческомъ (λέγω λόγος) и по той же, какъ должно думать, причинѣ: *о* оказывается буквою сильнѣйшею, чѣмъ противуположная *е*, и корень, переходя изъ *е* въ *о*, какъ бы сближается съ своимъ древнѣйшимъ состояніемъ.— Что первый элементъ начертанія *ю* есть собственно полугласная *j*, а не гласная *i*, какъ учитъ Гриммъ касательно Готскаго и Древне-нѣмецкаго *iu*, видно также и изъ соотношенія нашего рѣченія *юнъ* съ Санскритскимъ *јуван*, Латин. *juvenis*, Литов. *jaun*, и обратно изъ соотношенія нашего *иго* съ Сскр. кор. *јудж*, Латин. *jug*(um). Въ послѣднемъ словѣ *у* есть краткость, и потому нашъ языкъ, выкинувъ ее. вокализовалъ полугласную; а въ первомъ, на оборотъ, основалъ всю силу корня на долгомъ *у* или *оу*,— полугласную же легко отметаетъ, ибо въ памятникахъ за одно съ *юнъ* стоитъ *оунъ* и пр. Какъ *юноша* относится къ Литовскому *jaunas*, такъ точно и

рѣченіе *люди* относится къ Латышскому *laudi*, Готскому *laudi*.

Въ заключеніе, не слѣдуетъ ли сказать, что б. *ю* вовсе не новый дифтонгъ, но или цѣлый слогъ, или тоже, что *оу*, только видоизмѣненное мягкимъ выговоромъ предыдущей согласной?

Вопросъ о составѣ б. *ю* важенъ по многимъ отношеніямъ; онъ сходится съ общимъ вопросомъ о свойствѣ нашихъ іотированныхъ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ. Но оба мнѣнія одинаково объясняютъ этимологическую силу этой буквы: первое тѣмъ что ставитъ ее на одну и ту же ступень въ отношеніи къ дифтонгу *ô*(=*ав*), на какой стоитъ *оу* или *ŷ*; а второе и во все не различаетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Слѣд. соглашаясь въ сущности, оба эти мнѣнія не затрудняютъ насъ нимало своимъ разнорѣчіемъ. Первое даетъ намъ болѣе аналогическое и ясное понятіе о происхожденіи этой буквы; второе находитъ себѣ опору въ фонетикѣ нашего языка—съ того времени, какъ онъ сталъ языкомъ памятнымъ. Нельзя ожидать, чтобы языкъ, столь долго существовавшій безъ теоріи и даже алфавита (ибо Храбровы черты и рѣзы, хотя мы и крѣпко въ нихъ увѣрены, не могутъ однако быть на одномъ счету съ правильно-устроеннымъ алфавитомъ) — что бы языкъ, жившій столь долгое время лишь въ устномъ употребленіи, удержалъ въ совершенной чистотѣ всѣ соотношенія своихъ элементовъ. О чемъ самъ языкъ необъяснился положи-

тельно, въ томъ можно безгрѣшно допустить двойственное объясненіе; тѣмъ болѣе, что тотъ и другой способъ объясненія можетъ найти мѣсто въ различныхъ случаяхъ.

Теперь докончимъ рѣчь объ ѣ-ѣ. Уже было замѣчено выше, что эта буква напоминаетъ собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ Зендскую *e* (начертаніемъ своимъ Зенская буква очень походитъ на Греческое ε) Назначеніе ея въ Зендѣ отчасти евфоническое: она разводитъ согласныя тамъ, гдѣ въ Санскритѣ образуютъ онѣ группы. Зенд. *дадареша* и Скр. *дадарша* (Vergleich. Gram. стр. 30. Бюрнуфъ Commentairs sur le Yaçna стр. XLIII, XLIV). Тѣмъ не менѣе является она часто этимологическою замѣною Санскритскаго *a*. И у насъ есть образцы, въ которыхъ ѣ обясняется изъ древнѣйшей *a*, на пр. Скр. *тама*, Зенд. *тёма*, Славян. *тѣма*.—Должно прибавить, что наша буква не совпадаетъ съ Зендской, а только индѣ какъ бы соприкасается съ нею. Къ тому же ѣ Кирилловъ, былъ кажется, по крайней мѣрѣ этимологически, сильнѣе, нежели ε Изешгъ и Великаго—Раваета.

По всѣмъ признакамъ, б. ѣ должна занимать серединну между *i*—*e*. Въ Латинскомъ языкѣ существовалъ такой серединный звукъ. Тамъ обѣ бб. *i*, *e* такъ часто чередовались въ употребленіи, что на одномъ и томъ же памятникѣ одна и та же форма принимаетъ либо ту либо другую. Такъ во 2-й надписи Спиціоновой гробницы *hec* и *hic*, далѣе *tempestatebus*, *fuet*,

dedet; въ надписи Columnae Rostratae—*cepet*, *ornavet*, *navebos* и пр. (см. у Шнейдера стр. 15, 16, 17). Грамматики сами часто затруднялись въ выборѣ. Замѣчательны слова Квинтиліана (Institut. 1, 4, 8) in *here* neque *e* plane neque *i* auditur. Шнейдеръ на приведенномъ мѣстѣ собралъ все, относящееся къ этому вопросу, и рѣшаетъ его положительно, что былъ такой серединный звукъ.—Сверхъ того, основываясь на употребленіи сочетанія *ei* вмѣсто краткаго *i* въ нѣкоторыхъ надписяхъ (напр. *possedeit* вм. *possedit* у Грутера стр. 204), можно заключить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ старались этимъ двугласнымъ начертаніемъ выразить тотъ серединный звукъ, что̀ и дѣйствительно заключаетъ Шнейдеръ (стр. 69).—

Извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса между *е*—*і*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ь*-ѣ. Мѣстоименіе *сь*, опредѣляясь, становится въ Церковно-славянскомъ *сій*, въ Русскомъ *сей*.—Сл. Церковно-славянскія и нынѣ употребляемыя формы—*Василій*, *бывшій* и пр. съ Старо-русскими *Василей*, *бывшей* и пр. Въ сущности своей *ь* тутъ долженъ быть признанъ за краткое *і* или за тотъ между *і*—*е* въ серединѣ колеблющійся звукъ. Слѣд. *ь* у Кирилла отличается, кромѣ количества, также и качествомъ отъ смежныхъ буквъ. Почитать же Кирилловъ *ь* за полугласную јоту было бы до крайности странно и превратно: см. о томъ ниже въ статьѣ о согласныхъ.—Всякому извѣстно, какъ близко сходится у насъ *е*-буква, особенно въ краткомъ выговорѣ,

т. е. безъ ударенія съ элементомъ *i*: это кажется наслѣдіе *ь*-я.

Не безполезно замѣтить также и слѣдующее о нынѣшней судьбѣ б-ы *ь* (или лучше за нее стоящей б. *е*) въ нашемъ произношеніи: *е* замѣняющее *ь*, тѣмъ отличается отъ *е* самостоятельнаго, что чаще выноситъ удареніе и рѣже переходитъ въ *о*: *дверь*, *сердце*, *первый*, *отецъ*, *день* и проч. — Это различіе, конечно, не было выдержано языкомъ повсюдно; ибо въ дѣлѣ буквъ, какъ и во всемъ: утрачено начало, и послѣдствія теряютъ свою опредѣленность.—Въ нарѣчіяхъ наша буква принимаетъ характеръ, сообразный съ цѣлой фонетикой: въ однихъ она тонѣе, въ другихъ грубѣе. На пр. въ Сербскомъ, *ь* въ концѣ реченій не оставилъ по себѣ слѣда въ умягченномъ выговорѣ согласныхъ (*кон*, *цар*): это намекаетъ на болѣе дебелое свойство *ь*-я въ древнемъ Сербскомъ произношеніи. Сверхъ того, онъ тамъ за одно съ *ъ*-мъ переходитъ въ элементъ *а*, чего тоже не могло бы быть, если бы *ь* сближался у Сербовъ болѣе съ элементомъ *і*, нежели *е*.

Укажемъ теперь на весьма интересную аналогію въ языкахъ Германскихъ. Ульфила не имѣетъ въ своемъ правописаніи краткаго *е*. Для означенія этого звука въ словахъ Греческихъ, принятыхъ въ текстъ, онъ прибѣгаетъ къ помощи сложнаго начертанія *ai*, какъ бы желая послѣдующей *і*-буквой перезвучать предыдущую *а*. Это же сложное начертаніе появляется и въ коренныхъ Готскихъ реченіяхъ, но съ

различною силою. Древнее Верхненѣмецкое нарѣчіе оказываетъ вмѣсто Готскаго *ai*, въ одной породѣ словъ, *ei* и *ê* (долгота); въ другой, гдѣ *ai* соотвѣтствуетъ краткимъ гласнымъ другихъ языковъ, Верхненѣмецкій ставитъ (передъ *h* и *r*) *ë*, краткость, въ безпрерывной взаимности находящуюся съ элементомъ *i* и въ произношеніи весьма близко къ ней подходящую. Для насъ интересъ этого факта состоитъ въ томъ, что первая порода Готскаго *ai*—соотвѣтствуетъ нашей буквѣ *ѣ*, вторая же—*ь*-ю (и также *е*).—Сл. 1) *vai-an*—*вѣ-ять*, *sai-an*—*сѣ-ять*, *mai-djan*—*мѣн-ять*, *snaiv-s*—*снѣг-ъ*, *hlaib-s*—*хлѣб-ъ*, *dail-s*—*дѣл-ъ* (*дѣлить*, по Готски будетъ *dailjan*). 2) *quairnu-s*(*)— *жьрнов-ъ*, *hairto*—*срьдце*, *tairan*—*трьти*, *baira*—*бърѫ*, но *bairga*— *брѣгѫ* (по Рус. *бьрьгѫ*), *vairthan*—*врьтѣть* (ибо Готскому корню *vairth*, Нѣмецкому *werd* лучшей, кажется, этимологіи пріискать нельзя, какъ Сскр. *вріт* или *варт*.=нашему *вьрт*); также: *svaihra*—*свекоръ*, *saihs*—*шесть* и проч.

Перейдемъ къ буквѣ *ѣ*. Я думаю, что, въ фонетическомъ отношеніи, б. *ѣ* есть тоже, что и *ь* буква, и на оборотъ, *ь* буква тоже, что *ѣ*. Самыя начертанія ихъ намекаютъ на это единство звука. Различіе между обоими звуками могло быть только количественное. Долгій элементъ въ отличіе отъ краткаго снабженъ только поперечною чертою. Въ

(*) Касательно соотношенія Готскаго *q* и нашего *ж*. См. ниже въ согласныхъ.

Остромирѣ видимъ мы на многихъ примѣрахъ, какъ чередуются между собою сіи количественно различныя буквы. Напр. *свѣтъ—свѣтѣніе, свѣтитисѧ, отъврѣсти—отъврьзи* и, euphoniae causa, *отврьзи, опроврѣщи—опровьрже* и проч.

Далѣе, какъ краткость *ь* колеблется въ произношеніи между *і—е*, также точно и въ той же средѣ колеблется долгота *ѣ*. Въ однихъ нарѣчіяхъ переходитъ она рѣшительно въ элементъ *і* (на примѣръ, въ Чешскомъ и Малорусскомъ), въ другихъ столь же рѣшительно въ элементъ *е* (напр. въ Сремскомъ нарѣчіи у Сербовъ, а въ Герцеговскомъ разлагается, по правописанію Вука, на *ије: бијело, ријеч*). Наконецъ, даже въ самомъ звукѣ своемъ представляетъ какъ бы нѣчто среднее, на прим. въ Великорусскомъ.

Примѣч. 1-е Общее мнѣніе, что ею Кириллъ хотѣлъ означить б. *е* съ предыдущею іотою, оказывается при нѣкоторомъ вниманіи не состоятельнымъ (*). Ибо трудно подумать, чтобы изобрѣтатель, поступавшій всегда въ своемъ дѣлѣ такъ отчетливо, и умѣвшій такъ искусно разобрать на элементы хаосъ языка неустроеннаго, что доселѣ его правописаніе (по древнѣйшимъ кодексамъ) остается образцовымъ; трудно подумать, чтобы Кириллъ для одного элемента поста-

(*) Копитаръ тоже не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ (Glagolita Clozianus стр. 51), но приравниваетъ *ѣ* къ Французскому *é*.

вилъ два, на видъ совсѣмъ различныя, знака. Ибо въ его алфавитѣ независимо отъ буквы *ѣ*, есть еще другая буква ѥ. Зачѣмъ бы древнимъ писцамъ недовольствоваться вездѣ этимъ удобнымъ и яснымъ начертанiемъ?

Примѣч. 2-е Замѣчательно, что во Фрейсингенской рукописи, очень древнемъ Хорутанскомъ памятникѣ, разбираемый элементъ нерѣдко изображается соединенiемъ двухъ Латинскихъ буквъ *ие: vueron – вѣрѫ, natrovuechu* патровѣху (*).

Въ господствующемъ нынѣ выговорѣ Русскомъ *б. ѣ* походитъ на двойное Нѣмецкое *ее* (сл. между прочимъ въ Англiйскомъ языкѣ переходъ *тоѵ ее* въ звукъ протяжнаго *i*). Не худо припомнить, что Нѣмцы встарину передавали наше *ѣ* именно этимъ двойнымъ *ее*, напр. *lobnoje meesto*; а нынѣшнiе, болѣе ученые, Нѣмцы, сбитые съ толку нашими же, впрочемъ, книжниками, передаютъ букву *ѣ* совершенно не свойственно, такъ: *je*, и приведенное рѣченiе напишутъ чуждымъ нашему выговору образомъ: *mjesto*.

Этимологическое значенiе этой буквы, изученное при свѣтѣ сравненiя съ однородными языками, поможетъ между звуками, приданными ей въ дiалектахъ, отличить вѣрнѣйшiй и ближайшiй къ ея первоначальному быту. Въ грамматическихъ отправленiяхъ своихъ, буква *ѣ* не только соотвѣтствуетъ Санскритскому *ê* (сл. у Боппа Vergl. Gram. стр. 334),

---

(*) Сл. тутъ же *vuirchnemo* вм. *verchnemo* или *virchnemo* (то есть, верхнему).

но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ явно показываетъ, что языкъ нашъ въ древнѣйшую эпоху, когда образовывалъ свои формы, составлялъ ее сознательно изъ *a*+*i*. Потому буква наша не можетъ быть отнесена къ числу неорганическихъ двугласныхъ. Часто также, въ корняхъ, б. *ѣ* соотвѣтствуетъ Санскритской б-ѣ *â*, и должна быть признана такимъ же перезвукомъ сей долготы, какимъ признали мы *ы* въ отношеніи къ *ў*. Соотвѣтствуетъ и другимъ долготамъ и двугласнымъ (+ *i*) сродныхъ языковъ, а также и усиленной Санскритской двугласной *ai* (*Вриддʼи*). Вотъ табличка сличеній:

Скр. кор. *mê* (mutare), Литов. *mai-nas* (commutatio) *мѣ-на*, *мѣнять*. Сличи Греческое ἀμείβω.

— — — — *вiд*—въ спряженіи *вêд* (Греческое οἶδα) *вѣд*.

— — — — *дʼâ*—1 е лице настоящ. времени *дадʼâмi*, Греческое τίθημι—*дѣю*.

— — — — *мâ* (metiri) *мѣ-ра*.

— — — — *млаi* (по Вильсону to be faint, or linguid, to yawn with languor or fatigue; to fade, to decay) — *млѣ-ть*; *млâнi* (weariness, languor)—*млѣнi-е*.

— — — — *драi* (dormire)—*дрѣ-мать* (по Сербо-Герцеговски *дријемати*—нынѣ въ Русскомъ языкѣ *дремать* изъ *дрѣмать*)

Скр. рѣч. *пʼêна*—*пѣна*.

— — — — *çвêта* (albus)—*свѣтъ*.

Скр. рѣч. *Ватара* (у Вильсона windy), *вата* (N. 1. air, wind, N. 3 air wind, as one of the humours of the body)—*вѣтеръ*: корень *ва* (to go... to blow as the wind)=*вѣ*(ять).

Хотя *мѣшаю* соотвѣтствуетъ Санскритскому *міç* (міçр), 1 лице *міçajaмі* (Греч. μιγνυμι, Лат. misceo), однако нашъ глаголъ, вмѣстѣ съ Литов. формою *maiszau*, явно оказываетъ усиленіе. — *Бѣда* по всей вѣроятности примыкаетъ къ Скр. корню *б'ід*, откуда имя средняго рода *б'еда* (по Вильсону *dividing*, *separating*... 2) *breaking* 4) *disunion*, *desagreement*.— И такъ наша бѣда въ разъединеніи.....

Какъ *бъдѣть* относится къ причинной формѣ своей *будить*, такъ *вис-ѣть* къ своей причинной формѣ *вѣсить*, и Боппъ прекрасно подводитъ для сличенія Санскритскій подобозвучный, хотя и не однозначащій, глаголъ *веç-ajiтум*—вводить, eingehen machen, какъ причинную форму отъ *віç* (*)—входить (Vergl. Gram. стр. 336).

Переходъ б. *ѣ* въ ꙗ, столь обыкновенный въ языкѣ Польскомъ (напр. swiat, piana, biada), наиболѣе аналогическимъ образомъ, кажется, можетъ быть понимаемъ такъ, что *ѣ* все переходитъ въ *а* (â), а

(*) Очень вѣроятно, что съ именемъ (причастіемъ), отъ этого корня происходящимъ, *ніведіта* (введенная, преданная, порученная) совпадаетъ наше *невѣста*.

въ предыдущей quasi-іотѣ слышится лишь умягченіе согласной, слѣдъ небной б-ы *ѣ*, стоявшей на томъ мѣстѣ, гдѣ появилась *а*. Замѣчательно соотвѣтствіе этого перехода съ переходомъ гласной *е* въ *о* или *ё*, объясненное выше. И то и другое обыкновенно бываетъ ради усиленія (о сильнѣе стало быть, нежели *е*; *â* сильнѣе — чѣмъ *ѣ*, въ Санскритѣ тоже *â* сильнѣе, чѣмъ *ê*).

Въ этимологическомъ движеніи нашего языка оказываются иногда случаи, въ которыхъ имѣютъ мѣсто всѣ тѣ діалектическія видоизмѣненія сей буквы, о коихъ выше было сказано: такъ глаголъ *сѣсть* въ первомъ лицѣ настоящаго времени даетъ *сяду*, такъ вмѣсто *ѣства*, употребляется *яства*. На оборотъ, глаголъ *вѣсти*, *вѣдать* является, въ другой формѣ того же корня, словомъ *видѣть*. Можно думать, что *и*-буква въ сей послѣдней формѣ прямо стоитъ противъ *і* въ чистомъ Санскритскомъ корнѣ *вiд* — scire; но долгота нашей буквы заставляетъ, кажется, правильнѣе принимать ее за видоизмѣненный выговоръ самой же буквы *ѣ*, господствующій въ Чешскомъ и не терпящій исключеній въ Малорусскомъ. Въ этой догадкѣ убѣждаетъ существительное *вѣжда* (palpebra), которое Добровскій, какъ согласится всякій, производитъ неосновательно отъ небывалаго глагола *вѣжду* вм. *вѣю* (Institutiones стр. 279). *Вѣжда* примыкаетъ своимъ значеніемъ къ глаголу *видѣть*, но удерживаетъ безъ измѣненія двоегласную *ѣ*, которая оказывается въ глаголѣ *вѣ-*

дать (*не-вънжда*), и такимъ образомъ стоитъ посреднимъ членомъ между сими обѣими формами. Точно въ такомъ же между собою соотношеніи находятся глагольные характеры *ѣ* и *и*, оба равно соотвѣтствующіе Санскритскому характеру 10-го класса *aja*. —

На каждомъ шагу въ изслѣдованіи древне-Славянскаго языка убѣждаемся мы въ томъ, что онъ не терпѣлъ скопленія согласныхъ подъ одну гласную, не терпѣлъ ихъ точно также и въ словоокончаніи. Для согласныхъ слабыхъ, можетъ быть, сначала дѣлалъ онъ исключеніе; но мало по малу подчинялъ и ихъ общему закону своего генія. Буква *н* должна была улетучиваться въ слабой носовой звукъ, оттѣняющій предыдущую гласную и подобный Санскритской *анусварѣ*. У насъ по свойству предыдущей гласной явилась анусвара двояко: или дебелой, если предыдущая гласная принадлежитъ органу губному, или тонкой, когда слѣдуетъ за гласной небнаго органа. Отсюда и два знака въ Кириллицѣ: дебелое ѫ и тонкое ѧ (чьтѫть — citant видѧть — vident). Въ употребленіи этихъ знаковъ самыя древнія рукописи не рѣдко сбиваются, ставя одинъ вмѣсто другаго. Съ наибольшею строгостью различаются они, какъ и слѣдуетъ, въ Остромировомъ кодексѣ; также въ Клозіанскомъ глаголитѣ. Позднѣйшія Русскія рукописи смѣшали ѫ съ *оу*, ѧ съ ꙗ, и наконецъ первое начертаніе или *юсъ* совсѣмъ было изгнано изъ нашей письменности.

Первый открылъ носовой характеръ этихъ буквъ знаменитый нашъ Востоковъ. Всякій занимающійся ученымъ изслѣдованіемъ нашего языка долженъ знать, какъ прекрасно этимъ открытіемъ Востокова воспользовался другой ученый въ своихъ остроумныхъ и глубокомысленныхъ наблюденіяхъ надъ составомъ Русскаго языка.

Буквы ѫ и ѧ рѣшительно отличены отъ *оу* и ꙗ, какъ писцемъ Остромировымъ, такъ и глаголитскимъ писцемъ Клозіанскаго кодекса. Встрѣчаемое иногда у нихъ смѣшеніе между сими различными буквами принадлежитъ къ числу описокъ, и далѣе ничего не можетъ доказывать, какъ начавшееся въ ихъ время или въ ихъ dialectis vernaculis ослабленіе того различія. Если бъ даже и не заключали въ себѣ эти буквы (чего отнюдь нельзя предположить) (*) Индійской анусвары или того, что отмѣчается въ Польскомъ при гласныхъ *а* и *е* особымъ знакомъ (ą, ę), а въ Литовскомъ сверхъ того еще поперечною чертою на гласной *i*; все же при сличеніи съ родственными языками, а равно при углу-

---

(*) Покойный Копитаръ сомнѣвался въ носовомъ звукѣ этихъ буквъ: ему болѣе нравилось сличать ѧ съ Чешскимъ *au*, нежели съ Польскимъ ą. Но Копитарово сомнѣніе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Одно имя Лѧгинъ вмѣсто Греческаго Λογγινος, встрѣчаемое въ Остромировомъ кодексѣ, достаточно уже показываетъ, что разумѣлъ подъ сею буквою изобрѣтатель.

бленіи въ собственный составъ нашего языка, признаешь ихъ легко за слѣды утраченной *н* или *м*, сопровождавшей нѣкогда дебелую или тонкую гласную, изъ коихъ 1-я сохранилась, какъ сказано, въ знакѣ ж; 2-я въ ѧ. Весьма важно различать въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ собственное *у* (равное какъ мы видѣли Санскритской двугласной *ô*, и часто возникающее стяженіемъ изъ слога *ов*) и то, которымъ замѣнилось Кириллово ж; точно также надобно знать, какая, въ области нынѣ единственно употребляемой буквы *я*, часть принадлежитъ тѡ ѧ, какая тѡ ꙗ.

Какимъ процессомъ образовались изъ буквъ ж и ѧ въ Русскомъ языкѣ, нетерпящемъ ринезма, заступившія ихъ мѣсто гласныя *у* и *я*?

Процессъ образованія *у* находитъ себѣ ясную аналогію въ Греческомъ, гдѣ тоже весьма часто вм. ον стоитъ ου (τύπτουσι вм. τύπτονσι); ν улетучивалось въ υ и составляло съ предыдущею гласною долготу ου. Что же касается до ѧ=*ен*, то оно превратилось прямо въ *а*, оставивъ за собою слѣдъ на согласной, т. е. смягчивъ ее; смягченная же согласная, сочетаясь съ гласною а, измѣнила ее на *я* (ꙗ). Въ Чешскомъ не всегда оказывается смягченіе въ предыдущей согласной, и вм. нашего *я* стоитъ просто *а* (долгое): *свѧтъі-и* (сл. Зенд. шпента (*), Литов. Szwanta-s), Чеш. *swátý* и пр.

(*) См. Vergl. gram. стр. 48.

Послѣ зубныхъ согласныхъ, въ нашемъ правописаніи и отчасти выговорѣ, мѣсто б-ы ѧ заступила *а*: *чѧсть, часть* (Скр. корень *ч'ід*, 1-е лице *ч'інад-мі*—*ч'інд-мас* раздѣляю); *шагъ* весьма вѣроятно есть тоже что *сѧгъ*—*сѧгати*.

Въ древнемъ Русскомъ языкѣ какъ у Сербовъ ѧ любило замѣняться буквою е. На это явленіе должно обратить вниманіе въ исторіи грамматическихъ формъ нашего языка. Такъ вмѣсто Церковно-славянскаго *есмѧ* въ древнѣйшихъ грамотахъ (на пр. Новогородскихъ договорныхъ) стоитъ *есме*; вмѣсто *ладиѧ*—*лодье* и пр. Объ этомъ будемъ имѣть случай говорить ниже именно при падежахъ. Замѣтимъ только что въ нынѣшнемъ выговорѣ *я* безъ ударенія всегда звучитъ какъ *е*.

Мы видѣли тѣсное сродство между буквами *ы* и *у*: *ы* заступаетъ нерѣдко мѣсто тоѵ *у* и тогда, когда сія послѣдняя буква должна бы стоять въ свою очередь вм. ѫ. Такъ глагольный префиксъ *вы*—можетъ быть есть ничто иное, какъ частица *вонъ* (*вънъ*). Напримѣръ *выпасть* по Лужицки *ѵиpasć*. Въ словоизмѣненіи мы повстрѣчаемся не разъ съ подобнымъ явленіемъ.

---

2. *Объ удареніи.*

Касательно ударенія господствуетъ въ нашихъ грамматикахъ совершенная анархія; впрочемъ не въ однѣхъ грамматикахъ, но и въ языкѣ.

Изученіемъ древнихъ памятниковъ нашей словесности и сравненіемъ съ соплеменными языками, наведенъ я былъ на слѣдующую мысль.

Русскій (общепринятый) языкъ смѣшалъ удареніе слоговъ съ ихъ количествомъ. Между сими обоими началами возникла борьба, которая чѣмъ то пресѣченная, доселѣ остается не рѣшенною. Теперь повышеніе и протяженіе голоса въ нашей рѣчи совпали; но напрасно думаютъ наши филологи, что вездѣ протяженіе условлено удареніемъ: есть, мнѣ кажется, важнѣйшія причины думать, что противное тому явленіе гораздо болѣе имѣетъ мѣсто въ языкѣ нашемъ.

Во всѣхъ древнихъ языкахъ нашего семейства гласныя существенно различаются по количеству. На этомъ музыкальномъ началѣ основывается, многими частями своими, ихъ грамматическая экономія.

Санскритъ, а за нимъ Зендъ, строго отличаетъ самимъ начертаніемъ долготу бб. *a*, *i*, *y* (ô, ê въ Санскритѣ всегда долгія, см. выше) отъ ихъ краткости. Въ Греческомъ, на письмѣ отмѣчена долгота и краткость только въ сомнительныхъ буквахъ *o* и *e*; Латинскій не сталъ отмѣчать и этого, хотя законъ

мѣры господствуетъ у него во всей силѣ. Мѣра одушевляла также и языки Германскаго корня, какъ по нѣкоторымъ слѣдамъ остроумно догадывается Як. Гриммъ. Что же касается до Славянскаго языка, то въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ его живо сохранилось это исконное начало.

Доселѣ Чешскій языкъ различаетъ ясно и сознательно долготу и краткость гласныхъ. Въ Польскомъ удареніе осилило количество; въ немъ повышеніе и протяженіе голоса совпадаютъ, и всегда на предпослѣднемъ слогѣ. Но лучшіе поэты умѣли отчасти пользоваться этимъ давнимъ свойствомъ языка; приведу въ примѣръ Кохановскаго.

Въ Русскомъ же языкѣ никогда и никто не хотѣлъ искать этого жизненнаго явленія въ вокализмѣ; хотя народный выговоръ, особенно съ областяхъ отдаленныхъ, гдѣ болѣе сохранилось исконныхъ элементовъ, за тѣмъ народная поэзія и самый складъ древней рѣчи, сколько уцѣлѣлъ онъ въ памятникахъ, легко наводятъ на эту мысль, даже безъ сличенія съ соплеменными языками.

Беру для примѣра слова, коихъ корни основаны на согласныхъ плавныхъ, и сличаю ихъ съ Чешскими.

brăda	бородà.
blāto	боло́то.
blăho	бо́лого.
črĕda	чередà.
drăhy	дорого́й.

drāha	доро́га.
hlăva	голова̀ глава̀.
hrăd	го́родъ.
hlăd	го́лодъ.
hlăs	го́лосъ.
hrāch	горо́хъ.
chrăst	хво́ростъ.
chrāsta	коро́ста.
chlăsty	холосто́й.
chlăd	хо́лодъ.
klāda	коло́да.
klăs	ко́лосъ.
krāwa	коро́ва.
mrāz	моро́зъ.
mrăk	мо́рокъ.
mrăw	но́ровъ.
mlăd	мо́лодъ.
mlăt	мо́лотъ.
mrăwence, mră-wec	мураве́й.
prāh	поро́гъ.
prăch	по́рохъ.
prăse	порося̀.
plăsa	полоса̀
prām	поро́мъ.
plst	по́лость.
slăd	со́лодъ.
smrăd	смо́родъ.
slăwik	солове́й.
slāma	соло́ма.

străna	сторона́.
wlāha	воло́га, вла́га.
wlăs	во́лосъ.
wlăst	во́лость.
wlăk	во́локъ.
wrăh	во́рогъ.
wrăn	во́ронъ.
wrāna	воро́на.
wrăb, wrăbec	вороб́ей.
zlăto	зо́лото
žlăb	жо́лобъ.

Разсмотримъ, что представляетъ намъ эта таблица. Во 1-хъ Чешскимъ односложнымъ и двусложнымъ рѣченіямъ соотвѣтствуютъ у насъ двусложныя (если не считать не произносимаго нынѣ ъ-а) и тресложныя; сверхъ того въ Чешскомъ нарѣчіи гласная, составляющая слогъ, предпосылаетъ согласную группу: такъ точно и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, такъ точно и въ Русскомъ въ тѣхъ словахъ, которыя построены аналогически (см. ниже о плавныхъ согласныхъ); ибо въ Славянскомъ языкѣ вообще въ корняхъ, построенныхъ на какой либо изъ плавныхъ, группа должна не слѣдовать, но предшествовать гласной (*). Слѣд. въ Русскихъ рѣченіяхъ существенная гласная есть не первая, а вторая.

(*) См. Добровскаго Entwurf zu einem allgem. Etymologikon der Slavischen Sprachen стр. 78, 79.

Во 2-хъ—и это главное—сія вторая или существенная гласная удерживаетъ во всѣхъ приведенныхъ словахъ удареніе, когда въ Чешскомъ соотвѣтствуетъ ей долгота. — *Kráva—корóва* , *prám—порóмъ* и пр. Если же въ Чешскомъ краткость, то ни въ одномъ изъ примѣровъ удареніе не остается на существенной гласной, но переходитъ либо на 1-й слогъ, либо на третій: *klas—кóлосъ*, *brada—бородà.*—Отсюда ясное выходитъ заключеніе : если слово содержитъ въ себѣ слогъ долгій, то оно удерживаетъ на немъ удареніе , и удареніе въ этомъ случаѣ постоянно ; когда же напротивъ нѣтъ въ рѣченіи долгаго слога, удареніе является бѣглымъ.

Внѣ этой таблицы конечно найдутся рѣченія , не подходящія подъ выраженное правило, но совершенной правильности въ этихъ случаяхъ ожидать и не возможно. Надобно вспомнить, какъ давно нашъ языкъ забылъ о количествѣ своихъ гласныхъ. Къ тому же и въ Чешскомъ языкѣ безъ сомнѣнія долгота и краткость не всегда удержались на своихъ мѣстахъ.

Далѣе : рѣченія жен. рода съ удареніемъ бѣглымъ, принявъ на концѣ приставку *ка*, вдругъ оказываютъ удареніе постоянное и притомъ на гласной существенной. Въ Чешскомъ именно въ этихъ случаяхъ краткій по природѣ слогъ превращается *положеніемъ* въ долгій. Въ Русскомъ *бородà-борóдка* , въ Чешскомъ brăda-brādka.

При этомъ случается что гласная въ нашемъ правописаніи и отчасти выговорѣ во все забытая—

не только вдругъ оказывается снова, но и оставляетъ на себѣ удареніе, напр. *иглà-игóлка* (въ Остромирѣ *игъла*).

Отчего всѣ прилагательныя жен. рода спрягаемыя получаютъ за малыми исключеніями, ударенiе на послѣднемъ слогѣ, именно на завершительной б. *а*: *блѣднà, хорошà, краснà*? Здѣсь, съ перваго взгляда покажется разительное противорѣчіе Чешскому: въ семъ послѣднемъ, напротивъ, опредѣленныя формы прилагательныхъ представляютъ долгую гласную въ окончаніи, а неопредѣленныя краткую.

Можно бы подумать, что въ этомъ случаѣ Русское нарѣчіе удержало болѣе Чешскаго память объ исконной долготѣ женскихъ окончаній. Мы дѣйствительно увидимъ это ниже, но здѣсь этого полагать нельзя. Всматриваясь въ дѣло пристальнѣе, откроемъ, что спрягаемая форма прилагательныхъ жен. рода вовсе не совпадаетъ съ неопредѣленною и вѣрнѣе можетъ быть сближаема съ формою опредѣленною. Равно неправильно называютъ спрягаемыя прилагательныя усѣченными. Никакого усѣченія предполагать тутъ нельзя; но можно думать, что *спрягаемая* форма прилагательныхъ жен. рода, въ общепринятомъ Русскомъ, возникла стяженіемъ изъ *склоняемой*. Посредствующая іота могла легко выпасть, и обѣ *а* буквы могли слиться и составить одну долготу. Что такой процессъ возможенъ, ссылаемся во 1-хъ на Чешскій же языкъ, въ которомъ опредѣленная форма именно такъ составилась: *maudrá* вм. *maudraja*; во 2-хъ, на сѣверныя области (на пр.

Вологодскую, Костромскую губернію), гдѣ народъ вм. *красная* говоритъ почти *краснаа;* въ 3-хъ—и это важно — на старинные памятники, гдѣ весьма нерѣдко находится такая форма: *добраа, инаа, никотораа, моа* (не знаю, почему г. Востоковъ—Рум. Муз. стр. 395—приписываетъ эту форму исключительно Болгарскимъ кодексамъ?) Общепринятый Русскій языкъ весьма вѣроятно употребилъ это діалектическое разнорѣчіе въ пользу: контрагированной позднѣйшей формѣ судилъ исправлять должность спрягаемой, а цѣльную, завѣщанную преданіемъ, оставилъ склоняться. Вотъ, кажется мнѣ, причина, почему спрягаемыя прилагательныя жен. р. (равно и сред. р.) держатъ удареніе на своей завершительной буквѣ, чего съ неопредѣленными не бываетъ (*кра́сно* солнце, *кра́сна* дѣвица и *красно́*, *красна́*= *краснаа*).

Касательно женскаго суфикса *а* вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ Санскритѣ онъ по преимуществу бываетъ долготою, и тѣмъ отличается отъ мужескаго. Въ другихъ языкахъ нашего поколѣнія, гдѣ муж. *а* (за исключеніемъ Литовскаго) истребилось, не нужнымъ оказалось строгое различіе, и потому имена женскаго рода вм. ā облекаются вообще въ *а*. Русскій языкъ, кажется, долго сохранялъ, по темному преданію, память о долготѣ женскаго *а*. Вездѣ, гдѣ серединныя гласныя не столь сильны, чтобы удержать на себѣ удареніе, мы перенесемъ его на наконечное женское *а*. Мало того, бываютъ случаи, когда никакое препятствіе не сильно удер-

жать удареніе отъ этого перехода. Такую притягательную силу имѣетъ *а* на прим. въ женскомъ суфиксѣ — *та* Сл. наши *слѣпотà, высотà* и проч. съ Санскритскими *б'агутâ, прîтутâ.* Далѣе, б. *а*, въ соотвѣтствіи съ Чешской просодіей, является у насъ съ удареніемъ постояннымъ въ слѣдующихъ глаголахъ: *знать* (*зна́лъ, зна́ла, зна́ло*) *znáti* (Скр. кор. *джнâ*). *Пытать* (*пы-та́лъ, пыта́ла*) *ptāti. Писать* (*писалъ, писа́ла*) *psāti.* Но въ глаголѣ *дать* (Чеш. dāti) мы расходимся съ Чехами (*далъ, далà*).

Въ пользу Чешской долготы говоритъ Санскритскій корень этого глагола *дâ*, Греч. *δω*, Лат. *dā* Но другое обстоятельство гораздо болѣе важное рѣшитъ дѣло въ пользу нашего ударенія. Я разумѣю то, что въ Славянскомъ глаголѣ *да-ть* должность корня отправляетъ редупликація, а корень исчезъ по требованію благозвучія (см. ниже въ образованіи глагольныхъ формъ); что же касается до редупликаціи, то она въ приведенныхъ языкахъ краткость: *дадâмі*, *δίδωμι*. Въ прочихъ глаголахъ съ этимъ же характеромъ, большею частію производныхъ и второобразныхъ (по счастливой терминологіи Г. Греча), мы снова расходимся съ Чехами. У нихъ *а* краткость (въ неокончательномъ наклоненіи); у насъ несетъ оно большею частію удареніе, нерѣдко вопреки долготѣ кореннаго слога. Но и здѣсь аналогія другихъ языковъ болѣе оправдываетъ насъ, нежели Чеховъ: наши глаголы на *а* оказываются въ наибольшемъ сродствѣ съ Латинскимъ первымъ

спряженіемъ на ā, которое въ сравнительной грамматикѣ сличается съ Санскритскимъ характеромъ 10 го класса *aja.*

Что касается до б. *и*, то она, какъ и предыдущая, есть у насъ littera anceps.

Примѣч. Однако же очень вѣроятно, что б. *и* знаменовала въ древности преимущественно долготу. — Мы знаемъ, какъ легко краткое *и* переходитъ въ *ь* и черезъ эту колеблющуюся среду въ *е.* Потому намъ не удивительнымъ покажется слѣдующее прозорливое замѣчаніе Боппа, что краткое Санскритское і въ Славянскомъ языкѣ является наиболѣе въ видѣ *е.* Тѣмъ не менѣе должны мы признать случаи, въ которыхъ Кирилловскій знакъ *и* стоялъ за краткій элементъ; но такихъ случаевъ, по всей вѣроятности, было относительно не много. Эта-то причина конечно и заставила Кирилла употребить для Славянскаго элемента, изъ двухъ Греческихъ буквъ, ту, которая наиболѣе оказывается способною къ означенію долготы. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить такого предпочтенія, ибо Греческая же буква *ι* гораздо болѣе представляетъ и удобства, и легкости для начертанія. Кирилловъ же алфавитъ принадлежитъ къ числу такихъ вещей, которыя тѣмъ болѣе заставляютъ уважать себя, устраняя всякую мысль о случайностяхъ въ своемъ составѣ, чѣмъ болѣе въ нихъ вникаешь.

Буква *у* нынѣ также стала обоюдною даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явно должна бы быть долготою, и слѣд. останавливать на себѣ удареніе. Мы увидимъ и здѣсь соотвѣтствіе съ Чешскимъ языкомъ. Хотя на мѣстѣ Кирилловскаго ж по правилу стоитъ тамъ *й* или, что все равно, *au*, одна-

ко есть не мало случаевъ, гдѣ буква сія, съ теченіемъ времени, ослабѣла и превратилась въ краткій элементъ *и*. На прим. *ржка* (по Польски *ręka*), Чеш. *ruka*, Рус. *рукà*. Этому причина общее ослабленіе вокализма, ослабленіе, въ которомъ изчезъ или измѣнился элементъ, первоначально заступавшій мѣсто краткаго *у*, т. е. буква *ъ*.

о — anceps; *е*—brevis.

Бб. *ѣ* и *ы* суть naturâ longae, и потому, особенно первая, останавливаютъ на себѣ удареніе за весьма малыми исключеніями. Но и тутъ, почему не думать, что сіи отъ природы долгія буквы измѣняются въ соотвѣтныя краткія. Не видимъ ли мы того же въ другихъ языкахъ (сл. напр. δίδωμι и δίδομεν)?

Въ разсужденіи буквы *ѣ*, мнѣ кажется, это предположеніе заслуживаетъ быть обращенымъ въ положеніе. Напримѣръ, въ словахъ *звѣзда*, *гнѣздо*, б. *ѣ* не удерживаетъ ударенія, но не лучше ли думать, что Русскій языкъ издавна поставилъ здѣсь *е* вмѣсто *ѣ*, какъ и случилось съ нѣкоторыми другими словами, оказывающими эту замѣну въ самомъ правописаніи настоящемъ. Не говорится ли *звёздъ гнёздъ* (также сѣдлò—сёдла, изобрѣлà—изобрёлъ и пр.)? Сверхъ того, въ Остромирѣ, по случаю разширенія слова, не замѣняется ли открыто *ѣ* буквою *ь*, какъ мы видѣли выше, а *ь* не переходитъ ли у насъ ежеминутно въ *е*?

Въ глаголѣ *быть*, какъ бы отъ частаго употребленія, б. *ы* ослабѣла и не удерживаетъ, чего

слѣдовало бы ожидать, ударенія; но за то — *забыть—забы́лъ, забы́ла.*

мыть — мы́лъ — мы́ла
ныть — ны́лъ — ны́ла
рыть — ры́лъ — ры́ла
выть — вы́лъ — вы́ла
крыть — кры́лъ — кры́ла

но

слыть — слы́лъ — слыла́ (потому что ы стоитъ здѣсь не на мѣстѣ, замѣняя мож. б. ъ-букву.
плыть — плы́лъ — плыла́

Въ Германскихъ языкахъ, по показанію Гримма (стр 14 и 15 изд. 2), удареніе часто становится на краткихъ слогахъ. Тому были тамъ свои причины. И у насъ есть случаи, гдѣ удареніе ступило на краткость; на прим., не только *отецъ*, *чернецъ*, но и *бѣлецъ*, *вѣнецъ*, оказываетъ удареніе (однако *непостоянное*) на *е* или *ь*, также *бѣлокъ*, *челнокъ*, гдѣ *о* стоитъ вмѣсто ъ-а и пр. Что побудило языкъ къ такому поступку? Явно въ этомъ выразилось стремленіе поддержать слабѣющую гласную. Языкъ будто чувствовалъ, какъ мало будутъ разборчивы владѣльцы его въ устроеніи слоговъ, и какъ трудно будетъ гласной краткой безъ внѣшней подпоры удержаться на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ древле поставилъ или оставилъ се, руководясь потребой благозвучія.

И много много произошло въ нашей рѣчи, лишь изъ этого врожденнаго языку нашему желанія, чтобы гласныя и согласныя стояли въ его рѣченіяхъ съ возможно равною силою, желанія, кото-

рое мало оказывается въ насъ, ведущихъ рѣчь Русскую.

Як. Гриммъ (стр. 20 Т. 1-й 2-е изд.), въ заключеніе статьи о просодіи въ своихъ языкахъ, замѣчаетъ слѣдующее:

„Какъ на возможное свидѣтельство о быломъ существованіи Нѣмецкой просодіи, укажу на то, что въ Литовскомъ (Древне-прусскомъ) и Латышскомъ языкѣ даже до нынѣ живетъ различіе между количествомъ и удареніемъ, и соблюдается въ рѣчи.... Поелику ни одинъ изъ чуждыхъ языковъ не приближается такъ къ нашему, какъ именно этотъ Летскій, и его словно застывшая и еще по нынѣ столь совершенная форма и флексія наиболѣе уясняетъ старые Нѣмецкіе діалекты, а также и Готскій; то кажется мнѣ неизбѣжнымъ положеніе, что въ послѣднихъ также нѣкогда было утраченное сочетаніе обоихъ законовъ количества и ударенія. Если же просодическое начало было, то вѣрно въ настоящемъ языкѣ, и еще болѣе въ древнѣйшемъ, уцѣлѣли его послѣдствія, къ открытію и уясненію коихъ много могутъ содѣйствовать языки Летскіе."

Если Гриммъ для Нѣмецкаго языка видитъ такое пособіе въ Летскомъ, то какъ же намъ оставлять Летскій языкъ безъ вниманія? Пускаться въ далекія изслѣдованія здѣсь я не могу: но обязанъ представить нѣкоторые намеки, которые будущіе изслѣдователи примутъ, можетъ быть, въ соображеніе.

Стендеръ (Lettische Grammatik p. 28. et seqq) учитъ такъ объ удареніи въ Латышскомъ языкѣ:

Въ Латышскомъ яыкѣ удареніе всегда стоитъ на первомъ слогѣ (NB то же въ Чешскомъ). Удареніе состоитъ не въ протяженіи слога, а въ сильнѣйшемъ звукѣ или повышеніи голоса — будь слогъ дологъ или кратокъ. Хотя бы первый слогъ былъ краткость, а второй долгота, все же удареніе должно стоять на первомъ, какъ *sapaplêst* — раздирать. — Краткія и долгія гласныя должны быть строго различаемы въ произношеніи. Такъ *wellêt* значитъ колотить бѣлье валькомъ; *wêlêt*—желать, волить. Иностранцы, не разбирающіе долгихъ и краткихъ гласныхъ, могутъ легко стать посмѣшищемъ у Латышей....Такъ однажды проповѣдывалъ одинъ Нѣмецъ родомъ изъ Саксоніи:.. *jâje uſ kaſâm* (ѣхалъ на козахъ) (*) вмѣсто: *gâje uſ káſâm*—(шелъ на бракъ)...

Представимъ здѣсь нѣсколько сличеній Латышскихъ долготъ и краткостей съ нашими.

bâba	баба
mâte	мать
brâlis	братъ
pâsma	пасма
pâwa	пава
ſinnât	знать
raudât	рыдать
mêtât	метать
mainît	мѣнять
leepa	липа
gnîda	гнида
barrawîka	боровикъ

(*) Нѣмецкою б-ю ſ означаемъ мы здѣсь звукъ *з;* у Латышей звукъ *с* изображается сею же буквою, но для отличія перечеркнутою.

meers	миръ
laupît	лупить
môzît	мучить (мѫчить)
wârît	варить
bâls	бѣлъ
êst	ѣсть
ſweers	звѣрь
grêks	грѣхъ
sêrs	сѣра
seens	сѣно
mêrs	мѣра
mêrnîks	мѣрникъ
wêtra (stürmisch wetter)	вѣтеръ
smirdêt	смьрдѣть
auss	ухо
dôma	дума
dûmi	дымъ
lauks	лугъ
pôst	пустъ
ſôbs	зубъ (зѫбъ)
migla	мьгла (нынѣ мгла)
wirwi	вьрвь
pirwi	пьрвый
sirds	сьрдце
blussa	блъха
ſemme	земля (земь)
wirsus и пр.	вьрхъ и пр.

Многіе изъ приведенныхъ рѣченій безъ сомнѣнія заимствованы были Леттами у насъ: тѣмъ луч-

ше,—такъ, стало быть, нѣкогда Русскій передалъ эти рѣченія Летту. Не будемъ пускаться въ комментаріи: что идетъ къ дѣлу, то говоритъ само за себя. Возьмемъ только слово *mêrnîk*: оно важно по суфиксу, доказывая, что суфиксъ *икъ*, столь у насъ употребительный, есть долгота (въ Чешскомъ онъ тоже долгота jk или ik), хотя на немъ и не всегда стоитъ у насъ удареніе. На прим. въ словѣ свѣтильникъ удареніе не совпало ни съ одною изъ обѣихъ явныхъ долготъ рѣченія, и стоитъ посереди ихъ. На какомъ слогѣ древле стояло здѣсь собственно удареніе нерѣшаю, но въ отношеніи количества такъ безъ сомнѣнія звучало оно: *свѣ́тильни́къ*. Это можно заключить изъ удареній, которыя на немъ ставились (см. у Востокова Румянц. Муз. стр. 244 Іоанна Экзарха Шестодневъ).

Примѣч. Буквы *и* и *ѣ*, въ Славянскомъ языкѣ, столь близки между собою, что незамѣтно переходятъ, какъ и выше было замѣчено, одна въ другую. А потому очень возможно тотъ же самый суфиксъ видѣть и въ рѣченіи *человѣкъ* (челов-ѣкъ) (*); не невозможно также сей суфиксъ *ѣкъ* приравнять къ Санскритской мѣстоименной формѣ *ėка* (unus). На одной ступени съ суфиксомъ *ѣкъ* или *икъ* сталъ бы суф. *инъ*, которому у насъ соотвѣчаетъ мѣстоименіе *онъ*, *инъ*, *единъ*, въ Литовскомъ ana, въ Санскритскомъ *ана*, *анја*, можетъ

(*) Касательно корня слова *человѣкъ*, можно кажется, согласно съ Павскимъ, видѣть его въ Санскритскомъ *кула* родъ, племя и нашемъ *чел-ядь*, откуда *чадь*, *чадо* и пр.

быть Нѣмецкое ein и Латинское, кромѣ *alius*, также *unus*. Значенie единства такъ ощутительно въ этомъ суфиксѣ *инъ*, что во множественной формѣ рѣченія онъ никогда не участвуетъ (селянинъ—селяне и проч.).

* * *

Наши писатели, и вообще ревнители Русскаго языка, давно и очень, кажется, желаютъ, чтобы стало оно въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теперь, разговорнымъ словомъ образованнаго круга, гдѣ царствуетъ доселѣ рѣчь Французская. Но это доброе желанie, едвали исполнимо; пока художное чутье самихъ писателей и двигателей слова, доселѣ устремленное почти на одинъ синтаксисъ, не вспомнитъ объ этимологiи, о звукахъ, о произношенiи.—Не вся бѣда, но часть большая бѣды въ словахъ длинныхъ и неуклюжихъ. Конечно, многихъ тунеядныхъ рѣченiй легко можетъ избѣжать искусный писатель, что̀ и дѣйствительно видимъ иногда. Но отъ этото не легче, ибо не всѣ длинно-построенныя слова могутъ быть названы тунеядными: есть изъ нихъ такiя—и такихъ не малое количество—къ которымъ издавна привыкла мысль наша, на которыхъ стоитъ языкъ—и потеря ихъ была бъ не замѣнима. Какъ книга, такъ и слово длиннымъ бываетъ не потому, что много въ немъ числится буквъ, а потому, что вяло: тяжело для языка и непрiятно для слуха. Но безспорно нельзя назвать прiятными и легкими многiя рѣченiя наши, которыхъ большая половина, а иногда и все тѣло остается безъ ударенiя, безъ тона и какъ бы безъ души. Когда повстрѣчаемся въ рѣчи съ словами, въ которыхъ лишь на пятомъ

или даже на шестомъ слогѣ отъ конца стоитъ удареніе ничтожное и едва слышное, мудрено-ли, что мы побоимся такой встрѣчи, и впадемъ въ скороговорку. Избѣгать всегда такихъ реченій невозможно: изгнанныя съ одной, онѣ придутъ съ другой стороны. Ихъ источникъ въ грамматическомъ строеніи языка, а запереть вовсе этотъ источникъ, языкъ, коренящійся крѣпко въ своемъ прошедшемъ, и воспитанный преданіями для него и для насъ драгоцѣнными, не скоро дозволитъ. Полякъ не побоится длиннаго причастія: удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщитъ самому многосложному слову въ Польской рѣчи быстроту и легкость, и даже скроетъ другіе недостатки. Чешская рѣчь сильна своимъ количествомъ, и ударенію, всегда на начальномъ слогѣ стоящему, помогаетъ удачно долгота. Но еще сильнѣе и роскошнѣе теченіе рѣчи Сербской съ ея четырмя удареніями, которыхъ связь съ закономъ количества неподлежитъ сомнѣнію.

Любопытно бы дознаться, какъ управлялись съ своими рѣченіями старые Русскіе люди. Для этого важно было бы собрать всѣ ударенія, которыя попадаются въ нашихъ рукописяхъ. Изъ того, что мнѣ удалось собрать самому, не могу еще позволить себѣ никакого положительнаго заключенія, однако слѣдующее почитаю не лишнимъ замѣтить.

Рѣчь нашихъ предковъ отличалась мѣрнымъ теченіемъ. Кто вчитывался въ древніе памятники народной рѣчи, какими должно почитать всѣ грамоты, тотъ согласится со мною въ этомъ поло-

женіи. Допустивъ это, мы поймемъ тотъ синтактическій безпорядокъ, который представится намъ въ языкѣ старинныхъ грамотъ: это многосоюзіе, эти повторенія, эти дополнительныя частицы, такъ напоминающія столь же вольный слогъ Греческій, всѣ эти особенности древней рѣчи передъ нашею столь чинною, явно требовались желаніемъ мѣры и склада. У нашихъ (даже не очень древнихъ) предковъ, было навѣрно не только острое и тяжелое, но и облеченное удареніе. Длинное рѣченіе не могло для нихъ казаться длиннымъ. Удареніе, если приводилось ему стоять въ началѣ многосложнаго рѣченія, будучи сильно, поддерживало дальнѣйшій его ходъ, и отдавалось въ одномъ изъ послѣднихъ слоговъ; каждое рѣченіе представляло такимъ образомъ арсисъ и тезисъ, равно и въ цѣлой рѣчи слышалось явственно, то повышеніе, то пониженіе голоса. Нынѣшняя рѣчь наша упала на цѣлый тонъ, или даже на два тона, противъ рѣчи старинной.

Въ лучшихъ писателяхъ новой Русской словесности болѣе или менѣе замѣтно чутье музыкальное, потребность размѣренной рѣчи. Правда, потребность эта принимала часто ложное направленіе, и влекла къ манерности; вмѣсто оживленія, вносила въ слогъ тяжелую однозвучность; но корень ея въ классическихъ писателяхъ, каковъ на примѣръ Карамзинъ, всегда вѣренъ, ибо таится въ основахъ Русскаго языка, и въ инстинктѣ каждаго Русскаго человѣка.

3. *О буквахъ согласныхъ.*

Согласныя буквы веществомъ своимъ имѣютъ или голосъ или дыханіе. Итакъ, по веществу своему, онѣ могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) звонкія или ясныя, произносимыя неиначе, какъ съ помощію голоса свободнаго (*г*, *д*, *б*, *з* и пр.); 2) глухія, произносимыя въ элементѣ дыханія, шепотомъ (*к*, *т*, *п*, *с* и пр.); 3) среднія, произносимыя съ равной легкостью и ясно, и глухо (какъ *л*, *м*, *н*, *р*).

Свою особенную форму согласныя пріобрѣтаютъ отъ содѣйствія различныхъ органовъ устъ, къ которымъ приражается голосъ или дыханіе. По органамъ, согласныя удобно распредѣляются на небныя, зубныя, губныя и, сверхъ того, язычныя; ибо языкъ, принимающій участіе въ образованіи всѣхъ членораздѣльныхъ звуковъ слова, наиболѣе дѣйствуетъ въ образованіи такъ называемыхъ плавныхъ, которыя потому и могутъ быть названы язычными по преимуществу. Въ Санскритѣ каждый разрядъ гласныхъ имѣетъ свою носовую; у насъ носовой буквы (*) гортаннаго или небнаго органа

(*) Носовую согласную не должно смѣшивать съ носовымъ звукомъ, въ который она можетъ улетучиваться и о которомъ выше было говорено. Индійскій терминъ *анусвара* отчетливо выражаетъ свойство этого звука, и ловко можетъ быть переданъ на Славянскій словомъ *пазвукъ* (Nachhall), употребительнымъ у Чеховъ.

(=Греч. γγ) нѣтъ, но оба другіе органы имѣютъ каждый свою: губной букву *м*, зубной б. *н*.

Сверхъ того, согласныя могутъ быть раздѣлены по относительной твердости или слабости своей, т. е. по мѣрѣ того участія, которое органы устъ принимаютъ въ ихъ образованіи. Чѣмъ сильнѣе приражается голосъ или дыханіе къ органамъ, тѣмъ тверже звукъ, и на оборотъ, чѣмъ слабѣе приraженіе, тѣмъ ближе согласныя къ простому голосу или дыханію. Изъ этого однако отнюдь не слѣдуетъ, чтобы слабыя согласныя могли обходится безъ помощи гласныхъ, или даже заступать ихъ мѣсто. Въ живой рѣчи человѣческой, согласныя элементы такъ тѣсно связаны съ гласными, что составляютъ одинъ звукъ. Но въ письменномъ устройствѣ языка, гдѣ раздѣленіе элементовъ на гласные и согласные поставлено за правило, не должно соблазняться какимъ-то природнымъ гласнымъ звукомъ будто бы слышимымъ въ названіи буквъ (*r*, *l*, *m* и пр.). Безъ этого гласнаго звука не можетъ быть произнесена ни одна согласная, какъ звукъ членораздѣльный; безъ него буква *р*, на примѣръ, была бы въ полномъ смыслѣ littera canina, а *м* bovina или ovina. Подобные звуки не свойственны рѣчи человѣческой. Бб. *р*, *л* (а также *м*, *н*) называются еще плавными, liquidae. Еще лучше нежели плавныя, по Русски шло бы къ нимъ названіе жидкихъ. По причинѣ этой то жидкости или текучести своей, бб. *р* и *л* причисляются къ слабымъ согласнымъ.

Чистое дыханіе, появляясь самостоятельною буквою, сверхъ того сочетается съ другими согласными. Такъ въ Санскритѣ и звонкая, и нѣмая каждаго органа повторяется въ новомъ видѣ, принятомъ отъ придыханія. Изъ Европейскихъ языковъ наиболѣе оказываются придыханія въ Греческомъ и Германскомъ; наименѣе въ Латинскомъ, Славянскомъ и особенно Литово-Латышскомъ.

Латинскій языкъ противъ нашего оказываетъ только одну придыхательную букву, *f*, звукъ чуждый Славянскому органу, однако вкравшійся въ теченіи времени, и теперь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ довольно сильный. Впрочемъ, касательно свойства Латинской буквы *f* трудно сказать что либо положительное: это былъ какой то странный звукъ, ни мало непохожій на обыкновенную *f* или *ф*. Вотъ какъ толкуетъ Латинскую букву *f* Квинтиліанъ: Quae (φ et υ) si nostris litteris (*f* et *u*) scribantur, surdum quiddam et barbarum efficient, et velut in locum earum succedent tristes et horridae, quibus Graecia caret. Nam et illa, quae est sexta nostrarum (f), paene non humana voce, vel omnino non voce potius, inter discrimina dentium efflanda est; quae etiam cum vocalem proxima accipit quassa quodammodo, utique quoties aliquam consonantem frangit, ut in hoc ipso *frangit*, multo fit horridior.

Буква *х* едвали можетъ быть у насъ выводима изъ б. *к* съ придыханіемъ. Гораздо основательнѣе можно видѣть въ ней болѣе или менѣе отвер-

дѣвшее дыханіе.—Сверхъ того, въ древнѣйшую эпоху языка, *х* переходитъ очень часто путемъ смягченія въ *с* (кромѣ памятниковъ Церковно-славянскихъ, см. также и древніе Чешскіе памятники). Что же до сей послѣдней, то она, какъ физіологически, такъ и исторически, является разрѣшеніемъ гортаннаго дыханія, а потому и имѣетъ нѣкоторое право на названіе придыханія зубнаго. Соотношеніе нашей буквы *х* съ Санскритской *с* открывается ясно въ грамматическихъ слученіяхъ.

Здѣсь не будетъ излишнимъ представить слѣдующую догадку. Санскритское рѣченіе *сура* (божество, солнце) состоитъ, кажется, въ связи съ именемъ божества собственно Русской миѳологіи *Хърсъ*. (Ъ. *с* нашего рѣченія можетъ быть объясняема изъ именительнаго падежа, по Санскритски *сура-с*. См. объ этой возможности ниже, въ статьѣ объ именит. падежѣ). Тоже Санскритское рѣченіе *сура* могло появиться у насъ и въ словѣ *слънце*; однако съ нашей формой *слънце* лучше согласуется другое Санскритское названіе солнца. *сувана*.—Рѣченіе *хвала*, которое есть ничто иное, какъ этимологическое или даже діалектическое одно-и-тоже съ словомъ *хула*, не къ чему приличнѣе приравнять, если не къ Санскритскому корню *свар* (по Вильсону to blame, to censure, to repute; to sound. Кор. 10-го класса: *сварајаті*). А несклоняемое имя *свар* (небо, рай, мѣстопребываніе Индры) и другое, близкое и тождезначащее слово *сварга*, явно открываются въ нашихъ миѳологическихъ:

Сваръ и *Сварогъ*. (См. объ этомъ божествѣ въ Ипатьевской лѣтописи). Далѣе, Санскритскій корень *сад* (ire), по всей вѣроятности, является въ нашемъ *ход* (ходить) и, отсюда, *шед* (шелъ), равно какъ въ Греческомъ ὁδός. (Сл. Санскритское мѣстоимѣніе *са*, род. *та-сја* и Греч. ὁ, род. τοιο и τοῦ).

Въ замѣну придыхательныхъ элементовъ, а можетъ быть даже и вслѣдствіе ихъ утраты, нашъ языкъ такъ богато развилъ порядокъ зубной. Если взять въ разсчетъ всю систему Славянскихъ звуковъ, то въ этомъ порядкѣ окажутся всѣ возможныя оттѣнки и переходы, чего не найдемъ ни въ одномъ изъ языковъ Индо-европейскаго семейства, ниже въ богатѣйшемъ алфавитѣ деванâгари. Сюда, къ основнымъ звукамъ этого органа, Славянинъ перевелъ, путемъ смягченія, все вещество гортанно-небныхъ элементовъ.

Коренными звуками зубнаго органа должны быть признаны собственно только три: *с*, *т*, *д*. Всѣ прочія могутъ быть названы производными. Буквы *з* и *ж* представляютъ собою разрѣшеніе небнаго *г*; *ч*, *ц* соотвѣтствуютъ б-ѣ *к*; *с*, *ш* б-ѣ *х*. Взаимное соотношеніе, въ древнемъ Славянскомъ языкѣ, согласныхъ небнаго и производныхъ согласныхъ зубнаго порядка невольно напоминаетъ призматическое преломленіе лучей, представляющихъ за призмою тоже изображеніе, что и передъ нею, только въ обратномъ видѣ.

Примѣч. Гриммъ ставитъ въ основу небному порядку согласныхъ б-у *і* (тоже небный элементъ голоса), а гу-

бному, губную гласную *у*. Для средняго, зубнаго порядка не находитъ онъ въ элементахъ голоса основы. Бюрнуфъ, въ своей Яснѣ, берется докончить эту постройку. Онъ предлагаетъ въ видѣ догадки поставить б. *a* въ основу зубнаго порядка, ссылаясь на сродство дыханія съ зубною *с* въ Зендѣ (это впрочемъ явно и изъ другихъ языковъ, особенно изъ Греческаго), и на возможное сродство чистаго дыханія съ чистою гласною *а*. См. t. 1 p. CXIV et seqq.

Это начало смягченія согласныхъ простерло далеко власть свою въ нашемъ языкѣ. Основные зубные элементы должны были подчиниться ему на равнѣ съ небными. Отъ б-ы *т* пошли: Сербское ћ, Польское и Бѣлорусское ć, Верхне-лужицкое ć (*чь*), Нижнелужицкое ś (*шь*), Общерусское *ч*, *щ*, Церковно-славянское (Болгарское) *шт*, *щ*. Отъ б-ы *д*: Сербское ђ, Польское и Бѣлорусское *dz*, Верхне-лужицкое (и Малорусское въ Галиціи) *dż* (*дж*), Общерусское (тоже Нижне-лужицкое) *ж*, Чешское ž и *z*, Церковно-славянское *жд*. Даже самое *с* находитъ соотвѣтную мягкую въ Польской ś, и черезъ сію послѣднюю граничитъ съ шипящею *ш*. Точно такое же соотношеніе между буквами *з* и *ж*, черезъ Польскую ź.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ (именно въ восточной вѣтви), самыя губныя иногда видоизмѣняются особымъ образомъ, при сочетаніи съ небнымъ элементомъ голоса. Не будучи сами способны къ смягченію, онѣ берутъ на помощь мягкую *л*, или, лучше, превращаютъ послѣдующую іоту въ эту мягкую согласную. Отсюда эвфоническія группы: *бл*, *мл*, *вл*.

Наконецъ и плавныя *р* и *л*, каждая по своему, и не въ равной мѣрѣ, признали власть того же начала смягченія. Б. *р*, сочетаясь съ небною гласной, а особенно съ полугласной, смягчается, принимая на помощь мягкую зубную (въ Польскомъ z), или превращая въ нее небный элементъ, и сливаясь съ нею въ одинъ цѣльный звукъ, который весьма неудачно передается у насъ группою *рж*.

Это смягченіе плавной б. *р* замѣчается только въ западной вѣтви, именно въ Польскомъ и Чешскомъ, но въ Словацкомъ его нѣтъ. А въ обоихъ Лужицкихъ, *р*, въ такомъ случаѣ, нерѣдко превращается въ *ш* и даже *с* (kšebet хребетъ, wetšik по Верхнелуж. wetsik вѣтрикъ, tšasu трясу, tsylba стрѣльба и пр.

Что же касается до б. *л*, то Славянскій языкъ утвердилъ за нею звукъ дебелый, во все неизвѣстный (*) прочимъ живымъ языкамъ нашего семейства, звукъ близкій къ губному *в* (отсюда діалектическіе переходы *л* и *в*). Встрѣча съ небными гласными превращаетъ ее въ мягкую. Въ Польскомъ однако, б. *л* можетъ удерживать свой первоначальный дебелый звукъ и передъ гласною *е*; но въ этомъ случаѣ, буква *е* оказывается замѣною *ъ*-а, какъ *łeb, łez* и пр.

Въ древности, когда языкъ въ своихъ фонетическихъ распоряженіяхъ былъ сознательнѣе, мягкія

(*) Потому неизвѣстный, что въ нихъ не господствуетъ сіе начало смягченія, которое и у насъ, по всему вѣроятію, вызвало этотъ звукъ тогда лишь, какъ совсѣмъ укоренилось.

согласныя могли легко возвращаться, при перемѣнѣ гласной, въ прежній дебелый элементъ.

Наконецъ, замѣтимъ еще новую и весьма важную особенность нашихъ согласныхъ. Находясь въ такомъ сочувствіи — если позволено будетъ выразиться такъ — съ элементами гласными, они сверхъ того отличаются памятливостію, ибо долго сохраняютъ на себѣ впечатлѣніе гласныхъ, съ которыми стояли въ связи. При разборѣ гласныхъ элементовъ замѣчено было, что *е* въ Русскомъ языкѣ превращается въ *о*, ради усиленія, или отъ дѣйствія ударенія. Звукъ *о* выходитъ, однако, въ такихъ случаяхъ, послѣ всѣхъ согласныхъ, за исключеніемъ зубныхъ мягкихъ, какъ бы съ примѣсью іоты. А эту примѣсь не изъ чего такъ удачно объяснить нельзя, какъ изъ умягченія, небнымъ элементомъ оставленнаго на согласныхъ. То же замѣтили мы и о б. *ѣ*, переходящей или, лучше, перешедшей, отъ дѣйствія ударенія, преимущественно въ Польскомъ языкѣ, въ б. *а* (å), которая, слагаясь съ умягченной согласной, звучитъ какъ *я*.

Процессъ умягченія большею частію состоитъ въ томъ, что встрѣчаемый согласными небный элементъ входитъ въ составъ ихъ звука, и тѣмъ видоизмѣняетъ его: *ходить—ход-ѧше*, отсюда *хождаше*, *хожаше*. Вотъ причина, почему тѣ согласныя, которыя смягчены поглощенной ими іотой, въ правописаніи нашемъ требуютъ за собою твердую гласную: *жа* (=*жда*), а не *жя* и проч.

Скажемъ нѣсколько словъ объ обѣихъ полугласныхъ буквахъ, небной и губной.

Полугласная небная такъ неопредѣленна и обоюдна, что въ немногихъ алфавитахъ получила собственное начертаніе: изъ Европейскихъ ни въ одномъ, ибо *j* есть позднѣйшее видоизмѣненіе гласной *i*, а буква *g* употребляется на то, на примѣръ въ Чешскомъ, какъ всякій видитъ, не собственно. Такъ неуловима она въ своемъ самостоятельномъ звукѣ между небною гласною и небными согласными, что одни языковѣды невольно смѣшиваютъ ее съ первыми, другіе со вторыми. Индійскіе грамматики, въ распредѣленіи буквъ своего языка, дали ей названіе полугласной, и строго отличили ее отъ гласныхъ особымъ начертаніемъ. Тамъ является она и въ началѣ, и срединѣ, только не въ концѣ. Сюда не допущена она вмѣстѣ съ другою полугласною, *в* (см. Боппа Vergl. Gram. стр. 18 и 19).—Стоитъ замѣтить, что въ Зендскомъ алфавитѣ полугласная небная изображается удвоеніемъ буквы *i*.

Сомнительно, чтобы у Кирилла б. *и* въ концѣ рѣченій, когда ей предшествуетъ какая либо гласная, имѣла силу полугласной.—Впрочемъ, и нынѣшнюю б. *й* въ концѣ рѣченій сомнительно назвать полугласною, т. е. ее можно назвать, по такому же праву, элементомъ двугласной: не невозможно, въ фонетическомъ отношеніи, сличить наше *женой* съ Санскритскимъ *бад'ваі* (женѣ, дательный падежъ).

Вообще въ Славянскомъ языкѣ полугласная небнаго органа играетъ самую незначительную роль:

рѣдко выходитъ она наружу въ самостоятельномъ видѣ. Она только даетъ знать о себѣ въ умягченіи согласныхъ элементовъ, подобно какъ въ деванагари гортанное дыханіе, оказывая ощутительное дѣйствіе на всѣ другіе самостоятельныя согласныя, въ отдѣльности во все почти необразуетъ буквы.

Послѣ этого объясненія, предоставляемъ судить, хорошо ли поступаютъ съ своими языками наши западные соплеменники (кромѣ Поляковъ), пестря безъ нужды свое правописаніе то буквою *g*, то этой хвастатою буквою *j*, и имѣлъ ли Копитаръ основаніе сожалѣть, что самъ Кириллъ и мы, Славяне Кирилловскіе, не приняли этой буквы.

Тѣмъ не менѣе, однако, небный элементъ голоса можетъ имѣть характеръ согласной буквы въ извѣстныхъ случаяхъ, именно тамъ, гдѣ предшествуетъ гласной. Здѣсь іота, какъ показываетъ исторія языковъ, можетъ отвердѣвать совершенно, и, поступая въ разрядъ небныхъ согласныхъ, разрѣшаться, по ихъ обычаю, въ соотвѣтную зубную. Этимъ объясняется переходъ Санскритскаго *j* въ ζ, на прим. Санскр. *jудж,* (Лат. jungo, jugum) и Греческ. ζεύγ(νυμι). Тоже замѣчается въ Итальянскомъ, Французскомъ и Англійскомъ. Въ этихъ случаяхъ, Славяне Латинскіе могутъ безукоризненно употреблять сію любимую ими букву *j*, или, какъ у Чеховъ, *g*. Есть разница большая между словомъ *gar* или *jar* и *jmeno* или *gmeno*. Мудреца, который выдумалъ такой способъ писанія (jmeno, gmeno, т. е. ймено) боги

тартара присудили бы навѣрное къ вѣчной попыткѣ произнести это фантастическое слово. Разгадка въ томъ, что Чехи приведенное слово произносятъ просто *meno* (мено — вм. имено — имѧ), а ихъ правописателямъ захотѣлось удержать на письмѣ этимологическій значекъ (вѣроятно за тѣмъ, чтобы не забыть своего слова — какъ часто и мы опасаемся того же!). Не удивительно, что иноплеменники, смотря на Латино-славянскія книги, называютъ языкъ Славянскій дикимъ и варварскимъ.

Кириллъ устроилъ особыя начертанія, именно ꙗ, ѥ, ю, ѩ, ѭ, въ коихъ і служитъ не рѣдко лишь къ означенію умягченнаго состоянія согласной. О слабости іоты свидѣтельствуютъ многіе древніе кодексы, на пр. Святославовъ (а также Реймскій), гдѣ она обыкновенно замѣняется значкомъ-' надъ гласною (сл. также въ Остром *боура* вм. *буря* и пр.). Не пускаясь въ догадки о точной фонетической силѣ этихъ комбинацій въ устахъ самаго Кирилла, должны мы сказать слѣдующее объ нихъ, или объ ихъ замѣнахъ, въ настоящемъ Русскомъ выговорѣ.

Передъ гласною, въ началѣ рѣченій, и только въ началѣ, безспорно слышится у насъ тотъ элементъ, который обыкновенно называется полугласною іотой, и при томъ не такъ явственно, какъ въ другихъ языкахъ: наше *я* не совсѣмъ за одно звучитъ съ Нѣмецкимъ *ja*. Приражая начальныя гласныя въ нашихъ рѣченіяхъ, небный элементъ, не будучи, конечно, придыханіемъ, какъ бы играетъ роль придыханія, *spiritus lenis*. — То, что г. Павскій го-

ворить объ ѣ-ѣ, можетъ быть, по справедливости, отнесено только къ этой зачинающей рѣченіе іотѣ. Оттого она, въ исторіи Славянскихъ языковъ, то появляется, то исчезаетъ: въ одномъ кодексѣ или даже мѣстѣ *азъ*, въ другихъ или другомъ *язъ*, также *юноша* и *оуноша* и пр. Что же касается до буквы *я*, съ прочими, въ серединѣ рѣченія, то мы плохую оказали бы услугу иностранцу, когда бы наше слово *пріятель* написали ему Латинскими буквами *prijatel*. Если бы непремѣнно нужно было написать приведенное слово Латинскими буквами, то гораздо лучше написать просто *priatel*. Дѣйствительно, въ нашемъ произношеніи, б. *я* звучитъ здѣсь почти какъ *а*, слегка къ небному элементу склоненное. Еще менѣе слышна *j* въ буквѣ *я* (тоже слѣдуетъ разумѣть и о буквѣ *ю*) послѣ согласной; здѣсь слышенъ звукъ цѣльный, а не составной: это какъ бы небное *а* (сл. Англійское *а* на прим. въ рѣченіи hand). Вмѣсто чуждаго нашему выговору *тenja*, лучше напишите иностранцу *тепеа*, наказавъ ему произнести обѣ послѣднія буквы, какъ одну букву т. е. слегка коснувшись *е*, остановиться на *а*.

Судьба полугласной губнаго органа въ Русскомъ языкѣ (и вообще Славянскомъ) довольно разнообразна. Въ Бѣлорусскомъ (отчасти въ Малорусскомъ) и нѣкоторыхъ отрасляхъ Великорусскаго, именно въ Новгородскомъ, буква *в* помнитъ ясно свое гласное происхожденіе, и какъ Латинское *u* обоюдно: передъ гласными играетъ роль согласной и, звучитъ, какъ

собственное *в*; передъ согласными становится гласной *у*: *новый* и *Ноугородьскый*, *Ноугорочкый*. Подобныя формы попадаются часто въ грамотахъ и даже иногда въ Московскихъ. *Увѣренное царство* (*) вм. *вѣренное*. Въ общепринятомъ Русскомъ языкѣ этого нѣтъ, не смотря на частыя купы согласныхъ, гдѣ б. *в* очень бы упростила произношеніе, превратясь въ гласную. Можно прослѣдить въ Русскомъ языкѣ весь процессъ, какимъ отвердѣваетъ полугласная губная. Первую степень отвердѣнія слышимъ въ сочетаніяхъ *тв*, *дв* и пр., на примѣръ *твой*, *два*. Здѣсь б. *в* имѣетъ совершенно характеръ полугласной, стоя на точной серединѣ между гласными и согласными. Въ приведенныхъ примѣрахъ, *в* почти совпадаетъ съ Англійскимъ *w* (на прим. въ рѣченіи twine), гдѣ полугласная небная, по замѣчательному случаю, изображена точно такимъ же способомъ, какимъ и въ Зендѣ, т. е. черезъ удвоеніе.—Въ другихъ случаяхъ, наша буква колеблется между этимъ, близкимъ къ гласному элементу, звукомъ и звукомъ болѣе твердымъ, равнымъ Англійскому и Французскому *v*, Нѣмецкому *w*. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ, на концѣ рѣченія или передъ глухими согласными, оставленная помощію голоса, переходитъ она въ губное дыханіе (=*f*, Нѣмецк. *v*). — Наконецъ, дальнѣйшая степень отвердѣнія, когда превращаясь совершенно въ согласную, она этимологически переходитъ въ дру-

---

(*) Собраніе госуд. грам. и догов. Т. II. стр. 450.

гія согласныя своего органа: въ *б*, какъ въ суфиксѣ *ба*, на прим. *женитва женидьба, паства pastwisko пастбище* (*); въ *п*, ибо нѣкоторые изъ глаголовъ производныхъ, которые въ своемъ производственномъ составѣ оказываютъ б-у *п*, лучше всего могутъ выдавать ее за отвердѣвшую *в*, которая въ свою очередь возникла изъ коренной *у*, или поступила для раздѣленія гласныхъ элементовъ, на пр. *соути (совать) сыпать, чрѣти чрьпать.*

Примѣч. Въ древнемъ Славянскомъ языкѣ, *в* могла сочетаться только съ предыдущею согласною: *тв, дв, кв, хв, рв* и пр., а съ послѣдующею, кромѣ плавныхъ *р* и *л*, никогда не вступала въ непосредственное сочетаніе. Нынѣшнія группы *взв, взгл* и пр. были чужды древнему языку: предлогъ *воз* или *вѣз* никогда не терялъ своей гласной. Эти тяжелыя группы мы нынѣ произносимъ, какъ можемъ; но Малоруссъ, Бѣлоруссъ и Новгородецъ превращаютъ *в* въ *у* напр. *узглядъ узваръ* и проч. Сербъ тоже превращаетъ въ этихъ трудныхъ случаяхъ *в* въ *у*: *уздигнути, узраст, уздиса-*

(*) Кромѣ сихъ примѣровъ, можно думать, согласно съ г. Павскимъ, что суф. *ьба*, столь у насъ употребительный, возникъ изъ *ва*. Павскій полагаетъ, что, въ образовательномъ приростѣ *ба*, собственно образовательную силу имѣетъ лишь б. *і* или *а*. Слав. дружба сличаетъ онъ съ Греческимъ *φιλια* (*φιλιϜα*). Однако есть языкъ, въ которомъ нашъ суфиксъ *ьба* еще болѣе употребителенъ, нежели у насъ, именно въ Литовскомъ, въ видѣ *yba* (т. е. *iba*) (на пр. twertyba какъ бы твердьба, т. е. постоянство); въ Латышскомъ тоже (iba), гдѣ, какъ и нашъ старинный *ь*, предыдущее *i* есть краткость (draudsiba—дружба).

ти (*). Чехъ въ произношеніи опускаетъ *в* (это же замѣчается и у насъ въ народномъ произношеніи) и говоритъ: *zdor* (вм. wzdor), *zdáliti* (вм. wzdáliti) и проч., чѣмъ однако весьма недовольны его ученые.

Оба элемента, небный и губный, входя равно, какъ въ систему гласныхъ, такъ и систему согласныхъ, и находясь между собою въ рѣшительной противуположности, оказываютъ ощутительное дѣйствіе на цѣлый характеръ діалектовъ. Я отвелъ названіе гортанныхъ отъ буквъ, которыя названы у меня небными (тоже у Павскаго), ибо гортань способна только къ произнесенію дыханія чистаго или свободнаго. Но буквы небнаго порядка, не будучи собственно гортанными, могутъ, въ большей или меньшей степени, имѣть гортанный характеръ. Вообще, можно сказать, по крайней мѣрѣ въ кругу Славянскаго языка, что преобладаніе небнаго элемента въ нарѣчіяхъ, наводитъ на нихъ гортанный характеръ, и на оборотъ, преобладаніе противуположнаго элемента губнаго ослабляетъ и стѣсняетъ, въ цѣлой системѣ звуковъ, дѣйствіе гортаннаго дыханія. Въ такомъ сильномъ діалектическомъ соотношеніи, представляются намъ два вида Русскаго языка: Великорусское (не вовсемъ однако объемѣ) и Малорусское нарѣчіе. Въ Великорусскомъ преобладаетъ элементъ губной, въ Малорусскомъ небный; въ первомъ любимая

(*) Это было кажется и въ Москов. выговорѣ какъ о томъ свидѣтельствуетъ названія улицы Устрѣтники.

гласная *о*; во второмъ *и*; въ первомъ (т. е. за исключеніемъ Новогородскаго и Рязанскаго разнорѣчій, которыя сближаются съ Малорусскимъ, а Новогородское служитъ даже какъ бы переходомъ отъ Малорусскаго къ Великорусскому), почти вовсе нѣтъ *г̂* (h), второе доселѣ не рѣшается допустить губное дыханіе *ф*. Нарѣчія цѣлаго Славянскаго языка тоже, болѣе или менѣе, причастны этому діалектическому соотношенію. Въ Сербскомъ не только нѣтъ звука *г̂* (h), какъ и въ общепринятомъ Русскомъ, но и б. *х* слышится только въ нѣкоторыхъ областяхъ. Нынѣшній Чешскій во все не знаетъ гаммы, и вездѣ рѣшительно въ своихъ рѣченіяхъ оказываетъ *h* и проч.

Въ производныхъ буквахъ зубнаго порядка наиболѣе выразилась особенность системы Славянскихъ согласныхъ, изъ нихъ преимущественно проистекаютъ діалектическія разнорѣчія въ Славянскомъ языкѣ: потому-то на нихъ должны мы обратить особенное вниманіе.

Соотношеніе между небными буквами и разрѣшающими ихъ зубными, съ наибольшей чистотою и правильностію раскрывается въ древнѣйшемъ діалектѣ Славянскаго языка, Церковномъ. Съ теченіемъ времени, эта правильность, особенно въ Русскомъ языкѣ, утерялась. Хотя *х* и нынѣ переходитъ въ *ш* (однако уже не въ *с*), *к* въ *ч* (но рѣдко въ *ц*), *г* въ *ж* (однако не въ з); но какъ бы только по преданію. Нашъ языкъ, должно сознаться, утратилъ то тон-

кое Славянское чутье, которое не дозволяло небнымъ согласнымъ сочетаться съ гласною небною же, и не любило слоговъ: *ги, ки, хи; ге, ке хе.*

Букву *г* Русскій языкъ не разрѣшаетъ на *з*: только въ діалектахъ Малорусскомъ и Бѣлорусскомъ не совсѣмъ утратилось это эвфоническое соотвѣтствіе между *г* и *з*. Въ этомъ отношеніи, съ общепринятымъ Русскимъ языкомъ сталъ за одно Польскій (который, кромѣ *z*, иногда разрѣшаетъ *g* на *dz*, на пр. *studzy*); Сербскій и Чешскій стоятъ, напротивъ, за одно съ Малорусскимъ.

Въ экзотерическомъ отношеніи, т. е. въ сравненіи съ другими однородными языками, наша б. *з* соотвѣтствуетъ *ґ* (*h*) деванагари. Тоже замѣчается въ Литовскомъ и Зендѣ (см. Бюрнуфа Yaçna, Alphabet Zend стр. LXXXI).

Санскр. *ваґаті*
Латин. *vehit*
Зенд. *вазаіті*
} *везеть*

Санскр. *ґіма*
Латин. *hiems*
Греч. χειμών
Литов. *ziema*
Зенд. *зјао*
} *зима*

Санскр. *б'умі* (какъ бы *б-ґумі*—впрочемъ Боппъ въ Словарѣ приводитъ еще Ведическую форму *гам.*)
Латин. *humus*
Греч. χαμ(αι)
Литов. *zieme*
Зенд. *зём*
} *земь, земля.*

Санскр. *ағам*
Зенд. *азём* } *азъ.*
Латин. Греч. *ego*, εγω
Литов. *isz* Латыш. *es*

Санс. *ғарі*
Зенд. *заірі* } *зелі-е*, *зеле(нъ).*
Герм. *grün*, *green*

но

Санскр. *ғанса* (б. *н* или *м* здѣсь анусвара)
Греч. χήν, Герм. *gans*, Лат. *anser*
Литов. *zasis*
} *гжсь*, т. е. здѣсь б. *г*, сочетаясь съ гласной *а* или *о*, удержалась въ своемъ органѣ.

Здѣсь кстати и, кажется, можно сличить съ Санскритскимъ *джиғва*, Зенд. *ғізва*, наше рѣченіе *ѩзыкъ* insertâ nasali, какъ въ Латин. lingua). Отношеніе Санскритскаго *ғрїдаја* къ нашему *сердце* сюда не подходитъ. Санскритское *ғ* въ семъ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, произошло въ позднѣйшее время изъ *ç*, какъ слѣдовало бы заключить изъ Литовской формы *szirdis*, Греческой καρδία, Латин. *cord(is)*; ибо *ç* Санскр. въ Европейскихъ языкахъ является, большею частію, въ видѣ *к*, а у насъ то въ видѣ *к*, то въ видѣ *с* (въ Литовскомъ же обыкновенно въ видѣ sz). См. Боппа Vergl. Gram стр. 20. Бюрнуфа Yaçna стр. LXXXII.—Такъ *çван*, Зенд. *çпâ*, Литов. *szu*, Греч. κύων, Лат. *canis*, Рус. *соб-ака* (и *сука?*). — Cскр. *дрїç*, Греч. δέρκω, Слав. *зерк-зерцать*. — Cскр. *даça*, Зенд. тоже *даça*, Лит. *deszimts*, Гот. *taihun*, Греч. δέκα, Лат. *decem*, Слав. *десѧть*.—Cскр. *çваçура*, Греч. ἑκυρό-ς, Лат. *socer*, Гот. *svaihra*, Слав. *свекръ*.

Б. *с* съ сосѣднею *з*, если чередуется, то случайнымъ образомъ, въ слѣдствіе причинъ эвфоническихъ,

по удаленіи которыхъ б. *с* снова поступаетъ на свое мѣсто. Однако, въ нѣкоторыхъ частицахъ, б. *з* утвердилась правописаніемъ вм. *с*, и уже сія послѣдняя является, передъ нѣмыми согласными или наконецъ, ея евфоническою замѣною. Санскр. *nirас*-*черезъ*, и можетъ быть *нис*-*низъ* (Герм. *nieder*, Зенд. *нис*, *эвф. ніж*. См. Боппа Vergl. gram. стр. 56 о Зенд. письменахъ). Не положеніе ли сей буквы между гласными измѣнило ее въ *з*? измѣненіе, во многихъ языкахъ, весьма обыкновенное.

Санскритской буквѣ *дж* (читай какъ одну букву), въ Зендѣ, по указанію Боппа и Бюрнуфа, соотвѣтствуютъ *з* и *ж*. У насъ тоже. Санскритскій корень *джів* vivere—*живу*; *джіва* vivus—*живъ*; *джівіта*—vita — *животъ*. Санскр. кор. *джрі* (conterrere; confici, praesertim aetate. См. Глоссаръ Боппа) — *зрѣ-ть*, *зрѣю*, *жрьновъ*, по Гот. *quairnus*. Отношеніе Готскаго *quairnus* къ нашему *жерновъ* точно таковое же, какое видимъ между Готскимъ рѣченіемъ *quidus* и Санскритскимъ *джів*, *джівіта*.—Изъ этого ясно видно, какъ неправъ г. Павскій (стр. р. 11), отдѣливъ *животъ* въ смыслѣ *venter* отъ *живота* въ смыслѣ *жизнь*, и производя первое, какъ отъ особаго корня, отъ Готскаго *quidus*.—Санскр. кор. *джан* (γίγνομαι, γεννάω, generare), откуда *джана* homo и *джна* mulier: сему послѣднему въ Зендѣ отвѣчаетъ *жёна*, слово совершенно созвучное и тождезначащее нашему *жена* (по Готски *quinô*). Санскр. кор. *джнâ*—*знать* и проч.

Въ Цельтическихъ языкахъ Санскритское *дж* является, напротивъ, какъ *д*, которое, въ нѣкоторыхъ діалектахъ (именно въ Шотландіи) fere ut *ǵ* (дж) sonat, какъ замѣчаетъ Боппъ въ Словарѣ. Это напоминаетъ намъ о Русской б. *ж* другаго рода, происшедшей изъ *д*. Б. *д*, какъ замѣчено выше, встрѣчаясь съ іотой, умягчается въ діалектахъ Славянскихъ, и въ каждомъ діалектѣ съ нѣкоторой особенностію. По всему вѣроятію, Русская б. *ж* изъ *д*, въ древнее время, звучала нѣсколько отлично отъ обыкновеннаго *ж*, можетъ быть нѣсколько острѣе и съ легкой помощію *д*, какъ и теперь слышимъ въ Московскомъ выговорѣ, въ словахъ *пріѣж-ᵈжять* вм. *пріѣзжать*, *дож-ᵈжя* вм. *дождя* (у Павскаго поставленъ областной выговоръ *дошъ*) и пр. Интересно, что въ старинныхъ грамотахъ именно встрѣчается такая форма: *пріѣзджать* и даже *разъѣзжджикъ* и пр. См. на пр. Юрид. акты N 16.

Совершенно параллельно съ буквою *д*, какъ замѣчено выше, умягчается въ Славянскихъ нарѣчіяхъ сосѣдняя ей *т*. Кириллъ поставилъ *шт* соотвѣтственно съ *жд*. Это *шт* и понынѣ слышимъ въ Болгарскомъ выговорѣ. Оно же, можетъ быть, первоначально слышалось, какъ замѣчаетъ Копитаръ (Glogolita Clozianus), въ названіи города *Песта* (слѣд. Pest вм. пешть, пещь по Нѣмецки Offen).

Однако между обоими сочетаніями произошло такое различіе: *жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчіи, но и перешло отчасти въ обще-

принятое Русское; а *шт* въ древнѣйшихъ кодексахъ является уже въ видѣ компендія *щ*. Сербскій, какъ знаемъ, вм. *щ* оказываетъ ђ (умягченное *т*, среднее между собственнымъ звукомъ *т* и *ч*); въ Русскихъ же нарѣчіяхъ, большею частію, какъ *ж* вм. *жд*, такъ *ч* вм. *т*, т. е. только первый членъ комбинаціи.—Звукъ *щ* однако не чуждъ Русскимъ нарѣчіямъ, а общепринятое Русское нарѣчіе допустило этотъ звукъ въ большей части случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное. Нельзя ли думать, что и *ч*, изъ умягченія *т* произшедшее, такъ разнилось отъ простаго *ч*, какъ *ж* изъ *д*, отъ простаго *ж*?

Примѣч. Многіе изъ людей образованныхъ разлагаютъ въ произношеніи б. *щ* на *шч*. Въ чистомъ народномъ Русскомъ произношеніи, *щ* слышится, какъ цѣльный, пріятный звукъ, ни мало не похожій на грубое сочетаніе *шч*: это какъ бы заостренное и нѣсколько усиленное, звонкое *ш*. Еще противнѣе Русскому языку разложеніе б. *ч* на *тш*: ни происхожденіе этого звука у насъ, ни произношеніе неоправдываетъ такого толкованія. Какъ еще мало приведено въ порядокъ ученіе о выговорѣ Русскихъ буквъ, видно изъ того, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ филологовъ, Павскій, утверждаетъ, будто въ нынѣшнемъ общепринятомъ Русскомъ выговорѣ б. *ч* складывается съ *ы*, и чинъ произносится какъ *чынъ*. Въ чистомъ Московскомъ выговорѣ слово *чынъ* не слыхано. Не только *чынъ*, мы даже не произносимъ словъ *чадо*, *чудо* и пр., какъ они написаны, а произносимъ почти такъ, какъ они писались часто въ старинныхъ грамотахъ: *чядо*, *чюдо*. Буква *ч* изо всѣхъ производныхъ согласныхъ зубнаго органа наиболѣе удержала свой природный мягкій

характеръ. Воспользуемся здѣсь случаемъ, сдѣлать нѣсколько сличеній. Санскритскому корню *чар* (manducare) соотвѣчаетъ, можетъ быть, наше *чрево* (Церк.-слав. чрѣво). Санскритскому корню *чіт* (noscere, animadvertere, cogitare)—*чѣтаті*, *чѣтаjaті*—прямо соотвѣчаетъ нашъ глаголъ *чьтить*, *читать*. Боппъ, въ Словарѣ, сближаетъ съ происходящимъ отъ Санскритскаго корня *чіт*, прилагательнымъ *чітра* (habilis, dexter, callidus), наше *хитрый* (*хытрый*). Если допустить это сближеніе, то придется предположить, что буква *ч* воротилась въ небный органъ, сначала въ видѣ *к* (сл. Литовскую форму kytrus), а потомъ ослабѣла въ *х*. На переходѣ *ч* въ *к* основано сродство нашего глагола *копить* съ винословною формою *чінаjaті*, отъ корня *чі* (colligere, cumulare et cet). Можно, далѣе, сличить Санскритскій корень *чар* и *чал* (ire, se movere, vacillare), *чалана* (motio; по Вильсону, слово это значитъ еще нога, footh), съ нашимъ *членъ*. Можетъ быть также нашъ глаголъ *кач-ать* находится въ соотношеніи съ Санскритскимъ корнемъ *чанч* и *чанчал* vacillare, tremere (mutatâ *ч* in *k*, ejectâ nasali). Сл. также Санскритское *kêça* (волосы) и наше *коса*, а также и глаголъ *чесать* и пр.

Буква *ш*, какъ замѣчено было выше въ общемъ обзорѣ, происходитъ у насъ этимологически изъ *с*. Переходомъ отъ чистаго звука *с* къ шипячей *ш* казалось намъ Польское мягкое ś. Прибавимъ къ тому, что въ Бѣлорусскомъ выговорѣ, б. *с* произносится какъ бы среднимъ звукомъ, между собственно элементомъ *с* и *ш*. — Этимологическіе случаи, въ которыхъ *с*, путемъ смягченія, переходитъ въ *ш*, очень хорошо извѣстны: *носить*, *ношу* изъ *носѧ* и проч. Такимъ путемъ, по всему вѣроятію,

изъ родительнаго *насъ*, *васъ* образовались притяжательныя *нашь*, *вашь* (нашъ, вашъ) (*).

Производныя буквы въ зубномъ порядкѣ отличаются, передъ всѣми прочими согласными, бо́льшею движимостію. Каждое нарѣчіе по своему умягчаетъ умягчимыя согласныя. Но изо всѣхъ зубныхъ, наиболѣе діалектическій характеръ представляютъ *ц* и *ч*. Одно нарѣчіе ставитъ *ц*, другое *ч*, и на оборотъ. Особенно въ Новгородской письменности чередованіе между сими обѣими буквами весьма обыкновенно. Даже писецъ Остромира поставилъ, въ своей припискѣ, *конечь* вм. *конець*. Такъ какъ эти буквы не существенны, производны, и употребленіе ихъ въ классической рѣчи часто утверждается не столько этимологіею, сколько авторитетомъ древнѣйшихъ памятниковъ, то движимость сихъ буквъ — дѣло весьма не важное.

Ибо важнѣйшимъ фактомъ, который открывается въ системѣ согласныхъ Славянскаго языка, долж-

---

(*) Можно, между прочимъ, догадываться, что и прилагательное *хорошій* находится въ связи съ собственнымъ именемъ божества миѳологическаго, *Хорсъ*. Въ старинныхъ памятникахъ слово *хорошій*, какъ извѣстно, неупотребляется: тому причиной было бы его языческое происхожденіе. Въ отрывкахъ, приводимыхъ Востоковымъ (Рум. Муз. стр. 338) изъ Лондонскаго лѣтописца, не разъ уже встрѣчается это слово. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на Санскритское рѣченіе *сура-с*

но почитать то, что онъ гораздо меньшую надъ собою далъ волю тому перебивающему и розпящему началу, которое съ такою силою господствуетъ, напримѣръ, въ языкахъ Германскаго корня.—Согласныя измѣняются двояко: или переходятъ онѣ изъ одного органа въ другой, или переходятъ со ступени на ступень того же самаго органа. Тамъ, гдѣ переходы изъ одного органа въ другой не просто случайны, служатъ они только свидѣтельствомъ о сильнѣйшемъ или слабѣйшемъ участіи того или другаго органа въ фонетикѣ языка; также не вижу я особенной важности въ замѣнѣ придыхательной буквы чистою, и на оборотъ. Въ этомъ обнаружится только—выражусь такъ—воля языка, принять въ свою экономію данное придыханіе или не принимать его вовсе.

Но если языкъ, не по причинамъ эвфоническимъ, въ случайныхъ сочетаніяхъ звуковъ, а въ напряженности діалектической, будетъ гонять основные элементы свои со ступени на ступень одного и того же органа, то наблюдатель невольно придетъ въ изумленіе. Всякому извѣстно то странное свойство Германскаго органа, свойство, которое вошло въ пословицу, отбивать, какъ бы выразился можетъ быть по Русски Гриммъ, согласную. Во многихъ мѣстахъ Германіи это доходитъ до крайности. Ваше *б* возвратится вамъ на вѣрное, какъ *п*; не потому, чтобы

по Вильсону sweet, excellent), гдѣ, однако, завершительная б. с. принадлежитъ именительному падежу.

этой буквы въ Нѣмецкомъ языкѣ не было, какъ наприм. въ Зендскомъ нѣтъ буквы *л*, а въ Китайскомъ нѣтъ буквы *р*: вмѣсто вашего *п*, возвращена вамъ будетъ, также вѣрно, б. *б*. И такъ поступаетъ человѣкъ Нѣмецкій не съ одними иноземными словами, но равно и съ собственными. Онъ скажетъ и даже (если не ученъ) напишетъ: *Prunnen*, *paten* вм. *Brunnen*, *baden;* и на оборотъ, *Pann* вм. *Bann*, *Baar* вм. *Paar* и пр. Это явленіе такъ бы и осталось въ разрядѣ странностей, которыхъ не мало на свѣтѣ и о которыхъ не стоило бы распространяться; если бы въ самой исторіи Германскихъ языковъ не обнаружилось оно размѣрами столь великими, что послужило основою для сравнительной этимологіи этихъ языковъ. Готскій языкъ скажетъ *brikan*, древній Верхненѣмецкій [или Франскій, Франконскій, какъ хочетъ называть его А. В. Шлегель (*)] тоже слово скажетъ *prechan*; Гот. *brûkôn*, др. Верхненѣм. *prûchôn*; Гот. *blasan*, др. Верхненѣм. *plasan*; древній Скандинавскій *brâ*, др. Верхненѣм. *prawa*; Гот. *ulbandus*, др. Верхненѣм. *olpentus*; Гот. *gistra*—д. Вн. *këstar*; Гот. *aigan*, д. Вн. *eikan* и пр.

Это начало перебоя согласныхъ совершается въ такой массѣ и такъ ощутительно въ цѣлой системѣ Германскихъ языковъ, что Як. Гриммъ видитъ въ указанномъ измѣненіи (Готскаго въ отношеніи

(*) См. письмо его къ Бюрнуфу, напечатанное въ коментаріяхъ sur le Yaçna.

къ Санскриту, Греческому, Латинскому, Славянскому, Литовскому; а Верхненѣмецкаго, къ Готскому и проч.), *великія событія* въ исторіи этихъ языковъ, происшедшія *по внутренней необходимости* (Т. I стр. 591). Въ этомъ перебоѣ видитъ онъ пробный камень при этимологическомъ сличеніи, и связь словъ, гдѣ перебоя незамѣтно, объявляетъ подозрительной (стр. 588 et seqq).

Согласныя Славянскаго языка чисты, тверды и постоянны. Ни на одной основной согласной не происходитъ разнорѣчія. Буква переходитъ со ступени на ступень, ради эвфоническихъ или этимологическихъ причинъ. Если одинъ діалектъ оказываетъ иногда звонкую, вмѣсто нѣмой, и на оборотъ, то во все не изъ напряженнаго отношенія къ другимъ,— а случайно. Наиболѣе, какъ и естественно, склонны забываться согласныя въ словахъ односложныхъ, энклитическихъ частичкахъ: такъ напр. *кто* по Чеш. *кдо*; *отъ*, въ другихъ нарѣчіяхъ *од*; суф. *та* иногдаявляется въ видѣ *да*; *да* и *та* въ Малорусскомъ и пр. Какъ въ домашнихъ отношеніяхъ нарѣчій, такъ и въ заграничныхъ отношеніяхъ къ другимъ однороднымъ языкамъ, согласныя Славянскаго языка отличаются той же твердостью и постоянствомъ. Этотъ фактъ давно признанъ (см. Гримма Т. I стр 591.). Изо многихъ выше приведенныхъ сличеній, имѣли уже мы случай видѣть это. Приведемъ, однако, нѣсколько новыхъ сличеній съ Санскритомъ, именно для показанія твердости нашихъ согласныхъ:

тѧ-гать, *тянуть*	Санскр. кор.	*тан* (танôті), τάνυμαι, τείνω *tendo.*
том(ить)	——— —	*там*
тонокъ, *тънъкъ*	Санскр. рѣч.	*тану* (tenu-is, Старонѣм. dunni)
три	——— —	*трі* (tres)
тъ (тотъ)	——— —	*та-с*
тогда	——— —	*тадâ*
дочь, *дочерь*, *дъщерь*	——— —	*дуѓітрі*
Деверь	——— —	*дâвара*
День, *дьнь*	——— —	*діна*
гадать, *gadać*	Санскр. кор.	*гад* (dicere, loqui)
гораздъ	Санскр. рѣч.	*гуру* (gravis, eximius), *гаріјас* - melior. Литов. *gieras*, *gierasis*-добрый, хорошій.
грива (шея)	——— —	*грîва* (collum, cervix)
громада (собраніе, сельскій миръ)	——— —	*грама* (rus, turba) и *граматâ* (по Вильсону,(собраніе деревень multitude of villages).
ко-й (къ-и)	Санскр. рѣч.	*ка-с*
око	——— —	*ак-ші* (ὄκο-ς oculus).
пек-(у), *печь* (вм. пекти)	Санскр. кор.	*пач* (пак, Греч. πεπ и πεχ).

прос(ить)-*прош*(у)	Санскр. кор.	*прач'* - interrogare (abjectâ *ч* et mutatâ aspiratione gutturali in *c*). Зенд. *перешаіті* - проситъ.
топ(ить), *теп*(лый)	——— —	*тап* (Лат. tepeo ταφ, ταπτω)
пять (пѧ-ть)	Санскр. рѣч.	*панчан*
проти-въ Серб. *проти*	——— —	*праті* (προς).
бал—овать	Санскр. кор.	*бал—балаjaті*(sustentare,nutrire),*бала* (puer, parvulus).
блес-къ, *брезжить*	——— —	*б'радж*,--Зенд. *берез*,—Литов. *blizgu* и *bleszkiu*—*блещу*.

Даже и въ тѣхъ рѣченіяхъ, гдѣ Санскритъ сочетаетъ согласную съ придыханіемъ, сохраняется она у насъ въ чистотѣ своей, по освобожденіи отъ гортаннаго элемента, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ. Вотъ еще нѣсколько сличеній:

оба	Санскр. рѣч.	*уб'а*
бер(у)	——— кор.	*б'рі*
горѣть, *грѣть*, *жаръ*	——— —	*г'рі* откуда *г'арма* (θέρω θέρμη ferveo)

Санскр. кор *д̕рі*—(д̕ар) тѣмъ замѣчателенъ, что придыханіе не изчезло, но перестановлено и разрѣшено на *ж: держ-ать* (сл. Польск. trzymać).—Наше рѣч. *богъ* можетъ быть сличено съ Санскритскимъ *б̕ага*, какъ съ нарицательнымъ именемъ, значащимъ *блаженство*, *божественную силу* (откуда *б̕агават*= одаренный такой силою), съ чѣмъ Лассенъ (*) сравниваетъ, прочтенное имъ, Древнеперсидское рѣченіе, *бага* (тоже какъ и у насъ безъ придыханія). „*Бага вазарка*" стоитъ на Персепольскомъ мраморѣ, и значитъ, по объясненію Лассена, deus magnus).—

* * *

Есть въ языкѣ какая-то сила, враждебная единству. Не назначенъ ли онъ, по своей сущности, быть сообщителемъ людей, и не выходитъ ли онъ на дѣйствіи своемъ, въ такой же мѣрѣ, ихъ разобщителемъ?

При первомъ началѣ своего обособленія, племя и языкъ заращдаютъ въ себѣ сѣмена дальнѣйшихъ обособленій. Исторія рѣшаетъ вопросъ что сильнѣе, то ли первое и основное обособленіе племени, или тѣ сѣмена дальнѣйшихъ обособленій?

Іак. Гриммъ, руководясь аналогіею своихъ языковъ, думаетъ (въ предисловіи къ переведенной имъ

(*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 1844—6 го тома 1-я тетрадь стр. 17.

Сербской грамматикѣ Вука), что особенности Славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшую пору еще сильнѣе обозначались, чѣмъ нынѣ.—Конечно, въ ту давнюю пору, когда языкъ племени былъ цѣльнѣе, особенности, возникавшія въ немъ не розно шли въ своемъ развитіи, не устрояли, каждая, на отдѣльномъ средоточіи самостоятельнаго быта, не раздѣлялись взаимнымъ равнодушіемъ; но какъ бы смотрѣли другъ на друга, оказывая, каждая, именно то, что упущено было другими. Бывъ выраженіемъ многоразличныхъ особенностей однаго общаго типа, нарѣчія разнились въ томъ же самомъ, въ чемъ роднились, подобно членамъ сильной семьи, различно проявляющимъ одинъ и тотъ же семейный характеръ.—Такъ судя, можемъ согласиться съ Гриммомъ, что нарѣчія нашего языка, на первой порѣ своего обособленія, были ощутительнѣе. Не рѣшая, какъ далеко можетъ простираться здѣсь аналогія Германскихъ языковъ, мы ясно однако видимъ, что чѣмъ далѣе во глубь древности, тѣмъ живѣе ощущается родство Славянскихъ нарѣчій, тѣмъ ближе сходятся они во взаимномъ разумѣніи, и тѣмъ сильнѣе въ особенныхъ формахъ выходитъ общее Славянское начало. — Памятники древней Чешской поэзіи почти столько же близки Русскому, сколько Чеху, и наоборотъ, въ нашей Пѣсни объ Игорѣ, мирно сходится Полякъ съ Русскимъ почти на одинаковомъ чувствѣ роднаго.

Добровскій первый узаконилъ раздѣленіе всей системы Славянскихъ нарѣчій на двѣ вѣтви: югово-

сточную и сѣверозападную. Это раздѣленіе глубже въ своемъ основаніи, нежели въ тѣхъ признакахъ, какими хотятъ его опредѣлить и узаконить. Чѣмъ болѣе будешь вникать въ составъ Славянскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе будешь убѣждаться, что эти двѣ вѣтви представляютъ собою раздѣленіе древнѣйшее изо всѣхъ, происшедшихъ въ нѣдрахъ Славянскаго племени. Раздѣленіе наиболѣе ощутимо въ физіономіи и строеніи рѣченій Въ этихъ двухъ половинахъ Славянскаго племени духъ языка впервые началъ различно пользоваться своимъ богатствомъ Это вопросъ еще почти нетронутый, ожидающій труда обширнаго и прозорливаго.

Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробности о разнорѣчіяхъ Славянскихъ языковъ. Впрочемъ, изъ предыдущихъ разысканій довольно уже ясно, въ чемъ состоятъ главнѣйшія различія въ ихъ звуковой экономіи. Какъ ни кажутся, съ начала, бб. *ъ* и *ь* ничтожными, однако съ вопросомъ объ нихъ связаны самые главные вопросы въ фонетикѣ нашего языка. Ослабленіе (или даже конечная пропажа) и видоизмѣненіе этихъ элементовъ, соединенныя съ ослабленіемъ и видоизмѣненіемъ цѣлаго вокализма, различно обособляютъ Славянскія нарѣчія. Первый вопросъ, при изученіи фонетики какого-либо Славянскаго нарѣчія, долженъ состоять въ томъ, какую тамъ судьбу имѣли оба элемента (*). Мы уже ви-

(*) Это превосходно было угадано знаменитымъ этнографомъ нашимъ, Шафарикомъ.

дѣли это отчасти, сколько позволялъ предѣлъ нашего труда. Древнее слово *пълнъ* Русскій скажетъ *полон*, Полякъ—*pełn*, Чехъ (не скажетъ впрочемъ, а напишетъ) *pln* (plný), Сербъ—*пун* и т. д. *Солнце* (въ произношеніи, и особенно народномъ, *сонце*) *Slunce*, *сунце* и пр. Съ ослабленіемъ вокализма, возникаютъ въ различныхъ нарѣчіяхъ различныя средства, для избѣжанія трудныхъ группъ.—Второй вопросъ: какъ замѣнился рипезмъ, обѣ Славянскія анусвары, ѫ и ѧ, которыя уцѣлѣли въ одномъ Польскомъ; далѣе, какъ произносятся двугласныя: слитно или разрѣшенно; что стало съ количествомъ слоговъ и удареніемъ; какъ умягчаются согласныя. Наконецъ, вотъ еще весьма важный пунктъ, лишь недавно съ настоящей точки зрѣнія указанный въ небольшой полемической статьѣ, помѣщенной въ Москвитянинѣ (1843 № 5 „Г-ну Возводителю къ Обще-славянскому коренному звуку“): сѣверозападныя нарѣчія усиляютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконечныя гласныя, напр. *богъ*, Чеш. *bůh* (чит. бӧг), по род. *boha*; Польское *bóg* (чит. буг) род. *boga*; тоже самое оказывается и въ Русскомъ языкѣ, именно въ Малорусской его половинѣ: *бигъ-бога*. Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ корняхъ плавныхъ гласную службу отправляетъ б. *а*, такое разнорѣчіе возникаетъ въ языкѣ Славянскомъ: одни діалекты (Сербскій, Чешскій) удерживаютъ *а*, другіе (Польскій, Лужицкій) измѣняютъ его на *о* и *ó*, Русскій, наконецъ, вмѣсто одного *а*, ставитъ два *о*, съ обѣихъ сторонъ плавной буквы. Если въ кор-

нѣ, основанномъ на б. *р*, въ Церковномъ нарѣчіи стоитъ *ѣ* (*), то въ Русскомъ появляются нерѣдко два *е*, по обѣ стороны плавной: *дрѣво* (Чеш. *dřevo*, Сербо-герцог. *дријево* и проч.), *дерево* (но и *дрова* по Чеш. *dřjwj*), Что же касается до плавной *л*, то нерѣдко Церковно-славянскому *ѣ* соотвѣчаетъ въ собственно Русскомъ двойное *о*, (*ѣ* сокращ. въ *ь*; *ь* діалект. переходитъ въ *ъ*, какъ *е* въ *о*); на пр. *тлѣщи* (тлькѫ, тлъкѫ), *толочь*, *влѣщи* (влькѫ, влъкѫ), *волочь*, *млѣко* (млько, млъко) *молоко* и пр.

Появленіе б. *о*, вмѣсто *а*, не представляетъ ничего въ языкѣ Славянскомъ новаго: нарѣчія тутъ разрознились только на томъ, что одни увлеклись болѣе, другія менѣе, началомъ, для нихъ равно общимъ. Введеніе же двойной гласной, для опоры буквы плавной, иначе полногласіе корней, среди нарѣчій Славянскихъ, по крайней мѣрѣ настоящихъ, является исключительною принадлежностію Русскаго. Многіе хотятъ видѣть въ этомъ, какъ бы частное отступленіе его генія отъ типа Всеславянскаго, и объявляютъ, что свойство такаго полногласія привилось къ нашему языку отъ племени совсѣмъ чуждаго, будто Чудскаго. Самъ патріархъ Славянскихъ филологовъ, Добровскій, былъ не прочь отъ этого мнѣнія; и, можетъ быть, даже первый къ нему по-

(*) Слѣдуетъ замѣтить, что церковное нарѣчіе особенно любитъ слагать плавныя съ б. *ѣ*, вопреки Русскому, которое того не любитъ, но за то какъ бы раздвояетъ сію долгую гласную.

далъ поводъ, слѣдующими словами: Die unslawische Gewohnheit der Russen, die gar nicht harten Verbindungen z. B. *pr* in *pre*, durch Einschiebung eines Vocals zu mildern (pere), weiset auf Vermischung der Russen mit Völkern finnischer Abkunft hin (*).

Мнѣніе, можетъ быть, блестящее, но едва ли вѣрное въ своемъ основаніи. Ибо, приводитъ ли иногда судьба одному племени дѣйствовать на языкъ другаго, совершенно съ нимъ не сроднаго, то дѣйствіе пойдетъ конечно и глубже, и шире. Такова была судьба Зенда, столь много потерпѣвшаго, со стороны Симетическихъ языковъ, въ Новоперсидскомъ своемъ потомкѣ. Подобная судьба постигла, какъ языкъ Мадьяровъ, такъ и Валаховъ, особенно въ лексическомъ отношеніи, со стороны языка нашего племени. А особенное распоряженіе нарѣчія въ устройствѣ какой-либо одной этимологической породы (ибо описанное явленіе въ Русскомъ, замѣчается только на корняхъ плавныхъ), лучше пусть неходитъ за чужой порогъ, искать себѣ объясненія.

Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы, изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою, и принимается за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную корен-

---

(*) Entwurf и пр. стр. 74. Жаль, что примѣръ былъ выбранъ неудачно, ибо *пере*, прямѣе соотвѣтствуетъ Санскритскому *пара*, нежели *пре*.

ную форму Русскую. — Употребленіе этихъ формъ, и взаимное ихъ отношеніе, весьма удачно и отчетливо описалъ г. Максимовичь въ своей Исторіи Русской Словесности. Не буду повторять его словъ, но замѣчу слѣдующее: мнѣ кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ, и равно ему принадлежатъ.

Есть рѣченія, которыя вовсе не имѣютъ другой формы, кромѣ *а*, на прим. *право*, *трава*, *страхъ*, *слава*, *грабить-грабли*, *край*, *прать-прачча*, *драть*, и вообще большая часть глаголовъ на *а-ть*. Есть также рѣченія, которыя хотя имѣютъ и обѣ формы, но столь далеко разведенныя значеніемъ, что переходъ отъ одной къ другой весьма труденъ, и болѣе подобенъ этимологическому измѣненію, нежели діалектическому разнорѣчію, на пр. *класть*, *кладъ* и *колода*. Наконецъ, замѣчаемъ слова, которыя какъ бы соединяютъ въ себѣ обѣ формы, удерживая *а*, но предпосылая плавной другую гласную, наприм. *муравей*.

Объяснюсь теперь рѣшительнѣе: форма съ двумя *о* происхожденія безспорно позднѣйшаго, но есть, по сущности своей, тоже самое, что и форма *о* или *ó* вм. *а* (głód—гладъ, gród—градъ), особенно сильная въ Польскомъ. Что же касается до другаго *о*, предыдущаго или послѣдующаго (*), смотря по стро-

(*) Послѣ, а не прежде группы появляется эвфоническое о въ тѣхъ только случаяхъ, когда слогъ основанъ на глас-

енію корня, то его вызвало въ Русскомъ языкѣ болѣе вѣрное, нежели въ другихъ нарѣчіяхъ, чутье согласныхъ плавныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ начало, древле столь могучее, не допускать, по мѣрѣ возможности, ни стеченія гласныхъ, ни скопленія согласныхъ, тоже самое начало, которое наказывало въ старину говорить и писать: *щьлить*, *обинить* и проч.

И если бы между діалектами возникъ споръ о древности такого устроенія слоговъ, то древнѣйшіе памятники Славянской письменности рѣшатъ дѣло въ пользу Русскаго (*). Вообще, какъ замѣчено было выше, чѣмъ древнѣе памятники, тѣмъ яснѣе видно въ нихъ коренное свойство языка Славянскаго, состоящее въ соразмѣрномъ устроеніи слоговъ.

Вотъ, извлеченныя изъ нихъ, общія и главныя правила Древне-славянскаго благозвучія, относительно устройства слоговъ:

Согласныя не охотно скопляются подъ одну гласную; трудны сочетанія двухъ согласныхъ, еще труднѣе и рѣже трехъ согласныхъ. Двѣ гласныя не должны встрѣчаться: для избѣжанія зіянія, встав-

---

ной *ъ* или *ь*, которыя въ Русскомъ, большею частію, находятъ себѣ мѣсто передъ плавною.

(*) Въ Остромировомъ Евангеліи замѣтили уже мы, что въ корняхъ плавныхъ нерѣдко удвояются бб. *ъ* и *ь*. Разительно соотвѣтствіе между встрѣчаемою тамъ формою *мълънинѣ* и нынѣшнимъ народнымъ Русскимъ произношеніемъ того же слова: *молонья*.

ляются полугласныя, или даже одна гласная уподобляется другой. Согласныя не должны удвояться. Согласныя однаго органа должны избѣгать сочетанія другъ съ другомъ; отсюда: *обязывать, ободити, оманъ, омпнъ, бе-спмене* и пр.

Первому правилу нанесенъ ударъ общимъ ослабленіемъ вокализма, а съ тѣмъ утратою во многихъ мѣстахъ бб. *ъ* и *ь*. Отсюда возникли въ Церковно-славянскихъ книгахъ самыя тяжелыя сочетанія согласныхъ. Въ живой языкъ вошли формы, производимыя изъ Церковно-славянскаго, но столь же мало ему принадлежащія, какъ и Русскому. Завелся у насъ обычай писать единственно для глаза, для безмолвнаго чтенія.

Мы хвалимся передъ нашими предками большимъ изяществомъ быта, однако языкъ, прямое и первое выраженіе человѣческаго быта, не обличаетъ въ насъ излишней любви къ изяществу. Мы далеко не столь разборчивы въ устроеніи слоговъ, какъ наши предки. Конечно, нашъ языкъ измѣнилъ во многомъ свой обычай, — и то, чего старались избѣгать они, какъ напримѣръ удвоеніе согласныхъ, намъ уже не кажется противнымъ; но отказавшись отъ древней нашей эвфоніи, мы, слѣдящіе болѣе за буквою, чѣмъ за звукомъ, доселѣ не основали, какъ основалъ нашъ соплеменникъ Сербъ, новой системы благозвучія въ отвѣтъ на новыя требованія языка. Если ослабленіе тона и сокращеніе гласныхъ не

только дало право позднѣйшимъ Русскимъ, но и обязало ихъ удвоять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, согласныя; то не станемъ же мы, конечно, оборонять формы, подобныя наприм. слѣдующимъ : *чуфстф* (какъ велятъ произносить написанное *чувствъ*)—группа изъ четырехъ согласныхъ, и притомъ на концѣ слова, вмѣсто древняго *чувьствъ* или, что и дѣйствительно попадается въ памятникахъ, *чувествъ*.

Ибо полнымъ суфиксомъ этого рѣченія должно быть поставлено *ество* или *ьство*, а не просто *ство*. Въ Польскомъ языкѣ, гдѣ тоже какъ и у насъ, въ большей части случаевъ заглохла начальная согласная, часто жертвуется благозвучію заключительная согласная образуемаго рѣченія; такъ вм. *ptaszstwo, królewstwo, mnóžstwo* и пр. говорится и пишется *ptastwo, królestwo, mnóstwo*. У Сербовъ отнюдь не можетъ родиться чудовище, подобное нашему *чувств* или *королевств*: родительный множ. кончится у нихъ на гласную (а). Но и кромѣ того, у Сербовъ Ресавскихъ выбрасывается во все б. *в* (*друштo* вм. *друштво*, *човесто* вм. *човество*, т. е. *человѣчество* и пр.) Одинъ неумѣстный педантизмъ можетъ преслѣдовать подобныя уступки благозвучію. Языкъ живетъ, движеніемъ жизни истребляется въ немъ многое; но и малѣйшая утрата не должна оставаться въ немъ, въ органическомъ цѣломъ, безъ послѣдствій. Лукавая книга часто задерживаетъ естественный ходъ органическаго самоизмѣненія языка: она, если обратимся къ случаю, вызвавшему это замѣчаніе, не чуя ни мало утраты элементовъ гласныхъ, болѣе тонкихъ,

какъ бы болѣе духовныхъ, крѣпко держится тяжелой вещественности согласныхъ. (*) Равной участи съ образователемъ *ьство* подвергся образователь прилагательныхъ *ьскъ* (*еск* или *iск*, какъ и въ другихъ близкихъ языкахъ). Въ словѣ *божескiй*, равно какъ въ словѣ *божество*, мы слышимъ наши суфиксы въ ихъ полнотѣ; но на пр. въ словѣ *Новоторжскiй* гласная *е* или *ь*, смягчивъ согласную *г*, изчезла. Эта утрата органически повлекла за собою другую: народъ, позабывъ гласную, не считаетъ за нужное щадить согласную, и говоритъ, на зло книгѣ, *Новоторскiй* и пр.

Доселѣ объ элементахъ, въ ихъ спокойномъ состоянiи; перейдемъ теперь къ ихъ движенiю въ этимологiи Русскаго языка, и съ начала къ образованiю падежей.

(*) А между тѣмъ гласная *ъ* въ приведенномъ примѣрѣ *чувство* такъ была нужна, что для ея поддержки вставлена и б. *в*; ибо собственное форма корня есть *чу* (чу-ть, чу-я-ть). Какъ форма, такъ и значенiе этого суфикса наводитъ на сущный корень *ас* или по нашему *ес*. Нельзя-ли наше *ество* разлагать на *ес-тво*, и думать, что въ словѣ *естество* сущный корень стоитъ дважды? *Тво* равняется Санскритскому среднеродному суфиксу *твам*.

II.

О ФОРМАХЪ.

1. О происхожденіи падежей.

Всѣ главныя положенія объ элементахъ, преимущественно гласныхъ, должны окончательно уясниться въ грамматическомъ движеніи языка, и наоборотъ, должны взаимной услугой уяснить изгибы этого движенія. Приступая къ разбору флексій нашего языка, какъ именныхъ, такъ и глагольныхъ, выставимъ на видъ важнѣйшій фактъ его древней исторіи, гоненіе противъ согласныхъ, заключающихъ нарѣченія. Гоненіе это было такъ сильно, что съ него-то, можетъ быть, и началось обособленіе языка Славянскаго, наиболѣе ощутительное въ склоненіи именъ. Подумаешь, что среди этого переворота, погибало самое различіе формъ. Однако языкъ не остался безъ склоненія; его геній легко успѣлъ возстановить порядокъ ясный и опредѣленный, хотя не мало утратившій изъ наслѣдія древнихъ преданій.

Въ классическихъ языкахъ замѣтна нетерпимость консонантизма въ исходѣ словъ, однако не до такой степени, какъ то было древле у насъ. Боппъ, не видя этой нетерпимости въ настоящемъ быту Славянскихъ языковъ, кажется недоумѣвалъ, отъ чего въ окончаніяхъ ихъ формъ безпрерывно исчезаютъ согласныя, оказуемыя болѣе или менѣе всѣми однородными языками. Потому-то выше постановленный нами фактъ выражаетъ онъ съ начала довольно туманно, такъ: . . . „въ цѣломъ объемѣ Славянскаго языкозданія, по крайней мѣрѣ во всѣхъ фазахъ имени и глагола, нѣтъ наконечной согласной, за которой бы не выпало сродными языками доказуемое, гласною начинающееся окончаніе (*).

Прежде всего, долженъ былъ пропасть знакъ именительнаго падежа, б. с, знакъ, общій всѣмъ членамъ нашей обширной семьи. Боппъ въ 3-мъ академическомъ разсужденіи (Ueber das Demonstrativum und den Ursprung der Casusendungen) производитъ его прямо отъ мѣстоименія *са*, уцѣлѣвшаго въ Санскритѣ со всею характерной своею особенностью. Особенность же его наиболѣе состоитъ въ томъ, что онъ, какъ истый знакъ именит. падежа, только въ этомъ падежѣ и является такимъ; всѣ же ко-

(*) Vergl. Gram. стр. 339.—Но въ продолженіе своего труда, чѣмъ болѣе всматривается Боппъ въ древнія формы нашего языка, тѣмъ яснѣе и рѣшительнѣе выражается онъ объ этомъ фактѣ.

свенные падежи образуются изъ другаго корня, *та* (*та-сја* и пр.), являющагося и въ именительномъ средняго рода (*тат* или *тад*), который, въ сущности, и не долженъ имѣть прямаго падежа, ибо первоначально суждень быть типомъ существъ безличныхъ. Характеръ средняго рода есть преимущественно б. *м*, первоначально знакъ падежа винительнаго (производимый Боппомъ въ томъ же разсужденіи отъ мѣстоименнаго корня *аму*) (*); или же онъ вовсе не имѣетъ характера. Б. *м* средняго рода у насъ пропала за одно съ знакомъ *с*. Впрочемъ, см. ниже стр. 122, примѣч.

И такъ прямой падежъ остался безъ знаменателя, съ обнаженными темами именъ. Эти темы, какъ и въ другихъ языкахъ нашего поколѣнія, могутъ быть или согласными, или гласными.—Обратимъ сначала вниманіе на первыя. Но предварительно замѣтимъ слѣдующее.

Разысканія о темахъ склоненія трудны въ Славянскомъ языкѣ, по ихъ смѣшенію; еще труднѣе въ настоящемъ собственно Русскомъ языкѣ, который ставилъ себѣ постоянною задачею, какъ можно болѣе упрощать и сводить къ единству разнообразіе своихъ формъ.

Согласныя темы не могли устоять въ именит. падежѣ: или должны были онѣ отказаться отъ на-

---

(*) См. также, касательно отношенія винительнаго сред. рода къ именительному, замѣчаніе г. Бетлинка. Die Declination im Sanskrit стр. 145. Mémoire de l'Académie Imp. de S-t Petersbourg T. IV 2-de livraison.

конечной согласной и сократиться, или принять гласную, для прикрытія согласной. — *Пламен* сталъ *пламы, рамен-рамо, корен-корѫ, матер-мати, дъщер-дъщи, телент-телѧ, ягнент-ягнѧ, сѣмен-сѣмѧ, имен-имѧ; небес-небо, чудес-чудо.* — Или, вмѣсто *пламы* вышло *пламен-ь, камы-камен-ь, корѫ-корен-ь; матер-ь, телено-къ,* Чеш. *Sěmeno.* Точно также и причастная форма *берѫ берѫщ-ь* (вм. *берѫт* или *берант*=φερων(τ) *feren(t)*, Скр. *б'аран(т)*.

Примѣч. Другіе языки, болѣе или менѣе, также заботятся о томъ, чтобы скрыть согласную на концѣ имени. падежа: однако не повсюдно и не послѣдовательно какъ нашъ. Напр. Скр. *нáма*—тема *наман* (имя). Лат. *homo* — тема *homin* (или въ древнѣйшую эпоху *hemon*). Греч. *πνευμα*—тема *πνευματ.* Санскр. *мáтá*—тема *матар.* Литов. *mote*—тема *moter.* Зенд. *вачô*—тема *вачас* (рѣчь), въ Санскритѣ *вачас,* но въ контекстѣ, передъ звонкою буквою слѣдующаго слова, *ас* измѣняется въ *о,* напр. *вачô братур* рѣчь брата.

Тематическими гласными въ древности нашего языка, съ перваго взгляда, открываются слѣдующія:

а, и, ь, ъ, ы, о, е.

Женское *а*, сильное своею долготою, и въ самомъ уже Санскритѣ откинуло именительный знакъ *с.* — Подобно языкамъ классическимъ, полюбилъ это женское окончаніе и нашъ языкъ. Можно видѣть въ его исторіи, какъ росло и распространялось это женское *а*, подчиняя себѣ другую завершительную букву женскихъ темъ, именно *и*, которая въ свою очередь была особенно любима Сан-

скритомъ. Всѣ женскія на *ъия* имѣли древле темою *ъии*. Въ грамотахъ уже довольно позднихъ попадается не рѣдко: *государыни, княгини* и пр. Женская причастная форма на *щи* (*чи*) и *ши* давно уже утратила свою склоняемость. Также въ полной формѣ, вмѣсто *щи*-ꙗ, *ши*-ꙗ, стало *ща*-ꙗ, *ша*-ꙗ.

Примѣч. Образовательная б. *и* во многихъ случаяхъ скрывалась у насъ за другой суфиксъ, и выбывала изъ разряда склоняемыхъ темъ. Въ этомъ отношеніи языкъ нашъ поступилъ одинаково съ Латинскимъ. Какъ *genitri-c* (genetrix) относится къ Санскритскому *джанітрі*, такъ, или почти такъ, наше *дательни-ца* относится къ Санскритскому же *датрі*.

Тематическое *і* является у насъ законно въ видѣ *ь-я*. Женскія темы на *ь* или на *і* краткое, вмѣстѣ съ темами на *а*, наименьшей подверглись порчѣ и смѣшенію. Ихъ склоненіе почти вездѣ равно себѣ.—Того нельзя сказать объ именахъ муж. рода на *ь*. Теперь у насъ почти во все нѣтъ мужескаго склоненія на *ь* или на *і*. Мнѣ извѣстно одно только имя *путь*, которое не во все забыло свою тему, потому-что само, забытое языкомъ, не было подведено подъ общую аналогію. Имена, кончащіяся на *ь*, склоняются нынѣ какъ имена, кончащіяся на *ъ*, съ тою только разницею, что въ первыхъ, какъ извѣстно, гласныя окончанія падежей отзываются нѣсколько небнымъ звукомъ, потому-что сочетаются съ умягченными согласными.

Въ древнѣйшемъ нарѣчіи нашего языка, Церковномъ, имена, кончащіяся въ именит. на *ь*, не всѣ

принадлежали къ темѣ ь; многія изъ нихъ шли почти такимъ же путемъ, какимъ идутъ нынѣ всѣ имена на ь. — Мы въ нашихъ разысканіяхъ удержимъ это различіе, называя одно склоненіе именъ на ь собственнымъ, другое не собственнымъ. — О семъ послѣднемъ скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Мужеское окончаніе ъ соединило въ себѣ, какъ замѣчено было въ статьѣ о буквахъ, два склоненія: склоненіе собственно на ъ или на *у*, и склоненіе на *о* (=Санскритскому ӑ). Изъ сихъ двухъ смѣшенныхъ склоненій, въ нѣкоторыхъ именахъ преобладаетъ *у*, въ другихъ *о*. Наиболѣе ощутительна тема *о* въ склоненіи именъ прилагательныхъ, и на оборотъ, б. ъ наименѣе чувствуетъ себя на мѣстѣ въ именит. падежѣ прилагательныхъ. — Къ муж. именамъ на ъ (=ў), примыкаютъ женскія въ именительномъ на ъı (=ŷ), на пр. *свекры*, *любы*, *неплоды* пр., въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ совсѣмъ переведенныя. Впрочемъ, еще въ древности, имена, кончащіяся въ именит. на ъı, перешли изъ *у* склоненія въ склоненіе на ь; даже и въ самомъ именительномъ падежѣ многія имена, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, употребляютъ постоянно *овь* вмѣсто ы. Языкъ забылъ происхожденіе слога *ов* (или *ъв*, по вліянію губной *в*) косвенныхъ падежей, и отношеніе его къ именительному ъı (=ŷ); сплотилъ его съ туловомъ слова, и заключилъ всю форму ь буквой (*). Такъ уже въ древнѣйшихъ

(*) Въ памятникахъ попадаются имена женск. р., кончащіяся въ прямомъ падежѣ на *ы*, однако не вступающія

кодексахъ вмѣсто *бры—бровь.* Однако *доселѣ* въ просторѣчіи нашемъ ходитъ слово, въ которомъ уцѣлѣла сія древнѣйшая форма, именно: *бѣлобрысъ, бѣлобрысый.*

Не ужели погибъ во все знакъ именительнаго надежа муж. и жен. рода, не оставивъ по себѣ въ языкѣ ни слѣда, ни памяти? Но вотъ кстати просится на разсмотрѣніе сей часъ приведенное слово *бѣлобрысъ.* Откуда могла взяться б. *с* какъ не изъ именит. надежа *бры-с*, по Сскр. *бр̆ў-с* бровь; (*сўбрўс* женщина, собственно прекраснобровая) —Далѣе, имешит. б. *с*, хотя и твердо стоитъ на этомъ посту въ языкахъ классическихъ, а также въ Литовскомъ и Готскомъ, однако въ Санскритѣ подвергается различнымъ измѣненіямъ, вынужденнымъ общими началами эвфоніи, что господствуетъ въ этомъ языкѣ. Именно, превращается она тамъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ другіе элементы, и между прочимъ, въ гортанное дыханіе, *визаргу*: такъ изъ *сўну-с* становится *сўну-ʿ* какъ бы *сўну-х*, изъ *гапту-с гапту-х.* Въ Русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, встрѣчаются рѣченія на *х.* Откуда бы взялось это *х*, на прим. въ словѣ *пѣтухъ* (*), представляющемъ совершенно

въ склоненіе именъ жен. рода, кончащихся на сію букву, на пр. *бѣды* (*бѣды пасеть птиць.* Слово о полку Игор.), *раны* (*кая раны дорога*—ibidem). Очень не мудрено, что сіи имена первоначально были средняго рода. Сл. *бѣды* съ Санскр. *бʿедам*, именемъ сред. рода. Вспомнимъ соотношеніе б. *ы* съ ж.

(*) Б. *у* здѣсь краткость и равносильна ъ-у.

одинаковое образованіе, хотя и не одинаковое значеніе, съ вышеприведеннымъ Санскритскимъ *ганту-с* или *ганту-х*. Что же касается до другой, собственно Церковно-славянской формы, *пѣтелъ*, то плавная б. *л* могла произойти изъ плавной же *р*, ибо *ç* въ Санскритѣ, при другихъ эвфоническихъ случаяхъ, превращается въ *р*.

Какъ знаменатель падежа можетъ сростись съ туловомъ рѣченія, представлю примѣръ на словѣ, которому будто на роду стало написано потерпѣть повсюдно въ языкахъ разительное измѣненіе. Я разумѣю Санскритское рѣченіе *аçру*, которое, изъ прочихъ языковъ, только въ Литовскомъ появляется безъ существенной перемѣны (*aszara*). Въ Греческомъ, хотя оно находится въ правильномъ соотвѣтствіи съ Санскритскою формою (Сскритскому *ç* въ Греческомъ обыкновенно противустоитъ κ. См. выше о буквахъ), однако сверху оказываетъ приставку δ, и такъ δακρυ (*). Въ Латинскомъ, Греческая δ перешла въ *l*, и сверхъ того, рѣченіе наше распространилось, принявъ суфиксъ *ma* (lacryma). Въ Нѣмецкомъ языкѣ послѣ всѣхъ отбоевъ и перебоевъ вышла *zähre* (Готская форма: *tagr-s*). У себя могли бы мы ожидать *акру*, но еще болѣе *асру*. *Д*, нетерпимое въ началѣ, могло быть переставлено, измѣнено, или

(*) Впрочемъ Греческая форма кажется исконнѣе, нежели Санскритская; т. е. не въ Греч. *дакру* прибыль, а въ Санскритскомъ *аçру* убыль.

просто откинуто: случилось на дѣлѣ послѣднее, но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ бываетъ весьма часто, б. *р* превратилась въ *л*, и вышла первоначальная форма *слъ*. Когда нашъ языкъ не объявлялъ еще рѣшительнаго гоненія противъ согласныхъ, заключавшихъ формы рѣченій, наше слово въ именит. падежѣ вѣроятно ходило такъ: *слъ-с* или *слу-с* (въ Санскритѣ впрочемъ оно сред. рода, въ Литовск. жен.); когда же поднялось то гоненіе, буква *с* въ нашемъ субъектѣ, бывъ позабыта, успѣла закрыться случайно приступившею б-ю *а*, (какъ въ предыдущемъ примѣрѣ—*пѣтухъ*—приступила б. *ъ*)—*с* измѣнилось въ *з*, и изъ *слъ-с* или *слу-с*—произошло *слъза*. Вотъ какъ падежъ можетъ вростать въ самую тему. Но доскажемъ исторію этого многострадальнаго слова. Въ Русскомъ и Церковномъ изъ *ъ* стало *ь*: *сльза*, потомъ *слеза*, по Сербски *сўза*. Польская форма *łza* хотя осталась болѣе вѣрною *ъ*-у или его памяти, однако потерпѣла новую утрату въ начальной *с*. Наконецъ, кто бы сталъ искать Санскритскаго слова *açру* или Латинскаго *lacryma* въ Нижнелужицкой формѣ *za*, *за*?

Что касается до именъ средняго рода на *е* и *о*, то Боппъ справедливо замѣчаетъ, что *е* средняго рода есть въ сущности тоже *о*. Но прибавляетъ, съ предыдущей *j* (jo). Что касается до предыдущей *j*, то она могла отчасти дѣйствительно образоваться изъ древнѣйшей *i* (сл. Лат- *ium* въ *dominium*); отчасти же есть только призракъ іоты, а въ сущности ничто иное, какъ умягченное состояніе согласной,

Для прилагательн. муж. рода *синь*, средняго *сине*, Боппъ справедливо задаетъ одну общую тему *синjo*; гораздо лучше поставить *син-ё* (*ё*=*о*).

Примѣч. Въ Лужицкомъ имена средняго рода вмѣсто *е* представляетъ *о*: *moro* (читай мóрё), *polo* и проч.

Итакъ, наша тема средн. рода на *е* вовсе не соотвѣтствуетъ темѣ—*i* средняго же рода, въ другихъ языкахъ. Латин. *mare* (изъ *mari*=Санскр. *вapi*) въ грамматическомъ отношеніи, вовсе не совпадаетъ съ нашимъ *море*, по Лужицки *мóрё*; чтобысойтись съ Славянскимъ *море*, замѣчаетъ Боппъ, Латинское *mare* должно бы стать *marium*; прибавимъ: Славянское *море*, чтобы сравняться съ Латин. *mare*, должно бы стать *морь* (или, что все равно, морі), и склоняться им. *морь*, род. *мори*, дат. *мори* и проч. Слѣдовательно, различіе между мужескимъ *ь* именъ прилагательныхъ, и среднимъ *е* (*синь—сине*) не существенно: и тамъ и тутъ темою должно быть признано *io*. Въ мужескомъ устояло *i* въ видѣ *ь-я*, а тематическое *о* отпало; въ среднемъ предыдущая буква *i* упала на степень *j*, и измѣнивъ тематическое о на *е*, изчезла вовсе. За б-ю *ь* въ именит. падежѣ выпала, во многихъ случаяхъ, другая тематическая буква, именно *у*. Боппъ замѣтилъ это, но возстановляетъ тему неудачно *vrač̆j-y* (врачj-ы).

Здѣсь должны мы отъ именит. падежа обратиться къ другому, именно къ звательному. — Однѣ темы достигаютъ звательнаго падежа ослабленіемъ, другія усиленіемъ. Очевидно ослабляется въ зват. тема *а*, превращаясь въ *о*; *жена-жено!* (Сл. творит.

женою). Имена, кончащ. на *ъ*, въ звательномъ падежѣ оказываютъ наичаще *е*, иногда *у* (оу). Первый случай предполагаетъ тему на *о*, которое ослабляется здѣсь въ *е*, какъ тамъ *а* въ *о* (рабе! дроуже!). Второй случай предполагаетъ темы собственно на *ъ* или на *у*, и есть усиленная форма, равная Индійской гунѣ, напр. *сыноу!*—Санскрит. *сўнô!*—Гот. *sunau!*

Имена, кончащіяся на *ь*, трояко образуютъ свой звательный падежъ: или на *и*, какъ бы усиленіемъ (продолженіемъ) краткаго *i* темы (господи!), или на *е*, предполагая подобно именамъ на *ъ* тему на о или *іо* (княже!), или на *ю* (врачю!) (*), предполагая тему *у* или лучше *ю* (*і*+*ў* или *ъ*)

Въ заключеніе можно, съ достаточнымъ основаніемъ, полагать, что нынѣшнія имена на *ь*, въ отдаленной древности нашего языка, имѣли троякое окончаніе 1) собственно на *ь* или *і*, 2) на *іо*, 3) на *ю* (*і*+*ў*). Нынѣшнему склоненію на *ь* легли въ основаніе всѣ три темы.

* * *

Родительный падежъ въ семействѣ нашихъ языковъ двояко образуется: суфиксомъ на согласную и суфиксомъ на гласную букву исходящимъ. Темы на *і* и на *у* усиляются (гунируются): наиболѣе въ Санскритѣ, затѣмъ въ Литовскомъ и Готскомъ.

(*) Точно такъ отъ Литовскаго созвучнаго buczius (Fischkorb) звательнымъ падежемъ выходитъ buczіau, lesinczius (лѣсничій) lesinczіau.

Вмѣстѣ съ знакомъ имепит. падежа долженъ былъ пропасть у насъ и тотъ знакъ родит. падежа, который завершается согласною: этотъ знакъ есть тоже буква *с*, одна или въ совокупности съ предыдущею гласною (въ Санскритѣ *а*, и такъ *ас*). Въ Санскритѣ необходимость вынуждаетъ появленіе этой предыдущей гласной въ тѣхъ случаяхъ, когда тема консонантная; ибо двѣ согласныя, по законамъ его благозвучія, завершать рѣченія не могутъ.—Но и кромѣ того, вообще женскія темы могутъ, а женскія темы на долгія гласныя должны принимать это полнѣйшее образованіе *ас*; причемъ замѣтить слѣдуетъ, что темы на *â* берутъ, въ посредство между собою и симъ полнѣйшимъ образователемъ *ас*, полугласную *j*; а темы на *ŷ* и *î* просто превращаютъ сіи долготы въ соотвѣтныя полугласныя. Въ Греческомъ языкѣ, окончаніе ος=Сскритскому *ас* подчинило себѣ не только согласныя, но отчасти и гласныя темы; въ Латинскомъ суфиксъ *ас*, кромѣ согласныхъ темъ простирался и на *у* темы, какъ слѣдуетъ заключать изъ древнѣйшихъ формъ *anu-is*, *fructu-is*, которыя употреблялись, по свидѣтельству Варрона, даже въ Цицероново время, а еще яснѣе изъ формъ *magistratu-os*, *senatu-os*, встрѣчаемыхъ въ SC. de Bacchan. (въ классическую же эпоху языка утрата образовательной гласной вознаграждается, какъ извѣстно, продолженіемъ тематической *u*).

Со всѣми этими данными ясно согласуется состояніе родительнаго падежа у насъ. Согласныя темы изъ образовательнаго слога *ас*, откинувъ наконечную

е, удержали только гласную *а*, но измѣнили ее, по извѣстному обычаю нашего языка, на *е*: *камен-е*, вм. *камен-ес*, Санскрит. *асман-ас*. Лат. *sĕmen-is*=*sĕmen-is* *Матер-е* вм. *матер-ес*, Лат. *matr-is*, Греч. μητέρ-ος. — Нашъ языкъ не поступилъ здѣсь какъ Санскритъ, который, усѣкая также въ именительномъ падежѣ *б. р* (*мâтâ, дуѓитâ*), на нее однако изводитъ родит. падежъ: *мâтур*, *дуѓитур*; ибо нашъ языкъ не могъ пустить согласную на конецъ рѣченія. Далѣе, *небес-е* вм. *небес-ес*, по Санскр. *наб̔ас-ас* и проч. Въ памятникахъ собственно Русской письменности рѣдко уже попадается эта древнѣйшая форма. *Небо*, какъ *окно*, *стекло*, въ родит. падежѣ имѣетъ просто букву *а*, забывъ о своей темѣ.

Имена средн. рода на ѧ, на прим. *отрочѧ* (тема отрочѧт—отрочент), совершенно одинаково устроенныя съ причастными формами *amans* (amant), τύπτων (τύπτοντ), *тудан* (тудант), даютъ и для родит. падежа форму аналогическую: *отрочѧт-е*—*amant-is*, τύπτοντ-ος, *тудант-ас*. Не худо также сличить сію форму нашего языка съ Греческой ὄνοματ-ος.

Совершенно такое же образованіе представляетъ родит. падежъ отъ темъ на *ы* (=*ȗ*): *любы*—*любве* (евфон. *любъве*). Сл. Санскрит. *бад̔ȗ*—*бад̔вас*. (*)

Перейдемъ теперь къ темамъ на ь собственный, соотвѣчающій, какъ намъ извѣстно, краткому *і* дру-

(*) *Бад̔ȗ* и *вад̔ȗ* по Санскритски значитъ женщина.

гихъ языковъ. Въ Санскритѣ эти темы гунируются; изъ другихъ языковъ допускаетъ здѣсь усиленіе Литовскій и отчасти Готскій. У насъ, вмѣсто гласуны, оказывается продолженіе тематической гласной. (*) Сл. род. *пути* (имен путь), *господи* (древняя форма отъ именительнаго господь) съ Лат. *hospiti-s*, Скр. *патê-с* (изъ патаі-с, тема паті). Слѣд. Церковно-славянская форма *поди* (господи), въ древнѣйшую эпоху, если не обманываетъ аналогія, звучала *поди-с. Огнь*, род. *огни*, *ignis*, Санскр. *агнê-с*, Литов. *agnê-s* (но Латыш. просто *uggunѕ*).

Имена муж. рода, кончащіяся въ именительномъ на *ъ*, представляютъ въ родительномъ падежѣ двоякое образованіе на *а* и на *у*.—Утративъ основаніе этого различія, языкъ давно уже позабылъ при какихъ именахъ мѣсто одному, при какихъ мѣсто другому образователю. Это дѣйствіе забытаго начала, бродучій слѣдъ того, что уже давнымъ-давно прошло въ языкѣ нашемъ.

Боппъ объясняетъ знакъ родит. падежа *а* изъ мужескихъ темъ на *а*, у насъ утраченныхъ. Мы должны согласиться съ нимъ, ибо сообразнѣйшаго объясненія пріискать не можемъ. Но въ какомъ отношеніи сія падежная буква находится къ тематической *а*: это новый вопросъ, которымъ мы и должны заняться теперь.

(*) Очень можетъ быть, что въ древнѣйшую эпоху языка здѣсь вмѣсто *и* стояло *ѣ*. См. въ статьѣ о буквахъ замѣчаніе объ этимологическомъ переходѣ б-ы *ѣ* въ *и*.

Прежде всего дѣло представляется такъ: объ *а*—буквы въ этимологическомъ отношеніи совершенно одно и тоже. Такъ род. падежъ: *нова*, отъ прилагательнаго неопредѣленнаго *новъ*, Боппъ сличаетъ съ Санскритскимъ *нава-сја*, полагая, что падежъ *сја* отпалъ и обнажилъ тему, которая въ этомъ случаѣ, какъ бы въ замѣну утраты падежа, осталась вѣрною своему искониому виду, а въ именительномъ измѣнила *а* на *ъ* (по Боппу просто утратила гласную, ибо букву *ъ*, какъ выше было замѣчено, равняетъ онъ нулю). Съ этимъ толкованіемъ согласился было и Павскій, однако въ слѣдъ за тѣмъ предпочелъ ему другое, что будто наша родительная буква *а* есть Готская дательная *а*. Не въ укоръ почтенному филологу замѣтимъ, что нашъ родит. падежъ на *а*, отъ начала исторіи языка до сего дня, ни въ одномъ изъ нарѣчій, не подалъ ни малѣйшаго повода къ такому о себѣ мнѣнію.

Выводу родительной буквы *а* прямо изъ тематической можетъ повстрѣчаться камень претыканія въ томъ, что не было ни какой нужды нашему языку усѣкать собственное окончаніе родительнаго падежа, *сја*, какъ оно звучитъ въ Санскритѣ; не было нужды, ибо это окончаніе завершается гласною. Можно смѣло утверждать, что Славянскій языкъ, въ эпоху своего обособленія, не утратилъ почти ни одного окончанія, завершеннаго гласною, — и это полное образованіе род. падежа, исходящее на гласную, уцѣлѣло у насъ во всей

своей силѣ, даже до сего дня, но въ видѣ нѣсколько измѣненномъ, который сближаетъ его съ тою же формою въ Зендѣ и отчасти въ Греческомъ. По Зендски, *ка-сја* звучало *ка-ге̂*, и съ этою формою Боппъ имѣлъ полное право сличить окончаніе родительнаго падежа нашихъ мѣстоименій, *го*: ко-*го*, то-*го*, ю-*го* и пр. Сличи Гомерическую форму τοιο (отсюда τοῦ), λόγοιο (λόγου), Τιθωνόδιο и пр.; Латинское мѣстоименіе *cu-jus*, *e-jus* и пр. А такъ какъ наши прилагательныя въ опредѣленномъ своемъ видѣ срослись съ мѣстоименіемъ *и* (Санскр. *ja*), — что въ древности гораздо яснѣе, чѣмъ нынѣ; то и прилагательныя оказываютъ этотъ же суфиксъ: *святаго*=*свѧтааго* (=свѧтаюго, или свѧтаѧго, per elisionem τοῦj); но *одного*, *самого*, ибо отъ неопредѣленныхъ формъ *самъ*, *одинъ* (само-го). Въ Польскомъ появляется онъ и въ нѣкоторыхъ существительныхъ, на пр. *sędziego*=*судьи*.— Наконецъ и въ видѣ болѣе близкомъ къ Санскриту сохранилось это падежное окончаніе въ области языка Славянскаго. Я разумѣю *чесо*. Языкъ не рѣдко забывалъ качество заключительнаго слога *со*, и сливалъ его съ темою самого рѣченія; но всякій безъ труда замѣтитъ, гдѣ стемнѣли воспоминанія языка, даже и счетъ вѣковъ потерявшаго на роду своемъ.

Примѣч. Спрашивается, откуда могла взяться буква *ш* въ суфиксѣ *шній*, на прим. въ прилагат. *домашній?* Суфиксъ *н* очень употребителенъ въ именахъ прилагательныхъ: умъ—ум*н*ый, тьма—тем*н*ый, послѣд—послѣд*ній*. Но какъ же могла произойти форма до*машній* (она есть и у Остромира) отъ существительнаго *домъ* или, какъ теперь говоримъ, просто *дом?*

Суфиксъ *н*, здѣсь *ни*, не предпологаетъ ли уже совсѣмъ готовой формы *домас* или *домась*? Б. *с* путемъ смягченія, отъ дѣйствія пебной б. *і* проникшаго черезъ слабую согласную *н*, превратилась въ *ш*, точно также какъ *вешній* отъ *весна*, Серб. *пошљедни* (послѣдній), Кирилла Туровскаго форма *уяшняти*, вм. *уясняти*, и множество другихъ примѣровъ. И мнѣ кажется, всего вѣрнѣе видѣть въ этой предполагаемой формѣ *домас* или *домась* родительный падежъ. Случайно полученная форма *шні* мало по малу очутилась суфиксомъ, и ходитъ по языку безъ всякаго вида о своемъ происхожденіи. Тѣмъ не мнѣе, при нѣкоторыхъ именахъ, сей часъ окажется этотъ видъ, лишь только мы ихъ спросимъ, на прим. *вчерашній*, *днешній* *лѣтошній* и пр.; ибо говорилось и говорится: *днесь* (дьньсь) *вчерась* (вечерась) *лѣтось*. Здѣсь суф. *шній* явно разлагается на *с* + *ній*; ибо предыдущая зубная есть ни что иное какъ остатокъ мѣстоименія *сь* (*). Но въ формѣ *домашній* во все нельзя произ-

---

(*) При этомъ случаѣ не некстати будетъ вспомнить, что Боппъ и знакъ родительнаго падежа приводитъ къ тому же мѣстоименному корню *са*, изъ котораго, какъ у насъ и замѣчено было выше, объясняетъ знакъ именительнаго падежа. См. третье Академическое Разсужденіе. (Abhandlungen der historisch—philologischen Klasse der k. Akad. der Wiss. zu Berlin aus d. J. 1826. Стр. 98, 99), а также Сравнит. Грам. § 194, гдѣ онъ и для полнѣйшаго знаменателя *сја* указываетъ, въ нарѣчіи Ведъ, на тождезначащее мѣстоименіе *сја* (См. также Grammatica critica ling. sanscr. § 268). Въ Древне-персидскомъ, въ надписяхъ Персепольскихъ, мѣстоименіе *сја*, по чтенію Лассена, является въ видѣ *hја* — *ҙја*: на прим. *ҙја* (бага) *авам асманам ада*, *ҙја мартіјам ада*, *ҙја мам Артакшатра ада* (см. Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 1844. 6-й томъ, 1-я тетрадь

водить зубную тѣмъ же путемъ, какимъ производится она въ формахъ приведенныхъ, какъ *вчерашній, днешній* и проч. Ибо нѣтъ и не было нарѣчія *домась*; да и *домашній* во все не значитъ *сего дома*. *Домашній* съ другой стороны не принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣченій, которыя мы иногда образуемъ просто суфиксомъ *шній*, вовсе не спрашивая откуда тутъ *ш*. Наше слово принадлежитъ къ древнѣйшей эпохѣ языка, и вмѣстѣ съ формой *домовый*, стоитъ въ Остромировомъ кодексѣ.

Теперь можно коснуться остроумнаго мнѣнія Г. Павскаго о происхожденіи притяжательнаго суфикса *овъ*. Павскій сличаетъ его съ Санскритскимъ родительнымъ *sja*. Однако, если и можно допустить это производство, то нельзя согласиться съ тѣмъ, что б. *в* произошла изъ *с*; ибо въ этимологическихъ разысканіяхъ, гдѣ часто одна лишь аналогія рѣшаетъ все дѣло, потребна аналогія сильная, а возможность перехода буквы *с* въ *в* въ Славянскомъ языкѣ, если и не подвергается совершенному отрицанію, то все же очень мало имѣетъ данныхъ, говорящихъ въ ея пользу.—Однако побудить къ сближенію притяжательнаго *въ* съ нашимъ же родительнымъ *го*, можетъ то, что сей послѣдній въ Великорусскомъ нарѣчіи звучитъ именно какъ *во*. Буква *г*

Надпись Артаксеркса 2-го, стр. 159 и слѣд. Передадимъ это на древнее Славянское нарѣчіе. *Сь* (богъ) *ово небо създа, сь смьрть създа, сь мѧ Артакшатра създа.*

здѣсь явно должна быть ничѣмъ инымъ, какъ дыханіемъ гортаннымъ spiritus asper, и потому легко переходитъ въ соотвѣтственный губной элементъ *в*. — Не смотря на это побужденіе, позволимъ себѣ поискать другаго источника притяжательному суффиксу *въ*. —

Но прежде должны мы докончить рѣчь о знаменателѣ родительнаго падежа именъ мужескихъ, буквѣ *а*. — Въ Санскритѣ есть еще лишній, противъ нашего склоненія, падежъ: относительный, ablativus. Онъ означаетъ большею частію точку отправленія, предметъ, откуда идетъ движеніе сказуемаго. — Характеръ его есть буква *т* (превращающая передъ собою краткое *а* темы въ долгое). Такъ по Боппу, — а по Индійскимъ грамматикамъ, слогъ *âт*. — Можно взять между обоими мнѣніями середину, къ которой почти склоняется и Боппъ, — именно *ат*. — Въ Санскритѣ только одинъ разрядъ именъ пользуется симъ особымъ падежемъ, разрядъ именъ на *а* краткое; всѣ прочія имена ничѣмъ не различаютъ форму ablativi a genitivo. — Но въ Зендѣ Бюрнуфъ и Боппъ открываютъ особую форму ablativi, почти для всѣхъ темъ: характеръ его и тамъ есть б. *т* или *ат*. Сверхъ того оказались слѣды этого падежа и въ Европейскихъ языкахъ, именно въ Латинскомъ. Въ древнихъ памятникахъ Римскихъ весьма часто попадается *д* paragogicum; внимательное изученіе убѣдило грамматиковъ — сравнителей, что эта приставка правильно и не сомнѣнно появ-

ляется при именахъ, и къ тому при формѣ творительнаго падежа, наприм. *sententia-d* ; *in poplico-d* , *in preivato-d* etc (SC de Bacch.). *Navaled* , *praedad* , *dictatored* etc (Colum. rostrata.) Потому Боппъ рѣшился смѣло (см. 3-е Академич. Разсужденіе стр. 89 et seqq, также Vergl. Gram. стр. 213) признать это *д* (бывшее и для самихъ древнихъ грамматиковъ не болѣе какъ *д* εφελκυςτικὸν) за тотъ знакъ ablativi, который мы видѣли въ Санскритѣ и Зендѣ. Въ одномъ мѣстѣ Сравнительной Грамматики (стр. 216, примѣч.), Боппъ не прочь подвести сюда же и Греческое αφροδιτη, т. е. αφροδ-ιτη , какъ бы *изъ пѣны вышедшая* (*).

Воротимся къ нашему родительному на *а*. Вспомнимъ, что мы весьма не охотно употребляемъ форму родительн. падежа , когда нужно выразить отношеніе владѣтеля къ предмету владѣнія , отношеніе, всего болѣе приличное родительному падежу , въ сравненіи съ симъ относительнымъ. Употребляемъ же мы ее наичаще въ томъ смыслѣ, въ какомъ Санскритъ употребляетъ свой ablativum, и тогда предпосылаемъ мы ей предлогъ *отъ* или *от*, который, какъ по формѣ своей, такъ, можетъ быть, и по происхожденію, очень не далекъ отъ предполагаемаго образователя Санскритскаго ablativi, *ат*.—Совсѣмъ не то хотимъ мы сказать, чтобы нашъ предлогъ *отъ*

(*) Боппъ приводитъ для сличенія Санскрит. рѣченіе *аб'радіта* (аб'рат-іта), *изъ облака произшедшая*.

поступилъ въ предлоги изъ падежныхъ знаменателей: скорѣй возможно обратное отношеніе; но и этого не хотимъ мы утверждать. Намъ важно указать лишь на то, что наша форма *волка* можетъ быть сближена съ Санскритскою *врі̆ка̂-т*, т. е. что въ нашей формѣ *волка* усѣченъ не суфиксъ родительнаго *сjа*, или *са*, или *го* (врі̆касjа), а суфиксъ ablativi *т* (врі̆ка̂-т). Это сближеніе было бы согласно съ предложеннымъ уже мнѣніемъ о соотношеніи долготы и ударенія въ нашемъ языкѣ; ибо удареніе весьма часто появляется на родительной буквѣ *а* (наприм. хотя мы и говоримъ го̆рода, однако въ мѣрномъ складѣ, въ пѣсни выходитъ, напр. „изъ Нова̀-города̀"). Изо всѣхъ однородныхъ языковъ, только Латышскій представляетъ совершенно такой же какъ у насъ, родительный падежъ; такъ *wilka, kunga* и пр. Въ Литовскомъ стоитъ *о: wilko* и пр.

Какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянорусской письменности, такъ и въ позднѣйшихъ, а равно и въ современной рѣчи, появляется еще особая форма родительнаго падежа: это, какъ сказано выше, буква *у* (оу). Вотъ приведенные Востоковымъ примѣры изъ Остромира: *волоу, врьхоу, градоу, гробоу, домоу, полоу*. Въ грамотахъ встрѣчается эта форма часто. Ломоносовъ признавалъ эту форму болѣе принадлежностію собственно Русскаго нарѣчія (какъ видимъ несправедливо), и назначалъ ее только для такихъ именъ, которымъ доступъ въ высшій слогъ, если не вовсе запрещенъ, то очень

труденъ. За то нынѣ, между пишущими, замѣчается исключительное пристрастіе либо къ одному, либо къ другому знаменателю нашего падежа: нѣкоторые, ради буквы *а*, не терпятъ б. *у* даже и въ тѣхъ не многихъ примѣрахъ, которые утверждены давнимъ употребленіемъ; другіе, напротивъ, вопреки всѣмъ преданіямъ, готовы, кажется, вовсе изгнать изъ языка форму *а*. Такое разногласіе современныхъ писателей было бы не удивительно, если бы въ самихъ памятникахъ не представлялась крайняя сбивчивость въ употребленіи обѣихъ формъ. Не только въ одномъ и томъ же сочиненіи, но не рѣдко въ одномъ и томъ же предложеніи, многія слова берутъ и ту, и другую форму. Въ Польскомъ языкѣ, который не безъ основанія похваляется передъ нашимъ большею обработанностію, области обѣихъ формъ разграничены рѣзче. Но и тамъ это разграниченіе основано не столько на сущности языка, на темахъ самихъ именъ, сколько на авторитетѣ. Въ Лужицкомъ (отчасти и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ) положено между сими формами такое различіе: *а* служитъ наиболѣе именамъ предметовъ одушевленныхъ, *у* неодушевленныхъ. Различіе, какъ ясно видно, произвольное.

Павскій не признаетъ б. *у* за знакъ род. падежа, и объясняетъ ея употребленіе за родит. падежъ общею наклонностію нашего синтаксиса, ставитъ во многихъ случаяхъ дательный падежъ, вмѣсто родительнаго. Но противъ этого рѣзко говоритъ то обстоятельство, что спорная форма появляется въ

такихъ именно случаяхъ, въ какихъ никогда нашъ языкъ не ставитъ дательнаго падежа. Если нельзя сказать: *нѣсколькимъ домамъ* вм. *нѣсколькихъ домовъ*, то нельзя, кажется, въ выраженіи: *нѣсколько пороху*, принимать послѣднее слово за падежъ дательный.—Въ слѣдующемъ выраженіи изъ Остромира: *къждо васъ...не отрѣшитъ ли волоу своего*, можно ли принимать *волоу* за дательный?

Итакъ, я съ своей стороны думаю, что сія форма по праву принадлежитъ родит. падежу; но въ историческую эпоху языка является уже непомнящею своего основанія. Это основаніе заключалось въ самой темѣ одного разряда именъ, котораго объемъ опредѣлить теперь невозможно. Я разумѣю разрядъ именъ муж. рода, кончащихся въ основной формѣ на *у* или, такъ какъ краткому *у* другихъ языковъ противустоитъ у насъ буква *ъ*, на *ъ* собственный, въ отличіе отъ несобственнаго, равнаго Латинскому *u* 2 го склоненія. — Темы на *ў* въ Санскритѣ большею частію принимаютъ гуну; тоже въ Литовскомъ. Словарь сего послѣдняго языка представляетъ значительное количество именъ на *у*; его показанія, какъ близкаго родича и сосѣда нашему языку, весьма для насъ важны. Въ Латышскомъ количество сихъ темъ ограниченнѣе; вопреки Литовскому, онъ ихъ не усиляетъ и даже позабылъ склонять ихъ во множественномъ числѣ. По Литовски *turgus* даетъ родительный *turgaus*, въ Латышскомъ именительный *tirgus* не измѣняется и въ родительномъ.

Примѣч. Въ именахъ прилагательныхъ Литовскій оказываетъ не двоегласную *au*=Санскритской *ô*; а долгое *ȳ* на пр. skaistus (чистый, castus род. skaistûs). Здѣсь, кажется, не некстати будетъ оглянуться на Латинскій языкъ, и припомнить, что онъ не имѣетъ собственнаго склоненія *у* (4 го) для именъ прилагательныхъ. Всячески старался онъ передѣлывать ихъ и переводить на другія темы. У насъ же большею частію облекаются они постороннимъ суфиксомъ, именно суфиксомъ *къ*. Напримѣръ Санскрит. *тану-с*—*tenuis, tener*—*тънькъ*; *лагу̒с*—*levis* (изъ *legvis*?)—*легъкъ*; *свâду-с*—*suavis* (изъ suadvis?)—*сладъкъ*. Греческій удерживалъ въ мужескомъ родѣ наконечную б. *υ*: *ἡδύς, ἐλαχύς*. Въ женскомъ родѣ, Санскритъ къ тематической *у* приставляетъ *i*, и выходитъ *свâдві, лаг̒ві* (сл. съ этимъ *ві*, наше *ъі* въ именахъ женскаго рода). Греческій сверхъ того приставляетъ еще *α*; вмѣсто же *υι*, оказываетъ *ει*: *ἡδεῖα, ἐλαχεῖα*.

Такъ какъ б. *ъ*=*у* распространилась у насъ и на имена, первоначально ходившія съ характеромъ *a* или *o*, то и сіи послѣднія, пользуясь происшедшимъ отъ того смѣшеніемъ темъ, могли заходить въ область *у*—склоненія. Тематическое *у* (=ъ), усиленное до долгаго *ȳ* или, по Кириллову правописанію, до *оу*, равнаго Санскритскому *ô* (=ау=ав) и Литовскому, а также и Готскому, *au*, не выходитъ ли, разрѣшившись въ слогъ *ов*, и въ составѣ тѣхъ

(*) Очень можетъ быть, что *к* въ этомъ случаѣ вышла изъ *x*=знаку именит. *c*. См. выше объ именит. падежѣ. Сл. *ветъхъ* и Латинскимъ *vetus*

производныхъ именъ прилагательныхъ, которыя именно этимъ самымъ слогомъ производятся отъ своихъ существительныхъ. *Сл.* Литовскія формы родительнаго падежа: sun-*au*-s (именительный sunu-s, сынъ), szalber-*au*-s (именит. szalberu-s, по Мильке, Betrüger. *Сл.* наши простонародное *шалберничать*), wais-*au*-s (именит. waisu-s плодъ), rubéž-*au*-s (именит. rubéžu-s рубежъ) и пр. съ нашими прилагательными формами: торг-*ов*-ый, дом-*ов*-ый, сын-*ов*-ній и пр. Последней формѣ разительно соотвѣчаетъ вышеприведенное — дом-*аш*-ній (*).

Въ языкѣ должно строго различать первое начало отъ случайности позднѣйшихъ явленій, имъ порожденныхъ, но его позабывшихъ. Когда производительное начало, съ теченіемъ времени, изчезнетъ изъ живаго быта языка, тогда нѣтъ границъ для произвола оставленныхъ имъ явленій: они плодятся и множатся, и расходятся далеко изъ своей прежней, часто во все не великой, области. — Мы не должны, рѣшительныя къ чему либо наклонности языка, опрометчиво называть пустыми причудами или евфоническими распоряженіями. Если обратимся къ на-

---

(*) Замѣчательно, что имя *домъ* колеблется у насъ, подобно Латинскому domus, нерѣшительно стоящему между 4-мъ и 2-мъ склоненіемъ. Обѣ формы *домовый* и *домашній* равно древни, обѣ читаются въ Остромировомъ кодексѣ.

стоящему случаю, то не слишкомъ ли дешевыми окажутся всѣ объясненія ex euphoniae lege. Что евфоническаго б. *в* или слогъ *ов* представляетъ въ приведенныхъ примѣрахъ и во множествѣ другихъ подобныхъ? Если же бы и дѣйствительно образованіе именъ прилагательныхъ, особенно притяжательныхъ и отечественныхъ, посредствомъ той буквы или того слога, стало не болѣе какъ звуковымъ обычаемъ, то надо вспомнить, что языкъ историческій ведетъ свой обычай не изъ страстей и капризовъ, которымъ онъ чуждъ, но изъ положительныхъ условій дѣйствительнаго быта. То что нынѣ кажется безотчетной и произвольной привычкой, древле было естественнымъ требованіемъ, настоятельной нуждою.— Слогъ *ов* нельзя то же назвать и суфиксомъ, если не принимать приведеннаго выше мнѣнія Павскаго, равняющаго сей слогъ родительному на *аго* (Санскр. sja), мнѣнія остроумнаго, но имѣющаго мало данныхъ въ свою пользу.—Собственнымъ суфиксомъ въ этомъ слогѣ можетъ быть признана лишь одна буква *ъ*, которая заставила предыдущее ў (=оу) разрѣшиться на *ов*. Напр. *търгъ* или, напишемъ такъ, *тўргў* (=Литовскому turgu-s), въ усиленномъ видѣ будетъ *тўргоу* (=Литов. *turgau*—); приступитъ-ли для дальнѣйшаго образованія гласная ŏ или ў (=ъ), то изъ *търгоу*+*ъ* по необходимости должна выдти форма *търговъ*. *Сыну* (=Санскр. *сўну*), *сыноу* (=Санскр. *сўно̂*), *сынов-ъ* (=Санскр. *сўнав-ас*). Нѣтъ крайней необходимости вести это образованіе отъ родительнаго падежа. Б. *ъ* какъ членъ именъ муж. рода, равно

какъ и бб. *а* и *о* жен. и сред. рода, могли приступить прямо къ темѣ рѣченія (*у*).

Что касается до родительной буквы *ы* отъ темъ на *а*, то ея фонетическое происхожденіе, столь зорко угаданное Павскимъ, становится еще яснѣе, когда сличимъ слѣдующую форму прилагательнаго имени *добры-ѭ* съ Литовской *gerен-jен* (*), которая, далѣе, совершенно тожественною оказывается съ формою *вечерѫ* (=*вечерен*). Сличимъ теперь винительный падежъ обоихъ приведенныхъ словъ: *добрѫѭ* и *gerан-ан*, и мы совершенно будемъ убѣждены въ тождествѣ нашей и Литовской формы, а сверхъ того и въ близости обоихъ падежей. Впрочемъ сближеніе на этой точкѣ род. и винит. падежа должно быть признано только случайнымъ, чисто фонетическимъ, отнюдь не этимологическимъ. Проницательный взоръ нашего языковѣда открылъ вѣрно источникъ родит. *ы*. Какъ *есмы*=*есмѫ*=Греч. ἐσμεν=Санскр. *смас*, такъ и въ родительномъ *рабаи, волеи*, буква *и* заступила мѣсто той *с*.

Впрочемъ нѣтъ особенной нужды прибѣгать здѣсь къ аналогіи глаголовъ, и производить носовой звукъ въ окончаніи род. падежа именъ на *а* изъ буквы *с*. Чередованіе между звуками *с* и *и* не такъ легко, что бы остановиться на немъ и упу-

---

(*) Т. е. gerę-ję. *Для* большей ясности поставлена у насъ б. *н*, но съ значкомъ наверху, чтобы означить ее, какъ носовой *назвукъ* (анусвару), отъ обыкновенной б-ы *н*. Къ этому значку будемъ иногда прибѣгать и послѣ.

стить изъ виду другое явленіе, объясняющее разбираемый случай.

Б. *н* въ языкахъ Индоевропейскихъ отправляетъ при склоненіи службу немалую, хотя большею частію не существенную. Она появляется часто между темою и падежнымъ окончаніемъ. На примѣръ, въ Санскритѣ имена средняго рода тѣмъ предпочтительно отличаются въ склоненіи отъ мужескихъ, что берутъ въ посредство „между собою и вокально начинающимися окончаніями помогательную согласную н.“ (Бетлинкъ, Mémoire de l'Acad. etc. t. 7-me, 2-de livrais стр. 163). Напр. *варі* (вода, им. ср. рода, сл. *море*) въ родит. является варі-*н*-ас; *талу* (нёбо, palatium) талу-*н*-ас; *мрĭду* (кроткое—нѣжное, сл. Нѣм. *mild*, наше *млад*) мрĭду-*н*-ас и пр. Это вторженіе буквы *н* въ склоненіе языкъ допустилъ, вѣроятно, уже въ позднѣйшую эпоху, когда его органическія движенія стали медленнѣе и лѣнивѣе. Можетъ быть, замѣчаетъ Бетлинкъ (ibidem стр. 164 примѣчаніе), въ древнѣйшій періодъ языка каждое имя средняго рода въ этихъ падежахъ (принимающихъ б. *н*) склонялось по образцу мужескаго. Такъ въ Ведахъ отъ имени средняго рода *мад̕у* (медъ) стоитъ родительный не *мад̕унас*, но *мад̕ôс*. — Въ самомъ дѣлѣ, для языка, съ теченіемъ времени, такая вставка могла показаться удобнѣе: она увольняла его отъ труда органически измѣнять тему рѣченія. Тематическая гласная и гласная падежнаго окончанія, при такой формѣ, какъ *мад̕унас*, остаются нетронутыми,

между тѣмъ какъ въ формѣ *мадʼос* или *мадʼавас* видимъ ихъ въ работѣ.—Другіе языки нашего семейства еще охотнѣе, чѣмъ Санскритъ, прибѣгаютъ ко вставной буквѣ; напримѣръ Латинскій, а всего болѣе Германскій. Въ Германскихъ языкахъ склоненіе существенно раздѣляется на сильное, и слабое, по Гриммовой терминологіи. Слабое склоненіе, которое могло-бъ быть названо разбавнымъ, простирается тамъ на всѣ имена. Касательно прилагательныхъ, Боппъ въ Вокализмѣ (стр. 107, 108) замѣчаетъ, что первое сѣмя двуформнаго склоненія прилагательныхъ заключается уже въ Санскритѣ. Такъ напр. *магâ-грівас* (*) и *магâ-грівін*; родит. *магâ-гріва-сја* и *магâ-грівін-ас*, дат. *магâ-грівâја* и *магâ-грівін-ê* и пр.—И такъ есть, кажется, достаточное основаніе думать, что нашъ родительный на *ѧ* и *ы* примыкаетъ къ этому разбавному склоненію, названному у Гримма слабымъ. Объ этомъ, кажется, думалъ и Павскій, приводя въ примѣръ Готское *vidovans* (вдовы), *viliins* (волѣ), Англосаксонское *cvinans* (жены) и проч.

Но, что еще важнѣе, указанное выше явленіе въ языкахъ однородныхъ не объясняетъ ли и склонность именъ женскаго, а также и средняго рода, облекаться, при переходѣ въ прилагательныя, суфиксомъ *н*? *Вечерѧ—вечерній, ученицѧ—ученицынъ* вм. *ученицинъ*. Сл. *воловій, волуй* (отъ имени *волъ*, родит. *волоу*) и *волинъ* (отъ имени *волѧ*, род. *волѧ*). На это самое от-

(*) *Магâгрѣва* и *магâгрѣвін* значитъ долгошейный, т. е. верблюдъ.

ношеніе обращаетъ вниманіе и Авторъ *Филолог. Наблюдений.*

Б. *и*, встрѣчаясь такъ часто въ нашемъ словообразованіи, перестаетъ быть загадкой. Она вызывалась тутъ, для произведенія одного имени отъ другаго, тѣмъ же началомъ, какимъ вызывалась въ другихъ языкахъ, для поддержки склоненія. Санскритская форма, какъ *грîвін* (отъ грîва-cervix) стоитъ въ рѣшительномъ родствѣ съ нашимъ производнымъ *гривьна* (шейное украшеніе).

Въ Церковно-русскихъ памятникахъ XII, XIII и даже XIV вѣка, нерѣдко встрѣтимъ родительный женскаго имени на *а*: *дѣвица*, *благовѣстиица* и пр. Это *а* вышло изъ древней ѫ: *дѣвицѫ* и пр., о которой сей часъ было говорено. Въ грамотахъ эта форма на *а* не попадается; но за то въ древнѣйшихъ народныхъ памятникахъ стоитъ, вмѣсто ѫ, б. *е*. Напр. *продаже* вм. продажѫ (см. Русскую Правду), *лодье* вм. *ладиѫ* и пр. Въ позднѣйшихъ же зубныя сравнены съ прочими согласными, и подведены подъ общее *ы* или *и*, равно какъ и *свекрови* пошло вм. *свекрове*. Павскій видитъ въ этомъ смѣшеніе родительнаго падежа съ дательнымъ. По нашему мнѣнію, здѣсь слѣдуетъ видѣть не смѣшеніе падежей, а общее смѣшеніе темъ. Языкъ, стремясь къ однообразію, возможному единству формъ, принялъ за тему *свекровь* (уже не *свекры* =*свекрŷ* = Санскрит. *çваçрŷ*), т. е. за одно съ темою *заповѣдь*. А въ родит. *лады* б. *и* (по той же причинѣ) появилась въ соотвѣтствіе буквѣ *ы* слова *рабы*.

Тѣмъ же стремленіемъ Русскаго языка приводить, сколько возможно, къ одному знаменателю разнообразіе флексій, можно объяснить и родительный личныхъ мѣстоименій *меня*, *тебя*, вм. Церковныхъ и Общеславянскихъ формъ *мене*, *тебе*. Но можетъ быть, здѣсь обозначилась особенность Великорусскаго среди Славянскаго, если захотимъ сличить *мене*, *тебе* съ Литовскимъ *manęs* (manens), *tawęs* (tawens), винит. *manę*, *tawę*, и принять ихъ слѣдовательно за *менѧ*, *тебѧ*.

*
* *

Дательный падежъ въ формѣ своей представляетъ столь большое сходство съ мѣстнымъ, что трудно означить между ними явственную границу. По видимому, языкъ вывелъ оба эти падежа изъ одного источника. Въ Греческомъ и Латинскомъ изгладилось между ними всякое различіе; въ Славянскомъ оно едва ощутительно; въ Литовскомъ нѣсколько болѣе, въ Санскритскомъ еще болѣе, но также мало существенно.

Въ Санскритѣ для дательнаго падежа главнымъ характеромъ служитъ буква *ê*, для мѣстнаго буква *i*. Но такъ какъ первая, въ этимологическомъ движеніи формъ и рѣченій, весьма часто смѣняетъ вторую, то Боппъ, съ достаточнымъ основаніемъ, замѣчаетъ (*), что дательный и мѣстный въ началѣ

(*) Abhandlungen der historisch — philologischen Klasse der k. Akad. d. Wissensch. zu Berlin. Aus dem J. 1826. Berlin 1829 стр. 83.

были тожественны, и что легкое видоизмѣненіе формы, ихъ различающее, произошло въ позднѣйшее время; тѣмъ болѣе, что мѣстный падежъ въ Санскритѣ часто употребляется въ смыслѣ дательнаго, какъ на оборотъ въ Греческомъ дательному придается не рѣдко мѣстное значеніе, на примѣръ Μαραθῶνι, οἴκοι, также τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ, что на Санскритскій должно быть передано мѣстнымъ (*tritîjê dîvasê*).

Въ ясномъ соотвѣтствіи съ Санскритомъ оказываются, въ Славянскомъ, главными и какъ бы природными характерами обоихъ падежей буквы *ѣ* да *и*. Б. *ѣ* служитъ одинаково и дательному, и мѣстному падежу въ мѣстоименіяхъ личныхъ *мнѣ* (мънѣ), *тебѣ*, и возвратномъ *себѣ*. Но въ дательномъ падежѣ именъ гораздо болѣе, чѣмъ б. *ѣ*, участвуетъ *и*. Даже тѣ вышеприведенныя мѣстоименія въ Славянскомъ языкѣ имѣютъ еще другую форму дательнаго падежа: *ми*, *ти*, *си*, форму, въ древнемъ Русскомъ языкѣ очень употребительную, знакомую и нынѣшнему народному говору, но въ общепринятое нарѣчіе не допущенную. Только имена женскаго рода на *а* держатся здѣсь рѣшительно б-ы *ѣ*. За то въ мѣстномъ падежѣ преобладаетъ сія послѣдняя буква. — Отъ общаго очерка перейдемъ къ частностямъ.

Темы на *ь* собственный (или на *i*) и также на *и* принимаютъ знакомъ какъ дательнаго, такъ и мѣстнаго падежа б-у *и*, напр. *пути*, *огни* (позд. огню), *пріязни*, *чести*; *кнѧгыни*, *свѧтыни*. Точно также образуются оба падежа и отъ темъ консонантныхъ—*небеси*,

имени, дъщери (дочери). Съ перваго взгляда открывается разительное сходство между сими послѣдними Славянскими формами и формами мѣстнаго падежа въ Санскритѣ. Сл. *небес-и* (тема небес) и Санскритское *наб'ас-і* (тема наб'ас); далѣе, *имен-и* (тема имен) и *наман-і, дъщер-и* и *дуг'ітар-і* (въ обоихъ языкахъ классическихъ встрѣчаемъ въ дательномъ формы, совершенно подобныя симъ Санскритскимъ: θυγατερ-ι, *sermon-i* и пр.). Въ дательномъ же падежѣ Санскритъ какъ отъ темъ на согласную, такъ и отъ темъ на *і* оказываетъ двугласную *ê* [женскія же темы, „любящія бо́льшую полноту формъ"—Критическая грамматика § 127 а)—принимаютъ двугласную *âi*], усиляя при томъ тематическую букву *і*.

Темы на *а* образуютъ у насъ оба падежа, на оборотъ, одною буквою *ѣ*. Въ мѣстномъ падежѣ, прямо противъ нашей буквы *ѣ*, Санскритъ отъ темъ на *а* оказываетъ свою двугласную *ê*, на пр. *дêвê* изъ *дêва* + *і* (тема: дêва богъ), *гр̆іг'ê* изъ *гр̆іг'а* + *і* (тема: гр̆іг'а домъ); но отъ долгаго *â* происходитъ *âj-âм* на пр. *канjâ* (дѣвушка) въ мѣстномъ падежѣ *канjâj-âм*; *джіг'вâ* (языкъ), *джіг'вâj-âм* (*j*—вставка для раздѣленія гласныхъ). Въ Зендѣ отъ наконечнаго *âм* осталось одно краткое *а* (*г'ізваj-а*). Нашъ падежъ, равно мѣстный и дательный, отъ женскихъ темъ на *а*, по всему вѣроятію, остался вѣрнѣе себѣ, нежели Санскритскій мѣстный, который, по замѣчанію Боппа, можетъ быть—произошелъ изъ родительной формы (*джіг'вâj-âс*). Приведенная Боппомъ изъ Панініі Ведическая форма *дакшінâjâс* въ десницѣ, in

dextera, вмѣсто классической формы *дакшінâjâм*, сообщаетъ сей догадкѣ вѣроятность. — Въ дательномъ падежѣ, отъ темъ на *â*, Санскритъ ставитъ двугласную *âі*, оставляя тематическую букву въ покоѣ, и отдѣляя отъ ней падежное окончаніе полугласною *j* (*джîгвај-âі*). Въ нашемъ же дательномъ на *ѣ*, кажется, тематическая буква не осталась праздною, но сама приняла участіе въ образованіи падежа, соединившись съ образовательною буквою *і*.

Ибо доселѣ все заставляетъ думать, что здѣсь собственно образовательною буквою является сія послѣдняя; буква же *ѣ* обязана своимъ происхожденіемъ такому же процессу, какимъ и Санскритская двугласная *ê*, то есть, соединенію *а* + *і*. Сверхъ того, доселѣ можно также согласиться и въ томъ, что изъ обѣихъ Санскритскихъ формъ, дательной и мѣстной, преобладаетъ въ нашемъ языкѣ послѣдняя. Пойдемъ далѣе.

Имена муж. р. на *ъ*, *ь* (также *й*, замѣняющій *ь* послѣ гласныхъ), образуютъ въ Славянскомъ языкѣ дательный падежъ либо цѣлымъ слогомъ *ови*, *еви*, либо гласною *у* (*оу*), *ю*. Слогъ *ови*, *еви*, столь употребительный въ церковныхъ книгахъ, а также и въ памятникахъ архаическаго слога, нынѣ изчезъ, оставивъ по себѣ въ общепринятомъ языкѣ, на память, только два нарѣчія: *домой*, *долой* (=*домовь*, *доловь*—форма весьма употребительная въ лѣтописяхъ). Но другіе языки Славянскіе удержали форму—*ви* до нынѣ въ живомъ употребленіи. У Лужичанъ она господствуетъ: у Нижнихъ въ видѣ *oj*, у Верхнихъ

въ видѣ *ej* (*popoj—popej*; *duboj—dubej* но также и *dubeju* и пр.), стѣснила въ другихъ нарѣчіяхъ сильнѣйшую, а у насъ и у Сербовъ единственно употребляемую форму *у*. Не представляютъ ли Чешскій и Польскій какого либо этимологическаго различія между обѣими формами? Сей часъ подумаемъ, было ли въ Славянской древности это различіе; а нынѣ и въ этихъ нарѣчіяхъ, а равно и въ Церковномъ и Древнерусскомъ имена мужескаго рода принимаютъ ту или другую форму безо всякаго, ясно ощутимаго различія.

Ясно, что въ формѣ *ови*, *еви*, собственнымъ знакомъ надежа должно считать лишь наконечную гласную *и*. Что же дос лога *ов*, *ев*, то согласно съ принятымъ уже нами воззрѣніемъ, мы должны производить его отъ темъ на *у*. И еслибъ даже не прямо отъ нихъ; то все же должны мы отказаться рѣшительно отъ мнѣнія Автора *Филолог. Наблюд.*, видящаго въ б. *в*. не болѣе какъ вставку, въ предыдущей же гласной *о* или *е* бѣглую букву.

Прежде обратимся къ языкамъ Литовскому и Готскому.

Литовскій языкъ, хотя несравненно яснѣе нашего различаетъ темы своихъ именъ, однако и у него, въ дательномъ падежѣ, склоненіе на *у* отразилось въ склоненіи на *а*, напр. *wakaras* (вечеръ), *wilkas* (волкъ) являются въ дательномъ *wakaru-i*, *wilku-i*, совершенно за одно съ формами *sunu-i* (именит. sunus сынъ), *neprietelu-i* (именит. neprietelu-s непрія-

тель) и пр. Въ мѣстномъ же Литовскій строго соблюдаетъ тематическія гласныя, оказывая всегда во флексіи *é* или *je* (*j* epentheticum или *e* paragogicum?), напримѣръ: *wakarè*, *agni-j-e*, *sunu-j-e*.

Въ Готскомъ языкѣ хотя и не столь широко распространяется *у*-склоненіе въ падежѣ дательномъ, однако Готскій дательный, отъ самой темы *у* происходящій, еще въ яснѣйшемъ находится соотношеніи съ нашею формою.

	Гот.	Литов.	Славян.
Именит.	*sunu-s*	*sunus*	*сынъ*
Родит.	*sunau-s*	*sunau-s*	*сыноу* (*сынов-ъ*)
Дат.	*sunau*	*sunu-i*	*сыноу*, *сынови*.

Тѣмъ же путемъ въ Готскомъ языкѣ склоняются: *dauthus* (смерть) — *dauthaus*, *dauthau*. *Ulbandus* (верблюдъ)—*ulbandaus*, *ulbandau*. *Diabaulus* (διάβολος) *diabaulaus*, *diabaulau* и пр.

Готъ превзошелъ Литвина тѣмъ, что усиляетъ тематическую букву; Литвинъ Гота тѣмъ, что удержалъ знаменатель падежа; Славянинъ превзошелъ обоихъ, удержавъ усиленіе и падежъ; наконецъ позднѣйшій Русскій и Сербъ, потерявъ падежъ, сошлися съ Готомъ.

Обратимся теперь къ Санскриту. Замѣчательно, что и въ этомъ древнѣйшемъ членѣ нашего поколѣнія, вридд'и-дифтонгъ *ây* захватилъ въ мѣстномъ падежѣ даже и темы на *i*, подавляя передъ собою эту гласную.

Тема		мѣстный	дательный
сӯну	(сынъ)	*сӯнāу*	*сунавê*
агні	(муж. р. огнь)	*агнāу*	*агнаје̂*
вāју	(муж. р. вѣтеръ)	*вāјāу*	*вајавê*
д̔ēну	(жен. р. корова)	*д̔ēнāу*	*д̔ēнавê* и *д̔ēнваі*
б̔ӯті	(жен. р. мысль)	*б̔ӯтāу*	*б̔ӯтје̂* и *б̔ӯтаје̂*
б̔ану	(муж. р. солнце)	*б̔анāу*	*б̔анавê.*

Мѣстный падежъ у насъ менѣе, нежели дательный, далъ въ себѣ просторъ *у* склоненію. Темы на *а*, *о*, *е*, оказываютъ *ѣ*. Только имена на *ъ* могутъ оказывать въ мѣстномъ *у* (безъ флексіи съ однимъ усиленіемъ, какъ въ Готскомъ дательный, примѣры изъ Остром. *сыноу*, *домоу*, *полоу*). Въ сущности неотличаясь отъ дательнаго, онъ отличается отъ него нынѣ только удареніемъ.

Примѣч. Латышскій языкъ отъ именъ на *а* и *е* (по Стендеру V склоненіе) оказываетъ дательный падежъ на *ai* и *ei*: *bâbai*—бабѣ *leepai*—липѣ; *muttei* (им. mutte ротъ); отъ темъ консонантныхъ (т. е. отъ именъ VI склон.) *i*: *debbesi* (им. debbes) небеси. Для всѣхъ прочихъ темъ выходитъ суфиксомъ б. *м*: *sapni-m* (им. sapni-s сонъ), *krôga-m* (krôg(a)s-кружка), *leetu-m*—(leetus — дождь), *tirgu-m* (tirgus — торгъ) и проч. Что такое этотъ суфиксъ *м*: съ творительнымъ ли нашимъ и Литовскимъ имѣетъ связь, или съ дательнымъ же мѣстоименій и прилагательныхъ? Прилагательныя Латышскія дательный падежъ имѣютъ тоже на *м*: *labs* — добрый, *labbam* — доброму. — Въ мѣстномъ падежѣ, Латышскій, утративъ суфиксъ, оказываетъ лишь тематическую гласную, обыкновенно долготу отъ ней. *Krôgâ*, *tirgû*, *uggunê*, *debbesî*; но *bâba* имѣетъ рядомъ съ *bâbâ* также и *bâbai*. V склоненіе всегда *ê* либо *ei*—*muttê* и *muttei*.

Въ мѣстоименныхъ формахъ *ему*, *тому* и пр. сохранилась у насъ Санскритская мѣстоименная частица *сма*, которая уцѣлѣла также и въ Литовскомъ, а еще болѣе въ Готскомъ. Сл. съ нашимъ *кому* Санскритское *ка-сма-і* Зендское *ка-г̆ма-і* (*) Гот. hvamma (гдѣ б. *s* перешла въ *m* вѣроятно, въ силу закона уподобленія); Лит. *кат.* Въ Санскритѣ этотъ суф. *сма*, кромѣ мѣстоименій, нигдѣ непоказывается, а въ Готскомъ, Литовскомъ и Славянскомъ, онъ, кромѣ мѣстоименій, является еще и въ прилагательныхъ. Это, замѣтимъ кстати, явно доказываетъ, что въ Готскихъ прилагательныхъ также скрывается мѣстоименіе, и можетъ быть то самое, которымъ *опредѣляются* наши и Литовскія прилагательныя; это, слѣдовательно, служитъ сильнымъ доводомъ противъ Гримма и въ пользу Добровскаго, касательно свойства нашихъ прилагательныхъ опредѣленныхъ.

Итакъ, изъ Санскрита и Готскаго узнаемъ, что гласная, завершающая вышесказанный мѣстоименный суфиксъ, есть *а* (*сма*, по Гот. *mma*). Перейдя въ нашъ

(*) По всему вѣроятію, наша форма въ допамятной древности сближалась съ Зендскою, какъ мы видѣли въ родительномъ (cja—гê—го); иначе трудно объяснить увѣчье нашей формы: группа *см* могла бы устоять у насъ, но когда *с* превратилась въ *г̆*, то возникшую изъ того группу *гм*, языкъ могъ скоро износить и изгладить. Эти переходы зубной *с* въ *г̆*, общіе намъ съ Зендомъ, свидѣтельствуютъ, что гортанный элементъ въ древнѣйшую эпоху имѣлъ въ нашемъ языкѣ гораздо болѣе силы, чѣмъ въ послѣдствіи.

языкъ, сія буква, судя по аналогіи, могла бы и удержаться, могла бы и перейти въ *о* и въ *ъ*. Дѣйствительно, между нарѣчіями открываемъ мы нѣсколько экземпляровъ, носящихъ на себѣ несомнѣнную печать своего происхожденія. Это *камо, тамо , тамъ* (также *сѣмо, овамо, онамо* и проч.) Какъ въ этихъ нарѣчіяхъ, такъ и вездѣ, гдѣ появляется сей суфиксъ, недостаетъ ему, для полнаго сходства съ Санскритской формой, буквы *с*: она выпала, какъ и въ Литовскомъ.

Если сличить съ ними собственныя мѣстоименія *кому* и пр., то первыя безспорно должны быть признаны за древнѣйшую форму; ибо въ нихъ уцѣлѣла тысячелѣтняя тематическая буква *а* (наше мѣстоим. *ко*=Санскр. *ка*). Разобравъ на части форму *кому*, и сложивъ ее снова, найдемъ противнемъ Санскритскому *ка-сма*, Славянское *ко-мо* или *ко-мъ*. Падежная буква (*і*) приступившая къ темат. *а*, образовала въ Санскритѣ форму: *ка-смâі*, *êта-смâі* (этому) (*) и пр. У насъ аналогія существительныхъ такъ была сильна, что увлекла за собою и мѣстоименныя формы: вышло *кому* вм. ожидаемаго *кома-і*, или *комо-і*, или даже *комы*. Сербская форма *коме* (дат.) намѣкаетъ на древнѣйшее сочетаніе *а*+*і* (откуда слѣдовало

(*) Слово *этотъ*, не находясь въ Церковномъ нарѣчіи, небыло написано Кирилломъ; въ противномъ случаѣ, уродливая *э*, ни даже *е* сюда бы не попали, но стала бы непремѣнно б. *ѣ* – *ѣтотъ*=Санскр. *êта-с_êтат.*

бы ожидать *ѣ*), или даже на древнѣйшее *ы*; сл. *воде* вм. *воды*.

Въ мѣстномъ падежѣ частица *мо* (=сма) является въ древнѣйшемъ и собственномъ видѣ, какъ *мь*, гдѣ *ь* есть суфиксъ падежа, равный Санскритскому *i*; тематическая же буква, какъ у насъ, такъ и въ Санскритѣ, пропала. Сл. *том-ь* съ Санскр. *тасм-iн* (*н* paragogicum), *этом-ь* съ *ѐтасм-iн*; сл. также *ѥм-ь* само по себѣ и связанно, напр. въ *своѥмь*, съ Санскритскимъ *jасм-iн*.

У насъ ходятъ нѣкоторыя нарѣчія, умѣющія склоняться. Я разумѣю преимущественно нарѣчія времени и мѣста: *куда*, *туда*, *всегда*, *гдѣ*, *вездѣ*, *когда*, *тогда*, *всюду* и пр. Первая часть этихъ нарѣчій принадлежитъ мѣстоименіямъ *къ*, *тъ*, *сь*, *вьсь*. Но что такое сама заключительная частица *да*, *дѣ*, *ду*? Сл. наши нарѣчія, *когда*, *тогда*, съ Санскритскими *када̂*, *тада̂*; далѣе *ѥгда* *jада̂* (мѣстоим. *ja*=нашему *и* въ *иже*, *ꙗже*, *ѥже*); *нѣкогда* *ѐкада̂*, *всегда* *сада̂*, *иногда* *анjада̂*.—Боппъ (Vergl Gram. стр. 613) допускаетъ догадку, что *да̂* есть увѣчье отъ *дiва̂* (днемъ): корень *дiв* (сіять). Можно бы подумать, что въ нашихъ формахъ скрывается родительный, ибо онѣ сами собою разлагаются на *ког-да*, *тог-да*; однако здѣсь б. о стоитъ на мѣстѣ ъ-а (*къгда*, *тъгда* и пр.). Въ Сербскомъ *ка̏да*, *тада̂*, *са̏да* (nunc)—формы ближайшія къ Санскриту. Съ другой стороны можно, кажется, съ достовѣрностію полагать, что частица *да* находится въ связи съ рѣченіями *дiва*, *дiна* (=день),

но еще теснѣе можетъ быть связана эта частица съ нашими *давѣ*, *даве-ча*, *дав-ній*, состоящими, въ свою очередь, въ связи и съ *діва* и *діна*. Не пускаясь въ разысканія, здѣсь неумѣстныя, остановимся на томъ, что частица *да* вѣроятно обязана своимъ происхожденіемъ стяженію (=contractioni). Славянскій языкъ поставилъ на ноги эту полуумершую частицу, давъ ей, какъ особому рѣченію, силу означать неопредѣленную часть времени и пространства, и пустивъ ее въ склоненіе. Ибо частица *да*, *дѣ*, *ду*, въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, по всему вѣроятію, совпадаетъ съ временною частицею *да*, хотя, можетъ быть, первая нѣкогда была въ связи съ другою частицею, равною Санскритской *тас* (напр. *сварга-тас*, съ неба; *кутас*, πόθεν, откуда; *та-тас*, τόθεν, откуда; Боппъ приводитъ еще, какъ видоизмѣненіе этого суфикса, *д'ас*, напр. *а-д'ас внизу*). Какъ *когда*, *тогда* и проч. могутъ быть относимы къ родительному падежу, такъ *гдѣ* (кдѣ), *здѣ* (сдѣ), *вездѣ* (вьсьдѣ), *индѣ*, должны быть признаны формами мѣстнаго падежа. *Куда*, *туда* суть въ сущности *кѫда*, *тѫда* (сл. dokąd, stąd, tamtąd), т. е. *кон-да*, *тон-да*, или *кам-да*, *там-да*, и явно относятся къ дательному. Греческой πόθεν-τόθεν соотвѣтствуетъ у насъ двоякая форма: *откуду* (*откѫдоу*), *оттуду* (*оттѫдоу*) *и откy-да*, *отту-да*,— согласно съ двумя формами родительнаго падежа, *а* и *у*; а въ народѣ ходитъ даже форма: *откудова*, *оттудова*. *Всюду* т. е. *вьсѭдоу* должно быть отнесено болѣе къ дательному, а *всюдѣ*, т. е. *вьсѭдѣ* Поль-

ское *wszędzie*) болѣе кажется къ мѣстному: впрочемъ состязаніе между сими обоими падежами простирается даже до этой частицы. Не охотно оставляя этотъ интересный предметъ — ибо дѣло не ждетъ — замѣчу еще въ заключеніе, что въ памятникахъ качественные нарѣчія принимаютъ, вопреки нынѣшнему употребленію, мѣстный падежъ: куда? *на право*, *на лѣво*; гдѣ? *на правѣ*, *на лѣвѣ* и проч.: слѣдовательно живѣе чувствовали свое грамматическое значеніе.

*

* *

Винительный падежъ именъ на *а* ясно говоритъ самъ за себя, особенно древнимъ знакомъ своимъ, буквою ѫ. Сличи *вдовѫ* (Польск. *vdovą*) съ Санскритскимъ *відавâ-м*; рѫкѫ (Польск. *ręką*) съ Литов. *ranką*; *пълнѫ* (Польск. *pełną*) съ Латин. *plena-m*; *сирѫ* съ Греч. χήρα-ν; *твърдѫѭ* съ Литов. *twirtą-ję*, т. е. *twirtañ-jeñ*.

Что въ именахъ средняго рода въ винительнымъ совпадаетъ именительный, въ этомъ языкѣ нашъ поступаетъ согласно съ прочими языками Индоевропейскаго семейства. Но совпаденіе этихъ обоихъ падежей въ именахъ муж. и жен. рода замѣчается, кромѣ Славянскаго, только въ Готскомъ. *Гость gast*, *сынъ sunu*. Въ Готскомъ утраченъ знакъ винительнаго падежа въ существительныхъ повсюдно. Но отъ чего у насъ, вмѣстѣ съ формой *рѫкѫ*, не являет-

ся форма аналогическая, въ соотвѣтствіи съ Литовской *синй:* это рѣшить трудно. Авторъ *Филолог. Наблюд.* видитъ причину этой утраты въ стремленіи языка различать яснѣе формы падежей. Но форма *сынѫ* древнимъ правописаніемъ и выговоромъ достаточно отличалась бы отъ дательнаго *сыноу* (*).

Извѣстно также и то, что кромѣ именительнаго, нашъ падежъ сходится еще съ родительнымъ, при именахъ существ. одушевленныхъ. И это не позднѣйшая выдумка: родительный вмѣсто винительнаго встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ Церковныхъ, такъ собственно Русскихъ, Чешскихъ, и во всѣхъ нарѣчіяхъ.

Кромѣ этихъ обыкновенныхъ формъ винительнаго падежа, попадается весьма часто въ памятникахъ старой гражданской письменности Русской, вмѣсто винительнаго *у* (=ѫ) отъ темъ на *а*, форма тоже на *а*, слѣдовательно совершенно сходная съ именительнымъ падежемъ. На эту форму обращалось мало вниманія. Она появляется однако въ древнѣйшихъ памятникахъ народнаго Русскаго слова, наприм. въ Мьстиславовой грамотѣ. Въ Церковныхъ памятникахъ ея нѣтъ; но за то она сильна въ грамотахъ. Можно бы это принять за особою форму винительнаго падежа, возникшую въ нарѣчіи собствен-

---

(*) Можетъ быть ниже, при разборѣ родит. падежа множ. ч., этотъ случай найдетъ себѣ поясненіе.

по Русскомъ, черезъ простое усѣченіе заключительной б. *н*, *а* не черезъ ослабленіе ея въ носовой *извукъ* (анусвару.) ж, ѧ, потомъ въ *у*, процессъ замѣчаемый въ Церковномъ и во всѣхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но внимательное изученіе заставитъ судить иначе. Эта форма на *а* нисколько не стѣсняетъ собою другой и аналогически болѣе законной на *у*. Обѣ онѣ появляются дружно не только въ одномъ и томъ же памятникѣ, но даже въ предѣлахъ одного періода (*). Вотъ наше мнѣніе объ этой формѣ:

Она относится не столько къ этимологіи, сколько къ синтаксису, другими словами: это не есть какая либо особая форма винительнаго падежа, но оригинальное употребленіе именительнаго, которое въ свою очередь зависитъ отъ особаго употребленія неокончательнаго наклоненія. Ибо можно смѣло утверждать, что такое употребленіе именительнаго имѣетъ, по аналогіи, свое законное мѣсто только при неокончательномъ наклоненіи. Не говорилось: *взялъ правда, пошлина*, но говорилось: *взяти правда, пошлина*. Явно, что здѣсь вся сила въ неокон-

---

(*) Напр. билъ намъ челомъ, а сказываеть, что у него та грамота сгорѣла мѣновная, въ болшей пожаръ: и намъ бы его пожаловати, *дати* ему на то его село и на деревни *своя новая грамота* жалованая. И язъ царь....пожаловалъ *далъ* ему новую *грамоту жаловалную*. Истор. акты Арх. Экспедиціи № 215.

чательномъ : *взяти*, а потому намъ будетъ случай поговорить объ этой формѣ ниже.

* * *

При творительномъ падежѣ прежде всего останавливаетъ вниманіе сходство сего падежа въ мѣстоименіяхъ личныхъ съ дательнымъ Санскритскимъ отъ тѣхъ же мѣстоименій: *тобоѫ* (Руск. *тобою*, Серб. *тобом*, Польск. *tobą*) и Скр. дат. *туб'јам*. Если допустить сродство между сими формами, то появленіе буквы *о* въ Славянской формѣ легко объяснилось бы эвфонической причиной; въ Польскомъ и Сербскомъ, гдѣ выкинута *j*, можетъ быть нѣтъ этой вставки. Въ пользу сличенія говоритъ тѣсное сродство сихъ падежей въ другихъ языкахъ. Кто допуститъ это сличеніе въ мѣстоименіяхъ, тотъ не откажется допустить, что примѣръ мѣстоименій могъ увлечь и имена: *мноѫ*, *тобоѫ* стоятъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ *женоѫ*, *материѫ* и т. д. Во всякомъ случаѣ должны мы признать суфиксомъ творит. падежа, для темъ жен. р., букву *м* (въ Церковномъ и Русскомъ *ам* или *ом*), своимъ ли путемъ она произошла, или тѣмъ же самымъ, какимъ и суфиксъ *мь* именъ муж. и сред. рода, суфиксъ, о коемъ будетъ сей часъ рѣчь. Въ формѣ *женоѫ*, *вдовоѫ*, іота является какъ бы вставкою, для раздѣленія двухъ гласныхъ элементовъ (*). Въ нынѣшнемъ

(*) Сл. Санскритскій родительный *вӣд'авајас* и мѣстный *вӣд'авајам*. Близость сей послѣдней формы къ нашему творительному *вдовоѫ* весьма соблазнительна, хотя, по всему вѣроятію, только звуковая, а не этимологическая.

Русскомъ языкѣ сія вставная буква можетъ даже выражать цѣлое значеніе падежа, ибо собственный знаменатель его *у*=ѫ можетъ легко отпадать. Но удержавъ іоту, тѣмъ самымъ, можетъ быть, мы и уберегли самостоятельный видъ творительнаго падежа, между тѣмъ какъ въ Польскомъ (ręką) онъ совпалъ, въ формальномъ отношеніи, съ винительнымъ (ręką). Въ Чешскомъ сохранилось однако нѣкоторое различіе между обоими падежами: въ винительномъ стоитъ *u*, въ творительномъ двугласная *au* (ruku, rukau). Замѣтимъ еще, что какъ глаголъ *читать* даетъ у насъ настоящее *читаю* (чтаѭ), такъ у нашихъ соплеменниковъ выходитъ *читам.*

Примѣч. Боппъ думаетъ, что наша творит. форма есть то же, что и Санскритскій творительный, что *вдовою*= *вiд'авâ-jâ*; но онъ не зналъ значенія нашего наконечнаго *ю*, равнаго ѭ. Санскритскому *â* столь же мало соотвѣтствуетъ здѣсь наше *ю*, сколь мало соотвѣтствуетъ наше *у*, въ словѣ *цѣлую*, Санскритскому *â* въ *чараjâmi.*

Имена муж. и сред. рода образуютъ творительный падежъ суфиксомъ *мъ.* Но въ древнемъ Церковномъ нарѣчіи вм. *мъ* встрѣчаемъ *мь*: *гнѣвъмь*, *лицьмь.* Изо всѣхъ родственныхъ языковъ ближайшимъ здѣсь оказывается Литовскій: въ немъ темы на *у* и на *i* (отнюдь не на *a* ни женскаго, ни мужескаго рода) берутъ въ творит. единств. *mi* = *мь*: *turgus—turgu-mi*, *akis—aki-mi* (око), *smertis—smerti-mi* (смерть).—Какъ Боппъ, такъ и Павскій ставятъ нашу и Литовскую форму въ прямое соотвѣт-

ствіе съ Санскр. творит. множ. числа на *б'іс*: *с'ну-б'іс*. Сюда же относится Гомерическая форма на φι φιν, Латинскія мѣстоименія *vobis*, *nobis*. Дѣйствительно, во множ. числѣ того же падежа, Литовскій ставитъ совершенно подобную форму *smerti-mis*; Славянскій тоже, не терпя на концѣ согласной, *смрьть-ми*. А *mi* единств. числа *mi* точно также относится ко множ. *mis*, какъ Латин. *tibi* къ *vobis*. У насъ въ единственномъ числѣ вышло окончаніе *мь*, а во множ. *ми*, такъ что въ послѣднемъ утрата наконечной согласной какъ бы вознаграждена усиленіемъ гласной.— Кто допускаетъ здѣсь сличеніе съ Латинскимъ, тотъ можетъ допустить и болѣе законное основаніе для другой формы творит. единственнаго, *мъ*, сличивъ ее съ Латинскимъ суфиксомъ *bu* (*quercu-bus*).

*
* *

Нынѣ въ Русскомъ языкѣ нѣтъ ни при склоненіи, ни при спряженіи двойственнаго числа. Оно составляло однако его принадлежность во времена былыя, какъ вообще составляетъ принадлежность языковъ первообразныхъ. Церковнымъ нарѣчіемъ сохраненныя формы его представляютъ намъ одно изъ самыхъ древнихъ преданій въ языкахъ нашего семейства (*). Вотъ сличеніе падежей отъ числительнаго *оба* (см. Боппа Vergl Gram. стр. 357).

(*) Наши двойственныя формы превосходятъ даже и Санскритскія тѣмъ именно, что различаютъ повсюдно (т. е. и при глаголѣ) муж. родъ съ женскимъ.

	Санскр.	Зенд.	Слав.
Им. вин. зват. м. р.	*уб'а*	*уба*	*оба*
жен. и ср. р.	*уб'ê*	*убê*	*обѣ*
твор. дат. (также относит.) муж. ж. и ср.	*уб'â-б'jâм*	*убôі-бjа*	*обѣ-ма*
род. мѣстн. м. ж. ср.	*уб'аj-ôс*	*убôj-ô*	*обою* (т. е. *обо-і-оу*.

Нашъ двойственный, какъ видимъ, еще ближе къ Зендскимъ формамъ, нежели къ Санскритскимъ. Сл. далѣе: *волка* съ Сскр. (по парѣчію Вѣдъ) *врîкâ*, *вдовѣ* Сскр. *вид'авê*, *женѣ* Зенд. *женê*, *вдова-ма* Сскр. *від'авâ-б'jам*, *жена-ма* Зенд. *жена-бjа*.—Явно, что склоненіе *ма* образовалось изъ *бjа*, per elisionem τοῦj. Далѣе

брат-оу—*братр-ôс*

вдов-оу—*від'авâj-ôс*

Однако изъ современныхъ Славянскихъ нарѣчій только два сохранили двойственное число въ полномъ и живомъ употребленіи: это Хорутанскій и Лужицкій. Въ Русскомъ языкѣ ходитъ лишь нѣсколько выраженій, въ которыхъ оставила слѣдъ своего прежняго существованія эта древняя форма. Такъ наприм. *въ очью совершается; двѣстѣ; два человѣка, два волка* (сл. Зенд. *два пара, два верка*); *три, четыре* были увлечены примѣромъ *двухъ*.

* * *

О характерѣ именительнаго множ. числа, буквѣ *с* (Сскр. *çівâ-с*, *fratres*, ἄνδρες, Литов. rankos) говорить нечего: онъ не могъ удержаться у насъ. А

по усѣченіи его, оставалась, наприм. отъ темъ на *у*, такая форма: *сынов-е* = Cскр. *сӯнав-ас*; отъ консонантныхъ темъ, наприм. *дъщер-е* (=θυγατέρ-ες); по другой характеръ сего падежа, служащій въ Санскритѣ только мѣстоименіямъ, а въ Европейскихъ языкахъ распространенный на всѣ, по выраженію Павскаго, имена членныя (т. е. въ особенно близкой связи состоящія съ мѣстоименіями), въ Славянскомъ могъ уцѣлѣть и уцѣлѣлъ. Въ древности у насъ были не только формы: *мужи, мечи,* но и *бози, грѣси* и пр., т. е. тематическая гласная *ъ* во все отметалась, и небная согласная, отъ непосредственнаго соприкосновенія съ гласною *и*, перехолила въ зубную. Наше древнее *вълци* и Лат. *lupi*, по грамматикѣ, родные братья: какъ первое стоитъ вмѣсто *вълкъ-і*, такъ и второе вмѣсто *lupo-i*. Имена на *а* имѣютъ однако характеромъ своимъ *ы*, потому не *слузи* а *слуг-ы*. Имена на *ь* или на *а* съ предыдущею зубною, принимая въ именительномъ множ. ч. *ѫ*: *мрѣжѫ, волѧ, книгъчиѧ, вдовицѧ*, сами совершенно ясныя, уясняютъ также б. *ы* отъ темъ на *а* чистое; чѣмъ и воспользовался удачно Авторъ *Филолог. Набл.* Какъ *мрѣжѫ=мрѣжен*, такъ и *слугы-слуган*, а поелику обѣ эти формы стоятъ въ винительномъ падежѣ, и, по свидѣтельству родственныхъ языковъ, здѣсь ихъ собственное мѣсто; то въ именит. падежѣ онѣ должны быть признаны за переселенцевъ. — Такимъ же переселеніемъ объясняетъ Павскій нынѣшнее *ы*, вмѣсто древняго *и*, отъ темъ на *ъ*: *волки* вм. *волци, грѣхи* вм. *грѣси, рабы* вм. *раби.*

Темы средн. рода принимают б-у *а*. Сл. *имена* и Зендское *нâмана*, *nomîna*, *ὄνοματα*, Гот. *namona*; о Санскр. *нâмâнi*. Откуда же взялась въ Санскритѣ *i*, когда всѣ прочіе языки оказываютъ, *а?* Боппъ принимаетъ здѣсь *i* за ослабленіе тоѵ *а*. Не имѣемъ права въ дѣлѣ Санскрита подавать свое мнѣніе, но конечно не ошибемся, если объявимъ нашу букву *и* въ именительномъ множественнаго: *очи*, *уши* (отъ именъ: *око* ,*ухо*) зачисло двойственное.

Уже было не разъ замѣчено, что Русскій языкъ постоянно въ своей исторіи заботился о томъ, чтобы какъ можно болѣе упростить формы своего склоненія. И теперь, на нашихъ глазахъ, или лучше, въ нашихъ устахъ, оказываетъ Русскій языкъ свою всегдашнюю заботливость объ однообразіи формъ, оказываетъ именно въ желаніи подвести существительныя муж. рода подъ знаменатель именительнаго множ. ч. *а* (ѣ). Ему полюбился этотъ знаменатель, можетъ быть за быстроту, которую онъ, всегда держащій на себѣ удареніе, придаетъ слову. Конечно, этому желанію сильно противустоитъ преданіе; однако многія имена, близкія по значенію своему къ предѣламъ средняго рода, безусловно и давно покорились знаменателю *а*, и ходятъ уже не иначе какъ въ этой формѣ. Къ этому еще присоединилось то обстоятельство, что имена муж. рода давно уже отвыкли, какъ увидимъ ниже, отъ своихъ тематическихъ буквъ во множ. числѣ, и передъ консонантно начинающимися окончаніями оказываютъ всегда *а* (ѣ) (*).

(*) Авторъ *Филологич. Наблюденій* предлагаетъ догадку,

При именительномъ множеств.. на *ья* (ье, іе) слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчаніе Павскаго, сдѣланное имъ во 2-мъ Разсужденіи, на стр. 309 и слѣд. Тотъ же самый обычай употреблять собирательную форму имени за множ. число, существуетъ и у другихъ Славянскихъ племенъ. Такъ у Сербовъ *телад, момчад, Шокчад* и пр., формы, которыя отродились отъ именъ сред. рода на *ѧ*. *Телад* вм. *телѧта=телента.*

Не вездѣ однако окончаніе *іе, ье, ья,* можно принимать за собирательную форму или за отвлеченное имя сред. рода. Безо всякаго сомнѣнія, употребленіе этой формы въ словахъ: *старье, дурачье* и пр., приводимыхъ Павскимъ, вовсе нельзя смѣшивать съ формами, *людіе господіе, татіе* (т. е. *люди*-ю, *господи*-ю, *тати*-ю и пр.). Сіи послѣднія стоятъ на одной линіи съ Греческими (преимущественно Іоно-дорійскими) формами *πόρτι-ες πόλι-ες,* также *κί-ες* и пр., и слѣдовательно возникли изъ темъ на *і*. Точно также и въ Санскритѣ *патај-ас=ποσι-ες господи*-ю. Устройство этой формы представляетъ совершенную аналогію съ именит. множ. отъ темъ на *у*: *сынов-е.*— Отъ смѣшенія темъ не ушелъ конечно и этотъ падежъ.

что эта б. *а* въ именит. множ. числѣ отъ именъ муж. рода зашла къ намъ изъ Германскихъ языковъ, именно изъ Скандинавскаго. Еще можно допустить обмѣнъ словъ между языками, но заемъ падежа понять какъ-то трудно, и мы съ своей стороны никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ нашимъ филологомъ.

Въ Верхнелужицкомъ тѣмъ отличается эта форма, что ее принимаютъ имена существъ одушевленныхъ, или, лучше сказать, тѣмъ, что служитъ къ яснѣйшему выраженію ихъ личности и самостоятельности; такъ на прим. формою *мужойо*, *мужове*, означается совокупность существъ съ представленіемъ личности и самостоятельности каждаго изъ нихъ; формою *муже*, представленіе совокупности тѣхъ же существъ болѣе вещественное. Выраженія: *то бѣху делеиё*, *то бѣху Чехове*, значитъ то было доляие (т. е. люди, живущіе на долу, въ низу), то были Чехи; а выраженіе *деланы* означаетъ землю дольную, *Чехи*— Чехію (см. Gram. der wendisch—serbishen Sprache Іордана стр. 9).

* * *

Родительный множ. въ Санскритѣ *âм*, въ Греч. ων, въ Лат. *um*, въ Зенд. *аим* (слогъ, равный нашему *ѫм*), въ Литов. *и*, въ Гот. *ê*. Сверхъ того, Санскритскія мѣстоименія принимаютъ еще окончаніе *сам*, которое, измѣнившись въ Латинскомъ на *rum* (переходъ *s* въ *r* весьма обыкновененъ въ Латинскомъ), распространилось на первое, второе и пятое склоненіе, потому же (см. выше сдѣланное замѣчаніе объ именительномъ на *i*), можетъ быть, что имена, по этимъ склоненіямъ идущія, болѣе ощущаютъ связь свою съ мѣстоименіями. Въ нашемъ языкѣ изъ *âм* (ων, *um*) легко могло бы образоваться сначала *ѫ*, потомъ *оу* или *ȣ*. Летскіе языки, часто рука объ руку идущіе съ нашимъ, доказываютъ на

дѣлѣ сію возможность. Тамъ именно знакомъ родительнаго множ. ото всѣхъ темъ стоитъ *и*: въ Литовскомъ *и* долгое, въ Латышскомъ *и* краткое. Всѣ тѣ переходы случились, стало быть, очень давно, еще въ допамятную пору. У нас службу этого падежа отправляетъ б. *ъ* (для именъ съ умягченнымъ окончаніемъ *ь*, или замѣна его послѣ гласныхъ *й*). Эти *ъ* и *ь* никоимъ образомъ не могутъ быть приняты здѣсь за тематическіе: ибо всѣ имена, безъ исключенія, завершаются въ родит. множ. сими буквами. Онѣ безспорно должны быть признаны за собственный знаменатель сего падежа, и явно произошли изъ ослабленія бб. *у* и *ю* (*). Всего ближе къ нашему падежу тотъ же падежъ въ Латышскомъ:

sapnis	(сънъ)	род.	множ.	sapnu	—	сънъ	
debles	(небо)	—	——	debbesu	—	небесъ	
leepa	(липа)	—	——	leepu	—	липъ	
bâba	(баба)	—	——	bâbu	—	бабъ	
wilks	(волкъ)	—	——	wilku	—	волкъ	(волковъ)

А формы *овъ*, *евъ*, *ии*, *ей*, какъ произошли онѣ? Павскій предлагаетъ слѣдующую догадку: „Если," говоритъ онъ, „имя въ именит. падежѣ оканчива-

(*) Говоря о темахъ, мы нашли что многіе рѣченія должны быть подводимы подъ тему *ю*$=$*і*$+$*ў*, чего усиленною формою является на прим. въ звательномъ *ю* $=$*j*$+$*оу*. См. выше о двоякомъ происхожденіи буквы *ю*.— Въ этомъ случаѣ, какъ и въ тематической, *ю*$=$*і*$+$*ў*. Увѣчье состоитъ въ утратѣ втораго члена двугласной, *ў*.

лось на *ь*, то въ родительномъ падежѣ прикладывали къ нему другой *ь*, знакъ родит. падежа, и выходило ихъ два. Но извѣстно, что стеченія двухъ *ь*-ей мы избѣгаемъ посредствомъ вставки бѣглой гласной *е*. И такимъ образомъ отъ именительныхъ падежей *царь*, *родитель* и пр. произошли родительные множ. *царей*, *родителей* (вм. *царьь* и пр.). Такимъ же образомъ отъ *мужь* (=*мужь*)—*мужей*."— Въ именахъ же, кончающихся въ именит. ед. на *ъ*, Павскій отдѣляетъ *ъ* род. множ. отъ бѣглаго *о*, придыхательною буквою *в*: такимъ образомъ *духовъ* вм. *духъъ* или *духоъ*. Эта догадка почтеннаго филолога весьма многимъ вѣроятно покажется странностію, грамматическою фантазіею. Что касается до меня, то я отчасти согласенъ и съ нимъ, отчасти и съ тѣми, кому догадка его покажется странною. Страннымъ именно кажется то, какъ Павскій не замѣтилъ здѣсь своего противорѣчія съ своею же теоріею о буквахъ *ъ* и *ь*. Какимъ образомъ *ъ*=*h*, или же и во все не имѣющій никакой фонетической силы, можетъ быть употребляемъ на такія сложныя постройки? И потомъ, между какими же двумя *ь*-ми или *ъ*-ми стали бѣглыя *е* и *о*? Если въ словѣ *родителей* принять *й* за элементъ равный *ь*-ю, то все же мы недосчитаемся другаго *ь*; ибо *е* уже само по себѣ, какъ небная гласная, смягчаетъ предыдущую гласную.

Но что касается до возможности присоединенія *ъ* къ *ъ* или *ь* къ *ь*, то это не совсѣмъ такъ странно, какъ кажется съ перваго раза. Не только въ

этимологическомъ, оно и въ графическомъ отношеніи не должно казаться страннымъ; ибо дѣйствительно встрѣчается въ исторіи Славянскаго языка. Въ старинной Сербской письменности родительный падежъ обыкновенно означался удвоеніемъ либо буквы ъ, либо буквы ь.—Тамъ формы *родительь*, *духъъ*, не только были въ теоріи возможны, но и на самомъ дѣлѣ. Нынѣ у Сербовъ вмѣсто ъ-а стоитъ *а* (*пуша̂ка* пушекъ, *жѐна* женъ и пр.); оба ь слились въ одно *и* (*мисли* мыслей, *ктюри* дочерей и пр.). Въ Чешскомъ изъ этихъ двухъ ь-ей вышло тоже одно долгое *i* (*j* или *í*), на пр. *kostj*, *wlastj*=*костей*, *волостей*. Въ Церковномъ языкѣ (отъ именъ на ь) выходили два *и*: *заповѣдии*, *костии*.

Примѣч. Въ статьѣ о буквахъ, именно при разборѣ полугласной *j*, замѣчено было, что наконечное *и* въ Церковномъ языкѣ едвали можетъ быть принимаемо за сію полугласную. Отрицать однако эту возможность нельзя: есть случаи—и сюда именно относится разбираемый — которые много говорятъ за полугласное свойство наконечной *и*, когда ей предшествуетъ гласная, т. е. за равенство ея съ нынѣшней б. *й*.—Въ этомъ же мѣстѣ замѣчено было однако, что и букву *й* въ концѣ реченій сомнительно назвать полугласною, ибо ее можно назвать также и элементомъ двугласной. Не даромъ назвали мы эту букву сомнительной и обоюдной, а обо всемъ сомнительномъ и обоюдномъ, хотя бы то и о буквѣ, — что ни скажи, все будетъ сомнительно и обоюдно. Изъ того, что писцы церковныхъ книгъ не ставили, вмѣсто *й*, буквы ь, слѣдуетъ, что ь вовсе не можетъ быть названъ полугласной. Но какъ же эту роль присудили они буквѣ не

сомнѣнно гласной, и по нашему объясненію даже болѣе долгой, чѣмъ краткой|, какова *и*? Вспомнимъ, что Зендъ не иначе изображаетъ полугласную букву, какъ удвоеніемъ соотвѣтныхъ гласныхъ ; сообразимъ также и то, что въ элементѣ *й* слышится именно что-то двойное, оправдывающее Цицерона, который, по свидѣтельству Квинтиліана, тоже не иначе изображалъ полугласную небную, какъ удвоеніемъ б-ы *i* (Maiia, Aiio и пр.).

Въ Русскомъ языкѣ предыдущій *ь* темы не продолжился въ *и*, но остался, перейдя по правилу въ *е*: *заповѣдей*, *костей* Другой же *ь* перешелъ въ *й*, или лучше, изъ *ь*+*ь* вышелъ одинъ двугласный звукъ *ей*. Въ старинномъ Русскомъ языкѣ замѣтно колебаніе въ письменномъ образованіи этого падежа: *волостий*, *волостьи*, *свинье* (=свинес) и откуда уже *свиней*. См. Новогор. грам. — Первоначальное же образованіе родительнаго *овъ* должно быть совершенно ясно послѣ предложенныхъ разысканій о темахъ на *у* и фонетической силѣ *ъ-а*. Темы на *у* прямо давали это окончаніе: *сыновъ*=Готск. *Suniv-ê*. Въ древнѣйшихъ кодексахъ Церковно - славянскаго нарѣчія сія форма рѣдко встрѣчается, и притомъ именно въ тѣхъ рѣченіяхъ, которыя явно принадлежитъ къ *у*—темѣ. Такъ въ Остромирѣ читается и вышеприведенное *сыновъ*. Эту усиленную форму, какъ болѣе ясную, по праву полюбилъ нашъ языкъ, тѣмъ болѣе, что тематическое *у* (*ъ*), успѣло распространиться далеко за свои предѣлы, и изгнало въ именит. падежѣ букву *о* (=ă). Тоже самое должно разумѣть и объ окончаніи *евъ*, т. е. производить его

отъ темъ на *ю*. Въ памятникахъ часто чередуются формы *ей* и *евъ*: *товарищей* (тема на *ь* собственный: *товарищь*) и *товарищевъ* (тема на *ь* несобственный, *ю*: *товарищю*).

Болѣе полный суфиксъ этого падежа: Санскр. *сам* и *шам*, Латин. *rum*, Готское *zo*,—могъ уцѣлѣть у насъ. Это слогъ *хъ*, служащій мѣстоименіямъ, какъ и Санскритскій суфиксъ; да сверхъ того прилагательнымъ, по ихъ связи съ мѣстоименіями.

тѣ-хъ { Санскр. *тê-шам.*
Готск. *thi-zo.*

Точно также *и-хъ*=Санскрит. *ja-сам*, Латин.—*eo-rum*. Отсюда и *красныхъ святыхъ*, въ древнѣйшемъ видѣ *красны-и-хъ свѧты-и-хъ*.

Буква, ъ здѣсь, точно такимъ же процессомъ должна произойти изъ слога *ам*, какимъ она по аналогіи должна была произойти изъ того же слога въ родительномъ существительныхъ: *ам*, откуда ѫ, откуда *оу* (ŷ), откуда ъ (ў).

* * *

О дательномъ множествен. было уже упомянуто при дательномъ единств. Надо замѣтить, что Гриммъ первый сличилъ какъ наше, такъ и Литовское и Готское *м*, образующее эти падежи, съ буквою *б*., исполняющею тоже дѣло въ языкахъ Санскритскомъ, Латин. и Зендскомъ.—Въ слогѣ *мъ* дательнаго множ., *ъ* есть безпрекословно, какъ замѣчено выше въ статьѣ о буквахъ, выродокъ буквы *у*, если сличить, напримѣръ дательный падежъ мѣстоименія 1-го лица: *намъ*

съ Литовской тожезначащей формою *mi-mus*, которая въ свою очередь сравнима съ Латинскою формою *bus* (окончаніе этого падежа въ Санскритѣ *б'jac*). —

Этотъ суфиксъ *мъ* въ исторіи нашего языка, и вообще въ цѣломъ Славянскомъ племени, не потерпѣлъ ни какихъ измѣненій, но повсюдно утратилъ свою гласную; только въ Сербскомъ доселѣ ходитъ форма *ма* (*ъ* у Сербовъ, перешелъ въ *а*), напр. *орасима* (орѣхами) *женама, мислима, именама* и пр.—Но гласная между суфиксомъ и туловомъ (корпусомъ) слова заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Читатель конечно помнитъ, что вездѣ въ этой гласной видѣли мы не тунеядную какую то букву, слывущую подъ именемъ бѣглой, но крѣпкую принадлежность самой темы, принимающей живое участіе въ образованіи своихъ падежей. Это свойство промежуточной гласной въ языкахъ нашего поколѣнія впервые указано, на основаніи Санскрита, знаменитымъ сравнителемъ грамматикомъ, Боппомъ. — Теперь время и случай, показать еще яснѣе, что дѣйствительно такое значеніе имѣетъ буква эта въ Славянскомъ языкѣ. Имена, кончащіяся въ именительномъ единств. на *ъ*, напр. *воинъ* (т. е. воино) имѣютъ въ дательномъ множ. *воиномъ*; имена на *а*, наприм. *вода*—*водамъ*. Отъ чего тамъ *о*, а здѣсь *а*? Причина на виду. — Точно также, имена кончащіяся въ имен. ед. на *ь*, въ Церковномъ, удерживаютъ ее въ дат. множ., или же, что почти все равно, измѣняютъ ее на *е*: такъ *дверьмъ* и *дверемъ*.—Средніія на *о* тоже удерживали

эту букву, итакъ *дѣло* дѣло—*дѣломъ*. Эта древнѣйшая форма ходитъ и нынѣ въ выраженіи: *по дѣломъ*. Что же касается до формы *словесемъ*, то здѣсь б. *е*, если и можетъ быть признана за вставную букву, то со всѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ назвалъ бы ее бѣглою Павскій. Хотя сравненіе съ родственными языками и заставляетъ признать за тему *небес, чудес, словес*; однако же, по коренному правилу нашей древней фонетики, геній языка, подвергая сію тему различнымъ измѣненіямъ, могъ не иначе имѣть ее въ виду, какъ съ наконечной гласной *ь* или *е*. Такъ точно и слово: *телѧ*, хотя по сущности и имѣетъ темою своею *телент*, однако геній языка въ умѣ держитъ *телѧть* или *телѧте*. Но мы давно пишемъ: *воинамъ*, *мытарямъ*, *младенцамъ*, *дѣламъ*, *небесамъ*, *дверямъ* и проч. вм. *воиномъ*, *мытаремъ*, *младенцемъ*, *дѣломъ*, *небесемь*, *дверьмь* или *дверемъ*. — Въ этомъ вновь выразилось замѣченное уже нами стремленіе Русскаго языка приводить этимологическія формы къ простѣйшимъ или лучше однообразнѣйшимъ типамъ.

Въ древнемъ Церковномъ нарѣчіи дательный падежъ отличался, въ формальномъ отношеніи, отъ творительнаго единств. числа, не одной только гласной суфикса, но и гласною, соединяющею суфиксъ съ самимъ рѣченіемъ. *Рабъмь* и *рабомъ*. Это различіе строго выдерживается: отсюда ясно можно заключить, что въ Церковномъ нарѣчіи сіи двѣ буквы не совпадали и въ фонетическомъ отношеніи.

*
* *

Говоря объ именит. множ. ч, мы уже отчасти видѣли форму винит. того же числа. Господствующій характеръ его въ языкахъ Индоевропейскаго поколѣнія есть либо *с*, либо *н*. Въ Готскомъ языкѣ въ большей части именъ появляется *н* и *с* вмѣстѣ (*fiskans*, *hlaiba-ns* и пр.); потому Гриммъ заключаетъ, что въ другихъ языкахъ винит. множ. сохранился не въ цѣлости. Боппъ въ Словарѣ (стр. 129) указываетъ на Ведическую форму *гирî-нр*, и тоже заключаетъ, что *нс*(=*нр*) было полнѣйшимъ знаменателемъ сего падежа. — Ни то, ни другое окончаніе устоять у насъ не могло, тѣмъ менѣе двѣ согласныя вмѣстѣ. Но слѣдъ согласной *н*, въ древнѣйшемъ періодѣ нашего языка, сохранился въ буквѣ ѧ: отъ темъ на небную гласную (а=ıа, ь=jo) древняя форма винит. падежа такова: *доушѧ*, *дѣлателѧ*, *Садоукеѩ*. Б. *ы*—темъ съ твердымъ окончаніемъ, состоя въ короткомъ сродствѣ съ буквою ѹ (Чеш. *au*), граничитъ черезъ нее съ ѫ,—и потому наше *вълкы* (нынѣ волки) идетъ легко въ сравненіе съ Скр. *врîкâ-н* и еще болѣе съ Греческимъ λύκους (изъ λυκονς). — Темы же на *ь* собственный (=*і*) выступаютъ у насъ въ этомъ падежѣ съ одною тематическою гласною, можетъ быть продолженною, въ награду за утрату падежнаго знаменателя *с* (впрочемъ въ Санскритѣ предъ окончаніемъ этого падежа тематич. *а* продолжается), который, какъ согласная, на концѣ былъ не состоятеленъ. И такъ сл. *огни* съ Санскритскимъ

агні-н; *гости* съ Готскимъ *gasti-ns*; —*прійзни* съ Санскритскимъ *прîmî-с*; *дани* съ Готскимъ *dêdi-ns* (*dêds facinus*); *вдовы* съ Санскритскимъ *вiд'авâ-с*; *обиды* съ Литовскимъ *abidâ-s*.

Буква *ы* жен. рода, вѣроятно, появилась изъ того же источника, изъ котораго эта буква вышла въ винительномъ отъ именъ муж. рода.

*
* *

Творительный множ. на *ми* довольно уже объясненъ предыдущими разысканіями. Сл. *ржка-ми* съ Литовскимъ *ranko-mis*; *на-ми* съ Латинскимъ *vo-bis*; *кость-ми*, *вдова-ми* съ Санскритскими *аст'i-б'iс*, *вiд'авâб'iс*; *жена-ми* съ Зендскимъ *жёнâ-бiс* (тема жёнâ жена). Но есть въ Славянскомъ языкѣ другая форма этого падежа, б. *ы*, которая служитъ именамъ на ъ (имена муж. на *ь*, послѣ плавныхъ и мягкихъ зубныхъ, оказываютъ здѣсь, по свойству выговора, *и*, вмѣсто *ы*). Въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ всѣ темы сведены въ этомъ падежѣ къ одному знаменателю, всѣ кончатся на *ами* и *ями*. Но въ древности различіе строго выдерживалось. Въ Церковномъ языкѣ во все невозможна форма *рабами*, возможна только *рабы*. Въ старинномъ Русскомъ (а въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и доселѣ) возможны обѣ формы: *рабы*, преимущественно тогда, когда тутъ же стоитъ съ окончаніемъ *ми* прилагательное, и *рабами*, когда нѣтъ прилагательнаго: *рабы своими* и *рабами его* (это впрочемъ не такъ строго выполнялось у насъ, какъ выполняется нынѣ у Чеховъ). Отчего же Славянскій языкъ не пользовался повсемѣстно

формою *ми*, тѣмъ болѣе, что въ буквѣ *ы* творительный падежъ, въ формальномъ отношеніи, совершенно совпадаетъ съ винительнымъ? Надобно предполагать существованіе какой нибудь понудительной причины, заставившей языкъ держаться этой неясной формы. Дѣйствительно, и въ родственныхъ языкахъ есть особая форма творит. множ. ч., форма, служащая именно тѣмъ самымъ темамъ, какимъ у насъ служитъ *ы*. Это форма *іс* (какъ думаютъ, увѣчье отъ полнѣйшаго *б'іс*); отбросимъ *с*, останется *і*. Если возьмемъ въ примѣръ Литов. *wilka-is*, Скр. *врікâ-іс*, Латин. *lup-is* (вм. lupo-is); то предположивъ аналогическую форму для творит. множ. отъ нашего слова *волкъ*, именно *волко-іс* или *волкъ-іс*, мы иной формы и получить не можемъ, какъ *волкы*, когда откинемъ наконечную *с*. Примѣру этому послѣдовали имена на *ъ* собственный и имена на *ь*.

Примѣч. Можно думать, что дательный и творительный падежи вышли изъ одного источника. Боппъ ставитъ собственнымъ суфиксомъ этихъ падежей частицу *б'і*, которая, по его догадкѣ, утратила свою согласную въ дательномъ единств. ч. (*і* отсюда *ѐ*). Въ дательномъ и творительномъ двойственнаго явилась она въ видѣ *б'ја*; въ дат. и множ. ч. въ видѣ *б'јас*, въ творит въ видѣ *б'іс* и просто *іс*. Всѣ эти виды, принимаемыя симъ суфиксомъ въ Санскритѣ, оказались и у насъ (*і*, *мь*, *ма*, *ми*); но вездѣ губная *б* ослаблена въ губную же *м*, какъ и въ Литовскомъ. Мы видимъ ихъ у себя не только въ ходѣ склоненія, но и въ кристаллизаціи нарѣчій; какъ напр. *вельми*, *кольми*, а также *кольма*, *тольма*, *ельма* и пр. Всего интереснѣе между сими нарѣчіями форма *весьма* отъ мѣстоим. *весь* (Санскр. *віçва*): *ма* явно примыкаетъ къ формѣ суф. дательнаго множ. ч., и *весьма* въ сущности значитъ какбы *omnibus*. Боппъ готовъ подвести подъ тотъ же суфиксъ нарѣчія, о кото-

рыхъ шла выше рѣчь, и которыя отнесены нами къ другому суфиксу, именно *тамо, камо*, и пр. Сл. ходящія въ простонародномъ говорѣ *кричма*, *ревма*, а также *стоймя*, *ливмя* и пр., которыя однако сомнительны. См. ниже о причастіи на *мъ*.

* * *

Остается сказать о формѣ мѣстнаго падежа множ. ч. Въ Санскритѣ суфиксъ его есть *су*, и также *шу*; въ Зендѣ либо *ѓва*, либо *шва*; въ Литов. *sa* (se); въ Латыш. *s*; въ Греческомъ падежъ дательномѣстный кончится на σι. Ясно, что въ ближайшемъ соотношеніи нашъ суф. *хъ* стоитъ съ Санскритскимъ *су* и *шу*. Сходство не ограничивается однимъ суфиксомъ: какъ въ Санскритѣ темы на *а* (=*о*) измѣняютъ здѣсь сію послѣднюю букву на *ê*, такъ точно и у насъ въ древнемъ склоненіи стоитъ *ѣ*. Всѣ прочія тематическія гласныя остаются въ Санскритѣ неизмѣнными: у насъ тоже.

врікê-шу — вълцѣ-хъ и *волкѣ-хъ* (послѣднее въ позднѣйшей Русской письменности).
агні-шу — огнь-хъ.
аст'і-шу — кость-хъ.
від'ава́-су — вьдова-хъ.
шіла́-су — сила-хъ.

Наконецъ, сличимъ встрѣчаемое въ Остромирѣ *домъ-хъ* съ Сскр. *су́ну-шу=сынъ-хъ*, вмѣсто чего однако попадается *сыновъхъ* (см. Instit. ling. Slav. стр. 467).

* * *

Разысканія о формахъ нашего склоненія уяснили и подтвердили главные результаты предыдущей статьи о силѣ звуковъ, составляющихъ языкъ Славянскій. Что консонантизмъ въ исходѣ рѣченій былъ не любъ

его генію, видно изъ того, что всѣ падежныя окончанія, на согласную исходящія, подверглись измѣненію; тѣже, которыя, по указанію родственныхъ языковъ, первоначально заключались гласною, сохранились и по нынѣ въ удивительной свѣжести, по истеченіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Съ этимъ положеніемъ соединенный вопросъ о буквахъ *ъ* и *ь* получаетъ новый отвѣтъ, во всемъ согласный съ приведенными выше доказательствами объ ихъ фонетической силѣ. Здѣсь онѣ показываютъ себя и этимологически не излишними: мы видимъ ясно, что эти буквы для завершенія падежныхъ окончаній не со стороны призваны, но стоятъ на своемъ посту искони. Напр. суфиксъ родител. ед. ч., буква *с*, какъ согласная, на концѣ не могла устоять, но таже буква, какъ суфиксъ родит. мн. ч., уцѣлѣла въ видѣ *х* (ибо полное окончаніе въ Санскритѣ *сам*, въ Латинскомъ *rum* (изъ *sum*), и буква *ъ*, стоящая за нею, также существенна, какъ и сама она. *М*-буква должна была пропасть въ этомъ падежѣ, но въ дательномъ множ. она уцѣлѣла твердо, подъ защитою буквы *ъ*; ибо полное окончаніе этого суфикса въ родственныхъ языкахъ есть *mus=bus*. Буква *с* на концѣ этого падежа не устояла, но въ мѣстномъ множ. числа сохранилась, благодаря послѣдующей *ъ* буквѣ и проч.

И такъ не одни люди, но и буквы подвержены превратностямъ случая: что въ былое время давало другому защиту, само нерѣдко остается беззащитнымъ и забытымъ.

2. *О Глагольныхъ формахъ.*

Добровскій раздѣлилъ глаголы Славянскаго языка по ихъ образованію на 6 формъ или классовъ, изъ коихъ къ первому отнесъ глаголы, не принимающіе никакой характерной гласной, передъ суфиксомъ неокончательнаго наклоненія *ти* (ть). По всѣмъ остальнымъ распредѣлены глаголы, принимающіе различные образовательные элементы: *ну* (II кл.), *ѣ* (III кл.), *и* (IV кл.), *а* (V кл.), *ова* (VI кл.).

Въ I-мъ классѣ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего глаголы, сопрягаемые непосредственно съ личными суфиксами. Ихъ весьма немного. Вотъ они: *Есмь, еси, есть* [1]). *Ѣмь* или ꙗмь (эвфонич. вм. *ѣдмь, ꙗдмь* — нынѣ *ѣмъ*), *ꙗси* (нынѣ *ѣшь*), *ꙗсть* (нынѣ *ѣстъ*) [2]), но *ꙗд-е-ва* [3]). *Вѣмь* (эвфон. вм. *вѣдмь*), *вѣси, вѣсть* [4]). — Въ Русскомъ языкѣ не употребительна послѣдняя форма кромѣ одного повелительнаго *вѣдь*, получившаго видъ частицы, и 3-го лица единств. ч. *вѣсть*, въ обычномъ выраженіи „*Богъ вѣсть.*" — *Дамъ* (*дамь* вм. *дадмь*), *даси, дасть* [5]), — форма, принявшая значеніе будущаго времени, какъ Греч. εἶμι (см. Бутмана Ausführliche Gram. стр. 555).

---

[1]) Сл. Санскр. *ас-мі, асі, асті.* [2]) Санскр. *адмі, атсі, атті* [3]) *адвас* [4]) *вêдмі, вêтсі, вêтті* [5]) *Дада́мі* (кор. *да́* III кл. удвояющійся; сл. *δίδωμι*) *дада́сі, дада̂ті.* Въ нашей формѣ корень пропалъ—осталось лишь его усугубленіе.

Вотъ все, что удержалъ нашъ языкъ отъ глаголовъ, непосредственно спрягаемыхъ. Сохранивши свою древнюю особенность, эти немногіе глаголы оказались неправильными. Но въ сущности, не они должны быть названы неправильными, а тѣ изъ глаголовъ, которые, будучи рождены въ этомъ классѣ, не удержались въ немъ, соблазненные примѣромъ другаго сильнѣйшаго спряженія. Таковы *иду*, *буду*, *стану*, *дѣну*.

Корень глагола *иду*—*i*—появляется почти во всѣхъ языкахъ нашего поколѣнія. Въ Санскритѣ, Греческомъ и Литовскомъ онъ усиляется: *ê-мî*, *εἶ-μι*, Литов. *ei-mi* (къ усиленной же формѣ, вѣроятно, примыкаетъ и Латинское *eo*). У насъ, по аналогіи, должно бы было выйти либо *и-мь*, либо *ѣмь* (*ѣми*); но совершенно неожиданно оказалось *и-ду*, т. е. *идѫ* (=*и-дам*). Въ Сербскомъ окончаніе тоже самое, коренная буква однако въ повелительномъ наклоненіи сближается съ усиленной формой этого корня въ другихъ языкахъ: *ajди* (на пр. *брзо ajди протопоп Недѣљко*). Сюда же можно, безспорно, отнести глаголъ *ѣ-ду* (*ѣ-х-ать*). — Готскій языкъ въ этомъ глаголѣ оказываетъ тотъ же суфиксъ: *iддjа*.

Откуда же взялся этотъ суфиксъ, такъ кстати помогшій нашему глаголу вступить въ спряженіе? Боппъ полагаетъ, что этотъ суфиксъ произошелъ отъ глагольнаго же корня, по Санскритски *д'â*, по нашему *дѣ* (дѣть). Трудно принять эту догадку; однако она имѣетъ въ свою пользу нѣсколько данныхъ.

Намъ кстати было коснуться ея, потому что слѣдуетъ теперь осмотрѣть этотъ интересный корень, играющій весьма важную роль въ Индоевропейскихъ языкахъ, вмѣстѣ съ другимъ, о которомъ было сказано выше, и который едва ли не совпадаетъ съ нимъ въ своемъ началѣ, именно съ корнемъ *да* (*дать*).

Дѣть, въ выраженіяхъ: *куда дѣть, дѣвать*, значитъ *положить*, и въ этомъ основномъ значеніи своемъ нашъ корень *дѣ* совершенно равенъ Санскритскому *д'â*, Греч. *θη*, Литов. *де* (*детi*). Форма *дѣну*, употребляемая нынѣ въ значеніи будущаго времени, оказываетъ въ своемъ составѣ букву, образующую особый классъ глаголовъ (2-й), о которомъ будетъ сказано ниже. Равно и глаголъ *стану*, вмѣсто *стамь* или *стамъ*, употребляется, въ значеніи будущаго времени, съ тою же образовательною буквою *н*: *стану*. Корень *ста* (въ Санскритѣ усугубляется: *тiшт'âмi, тiшт'â-сi, тiшт'âтi*. Сл. Греч. ἵστημι, ἵστης, ἵστησι).

Воротимся къ корню *дѣ*. Вмѣстѣ съ значеніемъ *полагать*, содержитъ онъ въ себѣ еще значеніе *творить*, *дѣлать*. Особенно въ Зендѣ сильно это послѣднее значеніе.

(*) Корень *д'â* удвояется подобно корню *дâ* (*дад'âмi*, *τίθημι*). Въ нашемъ глаголѣ *дѣть* удвоеніе незамѣтно; однако въ производныхъ *воздежу*, *надежиии*, *надежда*, *одежда* и пр. вдругъ оказывается сверху удвоеніе. По удивительному инстинкту языка въ сихъ производныхъ стоитъ не *ѣ*, а *е*; ибо въ удвоенномъ слогѣ должна быть краткость, а не долгота.

Сверхъ того, онъ имѣлъ у насъ еще одно значеніе, которому малымъ памятникомъ осталась частица *деи* и *де*, употребляемая нынѣ въ просторѣчіи, а встарину и въ слогѣ важномъ: ею наполнены старинныя грамоты.—Это значеніе *говорить*, съ которымъ глаголъ *дѣять* ходилъ въ старое время. Это ясно видно изъ древнѣйшихъ памятниковъ Чешской словесности. См. напр. Starob. Sklad.

Если глаголъ этотъ могъ дойти до частицы *де*, то что же, въ формальномъ отношеніи, могло бы стать ему поперекъ, на пути къ глагольному суфиксу *д—дѫ*?

Готскій языкъ явно употребляетъ этотъ же самый глаголъ въ качествѣ помогательнаго: это было выставлено на видъ Боппомъ еще въ 1816 г. (см. Conjugations-system etc. стр. 151 и слѣдд), и потомъ принято Гриммомъ (см. Deutsche Grammatik Т. I. стр. 1042). Совершенное время *Sôk-i-da*, множеств. *Sôki-dê-dun*, составлено изъ глагола *sokja-n* (=нашему *сои-и-ти*. См. Рус. Правду), т. е. искать, и глагола, равнаго нашему *дѣти* (Санскр. *д'â*, Греч. *θη*), имѣющаго въ Англосаксонскомъ корнемъ своимъ: *dâ*, въ Верхненѣмецкомъ древнемъ: *ta*, а въ Готскомъ сохранившагося только въ формѣ отвлеченнаго существительнаго *dê-di* (именит. *deds*), совершенно равнаго нашему *дѣти* (Гот. *д* вм. *т*, по извѣстному закону перебоя согласныхъ. См. выше о буквахъ). *Soki-dêdun* въ разложенномъ видѣ своемъ будетъ совершенно то же значить, что и Новонѣ-

мецкое *suchen thaten*, форма, весьма часто слышимая въ народѣ, равно и *suchen thun=soki-da.*—Къ тому же корню относитъ Боппъ и суф. θη Греческаго аориста (ἐτύφ-θην-θήσομαι).—Въ Зендѣ разысканіями Бюрнуфа, Виндишмана, Боппа, открыто и доказано участіе сего глагола (*д̕â, дѣ*) въ образованіи и спряженіи другихъ глаголовъ. Напр. *јаож-да* (чистить, очищеніе дѣять), глаголъ, который, какъ полагаетъ Виндишманъ (Jenaische allgemeine Litteratur-Zeitung. 1834. N 138 стр. 143, 144, въ критическомъ разборѣ І-го тома Бюрнуфовыхъ Commentaires sur le Yaçna), находится въ связи съ Санскритскимъ корнемъ *југ*, съ которымъ равняетъ онъ и Латинское jus, jurare. Далѣе *јаож-дâiti, il purifie* (см. Yaçna стр. 360 т. I. примѣч.), *очищеніе дѣетъ*.

Очень возможно съ этимъ образовательнымъ *да* Зенда сличить нашу частицу *да*, играющую значительную роль въ спряженіи Славянскихъ глаголовъ, особенно въ Сербскомъ и еще болѣе въ Болгарскомъ нарѣчіи, гдѣ она, въ связи съ лицами настоящаго времени, замѣняетъ неокончательное наклоненіе. Такъ (см. Бюрнуфа на приведен. мѣстѣ) Зендскій глаголъ *çнâ* (=Санскритскому *снâ—мыть*), спрягаясь по темѣ 2-го (Санскритскаго) класса, даетъ въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени *фраçнâiti*, il se lave, и съ помощію глагола *д̕а* (уже по темѣ 1-го класса) *фраçнадајен*, qu'ils lavent, да моютъ. — Въ Русскомъ просторѣчіи ходитъ также въ качествѣ частицы повелительное *дай* (дай сдѣлаю). Вообще глаголы *да* и *дѣ* (д̕â и дâ) часто во все не могутъ быть различены.

Какъ Санскритское *çрадд'â* (вѣра) разлагается на *çрат-д'â*, откуда *çрад-дад'âмi*, по Римски *cre-do, cre-didi* (Виндишманъ раздѣляетъ даже Зендское *мiжда* на *мiж-да*, рѣченiе соотвѣчающее Греческому μισ-θος, нашему *мьзда*, и сличаетъ *да* съ Греческимъ θος (отъ θεω, τίθημι); а коренное *мiж*, μισ, Лат. *mer*, на пр. въ рѣч. merx, mer-c-s съ Санскритскимъ *мас*-мѣрять, вѣсить); такъ можетъ быть раздѣлено и наше *владѣть* на слѣдующiе составные элементы: *вла-дѣть*. *Вла* относится явно къ корню *вол* (Латин. *vol-*, Греч. βουλ-; Санскрит. *врî—вар*—избирать) откуда *волить, воля;* такъ что *владѣть* въ сущности будетъ значить *волю дѣть, полагать, voluntatem ponere, wollen thun*. Отсюда существительное *влада*. Труднѣе, однако можно, доискаться и въ глаголѣ *красть* корня *да, дѣ,* если коренной слогъ *кр*(изъ *кър*?) сличить съ Санскритскимъ *чур* (красть), *кра-жа* (кра-жда).—Въ пользу Бопповой догадки говоритъ то, что дѣйствительно въ нашей формѣ *идѫ* замѣтенъ суфиксъ *да*, ибо *идѫ= и-дам;* б. *м.* есть личный суфиксъ, и такъ *и-да-м.* Глаголъ *буду*, по значенiю своему, не охотно допускаетъ возможность этого процесса; однако въ формѣ своей представляетъ нѣчто еще болѣе странное: ибо *бѫдѫ= бам-дам.* Нѣтъ ли въ формѣ *бам* стяженiя (сл. Санскр. *б'авâмi*)? Впрочемъ носовая могла появиться неорганически изъ *ô, оу,* обратнымъ процессомъ. Но странно, что языкъ, разъ употребивъ этотъ корень на помощь спряженiю, далѣе не пользовался имъ. Можно бы еще привести Сербскiя формы *знадем, имадем* („да имадем брата од заклетве"), *знадо, имадо,* а еще болѣе *кђедо*

или *ктедо* отъ помогательнаго глагола *ктети.* Но не желая рѣшить дѣло опрометчиво и прибавлять догадки къ догадкамъ, мы оставляемъ его въ подозрѣніи.

Касательно вставной гласной, употребляемой глаголомъ 1-й формы, трудно рѣшить имѣла ли она древле образовательное значеніе или просто фонетическое. Глаголы нашей первой формы, кажется, большею частію соотвѣтствуютъ Санскритскому первому же классу, гдѣ служитъ образовательная буква *а.* Эта буква появляется и у насъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ открыто. Напр. *брать, жрать.* Что здѣсь б. *а* не принадлежитъ корню, явно какъ изъ самого спряженія, такъ изъ сличенія съ Санскритомъ: *б'ар-а-ті* (также и по 3-му классу *бі-б'арті*), *гір-а-ти.*—*Деру* Санскр. *дрї-на-ти* (9 кл.), но также и по 1-му классу (*дараті*); однако здѣсь уже въ значеніи *бояться* (*to fear, to dead,* у Вильсона).—*Мереть,* глаголъ почти не употребляемый въ формѣ этого класса, замѣняется второобразною формою *умирать.* Въ Санскритѣ ему отвѣчающій корень *мрї* встрѣчается только въ формѣ залога возвратнаго (атманêпадам): *мріјатê,* какъ и Лат. *moritur.*—*Печь-пещи* (эвф. вм. *пекти*), Санскр. кор. *пач* 1-го класса: *пачаті, печеть.*—*Трѧсти,* Санскр. кор. *трас* 1-го класса: *трас-а-ті,* Лат. *tre-m-e-re* (Лат. форма объясняетъ носовое ѧ въ нашей формѣ). *Везти* Санскр. кор. 1-го кл. *ваѓ-а-ті, vehit.*—Глаг. *нести,* по всему вѣроятію, можетъ быть сличаемъ съ Санскрит. кор.

ni (*ducere*, *ferre* — 1-го кл. съ гуной *najami* fert) и съ Греческимъ νε (*ire*, *venire*). Какъ Греческое νέω, такъ и Латинское *neo* значитъ еще *прясти*, что очень легко подходитъ подъ общее значеніе *вести*. Наше слово *нить* показываетъ, что нѣкогда и у насъ жилъ этотъ корень въ своемъ собственномъ видѣ; оно осталось отъ той эпохи одинокимъ и мало помнитъ о своемъ происхожденіи; образовалось же оно, какъ всякій видитъ, совершенно сходно съ словами *плеть*, *честь* и пр. Откуда же взялась зубная *с*? Есть и въ Греческомъ другая форма того же слова, νίσσομαι, гдѣ вмѣсто одной видимъ двѣ сигмы, напоминающія Литовскую форму *neszu*. Всѣ эти формы съ прибавочной зубной Боппъ въ Словарѣ сличаетъ съ Санскритской будущей формой *нешјâмі*. Если такъ, то въ б. *с* уцѣлѣлъ у насъ, безсознательно и сросшись съ корнемъ, еще въ допамятную эпоху забытый и покинутый знаменатель будущаго времени.

Глаголъ *пи-ть* (=Греч. πίνω, Латин. *bibere*) точно также, какъ и прочіе, оказываетъ въ спряженіи соединительную гласную *е* или, euphoniae causa, ю. Соотвѣчающій ему въ Санскритѣ корень *па* относится, въ значеніи *пить*, къ 1-му классу (по 2-му классу *пâ-ті* у Вильсона имѣетъ значеніе to cherish, to nourish. Сл. наше *пай*, *паекъ*, Латин. *pabulum*: о буквѣ *b* въ Латин. формѣ, см. нѣсколько строкъ ниже); но имѣетъ ту особенность, что въ спряженіи принимаетъ слогъ *ва*, объясняемый изъ слога *па*, такъ что *пiвamі*, *пiвaci*, *пiвâмі*, принимается за усѣ-

ченную форму отъ *папа*, и сличается съ Латинскимъ *bibere* (въ нарѣчіи Ведъ дѣйствительно употребляется форма *пабаті*, отчасти подтверждающая это мнѣніе: Сл. Glossar 214 стр.). Не есть ли однако этотъ Санскритскій слогъ *ва* и *ба*, и Латин. *be* тоже самое, что и наше *ва* въ формѣ *пивать*? т. е. не вышла ли *б* изъ полугласной *в*, появившейся для раздѣленія гласныхъ элементовъ? У насъ слогъ *ва* въ формѣ *пивать* образуетъ особую глагольную породу, о которой рѣчь впереди. Но *во* въ словѣ *пиво* явно примыкаетъ къ той распространенной формѣ *піва*=*bib*, и слѣд. не правъ авторъ *Филолог. Наблюденій*, объясняя его изъ причастной формы (=*ло*). Причинная форма *по-и-ть* (по Санскрит. *пајајâмі*) стоитъ въ ближайшей связи съореннымъ *па*, которому въ Греческомъ соотвѣтствуетъ, какъ и у насъ, *по*: πέπωκα, πῶθι, въ Латин. *po-to*.—Точно также глаголъ *жить* оказываетъ въ спряженіи и словообразованіи букву *в*, опущенную, въ неокончательномъ наклоненіи, ради благозвучія, но принадлежащую корню, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Санскр. форма этого корня, *джів*.—Нашъ глаголъ *пью* или *пію*, *піешь*, т. е. *пиюши*, по всему вѣроятію, измѣнилъ полугласную *в* на полугласную же *j*, точно также, какъ на прим. Польск. *żyję* въ отношеніи къ нашему *живу* (живѫ). *Зна-ти*=Сскр. кор. *джнâ*, въ спряженіи: *джанâмі*, *знаѭ* *знаю*, но у другихъ Славянъ *зна-м*—объ этомъ ниже.

Однако пойдемъ далѣе: не то статья наша о глагольныхъ формахъ превратится въ разысканія о глагольныхъ корняхъ. Замѣтимъ здѣсь, что корни

глаголовъ 1-й формы закрытые, соединяясь непосредственно съ суфиксомъ неокончат. наклоненія или причастія, по врожденной нашему языку антипатіи (нынѣ столь мало сознаваемой) къ скопленію согласныхъ, должны были подвергаться различнымъ эвфоническимъ измѣненіямъ. Закрывающая согласная должна либо превратиться въ слабѣйшую своего органа (*крад-красть*), либо отпасть вовсе (*кралъ*, также *жив-жить*), либо отказаться отъ согласной суфикса (*рекъ* вм. *рекл*, но въ Остромирѣ *реклъ*). Это эвфоническое начало сильнѣе господствовало въ восточной вѣтви Славянской, слабѣе въ западной. Нарѣчія западной вѣтви, не отказываются въ причастныхъ формахъ, отъ закрывающей согласной корня, на прим. *kradl* (впрочемъ l здѣсь только пишется, а не произносится); но за то въ женскомъ родѣ *kradla*, или среднемъ *kradlo*.

Глаголы первой формы могутъ быть основательно названы первообразными. Гречь прекрасно называетъ ихъ еще скрытно-образованными, въ отличіе отъ глаголовъ прочихъ формъ, либо второобразныхъ, либо производныхъ, которые вообще могутъ быть названы явно-образованными.

Въ Санскритѣ есть классъ весьма обширный, который содержитъ въ себѣ предпочтительно производные глаголы: это 10-й классъ, съ характеромъ *aja*. Ото всѣхъ частей рѣчи производные глаголы попадаютъ въ него. Кромѣ того, характеръ *aja* служитъ тоже и ко вторичному образованію глаголовъ

изъ другихъ классовъ, придавая имъ значеніе виновословное, причинное.

Характеръ *aja* далъ отъ себя въ Европейскихъ языкахъ многочисленные и разнообразные отпрыски. См. Боппа Vergl. Gram. Conjugations Eintheilung; тоже Дюнцера: die Lehre v. d. lateinischen Wortbildung стр. 129. Павскаго *Филологическія Наблюденія.* Разсужденіе 3-е; стр. 63, 64. Къ этому характеру 10-го класса примыкаетъ и характеръ 4-го класса, *ja*, который тоже способенъ образовывать глаголы отыменные (См. Vergl. Gram. стр. 724, гдѣ *ja* сличается съ Греческимъ σσω и пр.).

Наши 3, 4, 5 и 6 формы находятся въ явномъ соотвѣтствіи съ образовательнымъ слогомъ *aja.*

Прежде всего обращаетъ вниманіе 5-я форма, которая ясно напоминаетъ собою образованіе Латинскихъ глаголовъ 1-го спряженія. Образовательная б. *â* сихъ послѣднихъ объясняется (см. Vergl. Gram. Conjugation-Eintheilung. Дюнцера lateinische Wortbildung стр. 129. Бенари Römische Lautlehre гл. I. стр. 33 и слѣдд.) изъ стяженія *aja:* такъ что *j*, выпавъ, дала обѣимъ *a*-буквамъ слиться въ одну долготу. Наше *á* съ постояннымъ удареніемъ можетъ быть тоже объясняемо изъ сліянія двухъ *a*-буквъ, изъ коихъ первая либо принадлежитъ корню, и въ такомъ случаѣ вторая должна быть признана собственно образовательнымъ элементомъ (ja), либо сама приступила къ корню какъ элементъ образовательный: въ такомъ случаѣ, вторая должна быть признана за характеръ вторичнаго образованія.

Примѣч. Не всѣ глаголы, относимые къ V формѣ, оказываютъ постоянное удареніе; коренные глаголы этой формы, т. е. не изъ другихъ формъ сюда перешедшіе, во все не обязаны оказывать удареніе на своей образовательной буквѣ; за то они не крѣпко принадлежатъ сюда, т. е. многіе изъ нихъ могутъ стать предметомъ спора между I-й и V формой; но въ сущности не принадлежатъ ни къ той, ни къ другой, и могли бы требовать себѣ особаго класса. Слѣдуетъ смотрѣть не на одно образованіе неокончательнаго наклоненія, а также и на спряженіе. Глаголы I-й формы спрягаются посредствомъ буквы *е* (=а); глаголы V формы посредствомъ *ае* (=аіе, аіа). Спрашивается, почему *брать* (беру, беретъ) относится къ I-й формѣ, а *жадать* (жажду—жаждешь) къ V-й? Явно, что первый глаголъ оказываетъ въ своемъ спряженіи *а* чистое (=Санскритскому *а* 1-го класса), а второй оказываетъ въ спряженіи ꙗ (=Санскритскому *ja* IV кл.). — Въ Чешскомъ: гдѣ *а* V-й формы рѣдко въ неокончательномъ наклоненіи бываетъ долготою, настоящее время передъ личнымъ суфиксамъ представляетъ *а* долгое: *kopati—kopám.*—Изъ этого же можно сдѣлать, если не совсѣмъ вѣрное, то вѣроятное заключеніе, что Чешское *kopám* такъ относится къ нашему *копаю* (можно сличить наше *копаю* съ Саскр. корнемъ *чі*=откуда винословная форма *чіпаjâмі*—чіпаjасі, чіпаjаті: *а* передъ *м* продолжается—куда былъ нами отнесенъ въ статьѣ о буквахъ также и глаголъ *копить*), что посредняя іота изчезла, а обѣ *а* буквы слились въ одну долготу, какъ въ прилагательномъ *dobrá* вм. *dobraja*, а равно и въ нашемъ *добрá.* Этимъ объяснилось бы и различіе между личнымъ суфиксомъ нашей формы *ю* (ѭ=*іам*) и Чешскимъ *т* (=*а*+*ам*). Объ этомъ нѣсколько ниже. Въ Литовскомъ настоящее время передъ личнымъ суфиксомъ 1-го лица

оказываетъ тоже *а*, какъ во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, кромѣ Церковнаго и Русскаго. *Stėna-te*, Санскритскій гл. *стан-ajâ-мас* (это сличеніе дѣлаетъ Боппъ Vergl. Gram. стр. 730. Санскритскій глаголъ означаетъ „болѣе громкой стонъ, нежели глаголъ Литовскій" и Славянскій, именно *tonare*), Рус. *стенаемъ*. Церков. *стенаемъ*.—Замѣчательно далѣе, что Литовская форма въ прошедшемъ времени получаетъ такой видъ *Stenêju* — *stenêjote* (2-я множ.), съ чѣмъ Боппъ и сличаетъ прямо Санскр. *астан-аja-та*. Въ Церковномъ отъ подобно-построенныхъ глаголовъ получается въ прошедшемъ времени *ѣа*: *вал-ѣа-шесѧ*, *стен-ѣа-ше*.

Здѣсь характерная б. *ѣ* произошла изъ *aj* и равняется двугласной *ê*. Боппъ почитаетъ *ê* въ Литовской формѣ за перезвукъ отъ *а*, причиненный дѣйствіемъ послѣдующей іоты; но вѣрнѣе кажется, что іота вошла въ составъ долгой *ê*, вторично же оказуемая іота появилась неорганически, только для раздѣленія гласныхъ элементовъ.

Именно такимъ, кажется, путемъ произошла наша образовательная буква *ѣ* IV-го класса. Въ формѣ *á* — стяженіе; въ формѣ *ѣ*—первоначальное двоегласіе; тамъ іота выпала (появляясь, можетъ быть, передъ личнымъ суфиксомъ снова), — здѣсь іота вошла въ составъ предыдущей гласной, и дала съ ней вмѣстѣ долготу=Сскр. *ê*.—Такимъ же путемъ, какъ замѣчаетъ Боппъ (стр. 729 Vergl. Gram.), образовалось Пракритское *ê* вмѣсто Санскритскаго *aja*, а равно и Латинскій глаголъ 2-го спряженія, являющій въ своемъ характерѣ *е* долгое. И такъ,

удобно сличаются: наше *вид-ѣ-ти*, съ Латин. *vidêre*, Пракритскимъ *вêд-ê-тўй* (настоящ. *вêд-ê-мі*), Санскр. *вêд-ај-а-тум*, (наст. *вêд-ајâ-мі*). У насъ вм. Санскр. *ê* въ корнѣ стоитъ *и*, а въ характерѣ *ѣ* (соотвѣтствіе буквы *и* въ этомъ случаѣ съ *ѣ* и Санскр. *ê* замѣчено выше при разборѣ буквъ). Въ спряженіи вм. *ѣ* оказывается также *и*: *вид-и-шь*, *вид-и-тъ* и пр. Въ другихъ глаголахъ того же характера *ѣ*, сія послѣдняя буква, спрягаясь, не переходитъ въ *и*: *чернѣю, чернѣешь*, и потому еще ближе подходитъ къ спряженію характера *а*: *желаю, желаешь.*—Полнѣйшее спряженіе на *ѣе* предполагаетъ простѣйшее на *и*: *чернѣетъ, чернитъ.*

Примѣч. Глаголъ *грѣть*, который обыкновенно относятъ къ 1-й формѣ (разлагая такъ: *грѣ-ть*), гораздо вѣрнѣе по сущности своей, можетъ быть отнесенъ сюда, какъ причинная форма отъ корня *гр*, *гор* (откуда *горѣть*. Сл. Санскр. корень *г'рі*,—откуда *г'арма*, (θέρμη, wärme, *жаръ*),—*гр-ѣ-ю*=*г'ар-ајâ-мі*.—*Грѣю*, *грѣть* значитъ приводить въ то состояніе, которое означается корнемъ глагола.—Корень же *рев*, на оборотъ, не правильно облекся въ характеръ *ѣ*: онъ относится къ 1-й формѣ, и долженъ бы былъ ходить въ видѣ *рюти*, вм. *рев-ти* или *ревати*. — Послѣ зубныхъ умягченныхъ, а равно и послѣ гласныхъ, характерная б. *ѣ* переходитъ въ *а*, небный же элементъ, который примѣшивается къ сей послѣдней, выходитъ изъ умягченности согласныхъ или изъ потребности раздѣлить гласные элементы.

Отсюда переходъ къ характеру *и* весьма не труденъ. Одностепенные глаголы съ характеромъ *ѣ* или *и* спрягаются, какъ сказано, одинаково, равно

оказывая передъ личнымъ суфиксомъ послѣднюю букву. *Молить*, *молю*, *молишь*; *терпѣть*, *терплю*, *терпишь*. Сл. приведенную причинную форму *поить*, *по-ю* съ Санскр. *pajajati*; *возитъ—ваг-аја-ті*; *будитъ—бӧд'-аја-ті*; *пѣнитъ — п'енајаті*. Съ точки зрѣнія нашего языка, взятаго отдѣльно, нельзя во многихъ случаяхъ указать производность или второобразность глаголовъ. Но сравнительное разысканіе корней можетъ открыть первообразъ. Такъ *бросить*, *бросать*, по всему вѣроятію, есть ничто иное, какъ причинная форма отъ корня, который въ Санскритѣ имѣетъ такой видъ: *б'раça* падать; такъ *пудить*, *пѫдити*, *pędzić* (*), Санскр. корень *пад* (*идти*), откуда возможна причинная форма *пâдајаті* (у насъ вставлена носовая, которая и въ другихъ языкахъ весьма часто появляется въ корнѣ глагола, а въ Санскритѣ образуетъ даже особый классъ (седьмой, см. ниже). Глаголъ *явить* не предшествуетъ, но слѣдуетъ частицѣ *явѣ*, которой въ Санскритѣ соотвѣчаетъ adverb. insepar. *âвіс* — palam, manifesto. Замѣтимъ еще, что глаголъ *любить* долженъ быть принимаемъ за форму, произведенную отъ имени *любъ* (Санскрит. *лôб'ја*), а не сличаемъ прямо съ Санскритскимъ глаголомъ того же корня *лубјамі* (V кл.): сему послѣднему лучше соотвѣчаетъ нашъ глаголъ *лоб-*

(*) Глаголъ *пудить* въ Русскомъ языкѣ ходитъ въ видѣ *пугать*. Фонетическимъ переходомъ отъ первой формы ко второй служила форма, слышимая и нынѣ въ народѣ,— *пужать* (пуждать). Впрочемъ б. *д* и *г* въ нашемъ языкѣ находятся въ сродствѣ прямомъ.

зать, гдѣ *о* произошло через *ъ*, а б. *з* появилась, кажется, изъ придыханія *б'* (=*bh*). Тѣмъ же путемъ, должно думать, появилась сія буква въ словѣ *любезный.* Глаголъ *лобзать* принадлежалъ, кажется, первоначально къ породѣ *а* сократимаго (*лобжу, лобжешь* и проч.), которое могло бы требовать себѣ особаго класса, соотвѣтнаго Санскритскому V-му (*ја*).

Съ нашею V-ю формою еще болѣе сродна наша VI-я форма. Здѣсь обѣ *а*—буквы не слились, а приняли промежъ себя полугласную *в;* предыдущее *о* или *е* можетъ быть объясняемо, какъ тема того имени, изъ коего произведенъ глаголъ отъименный. Сл. Греческіе отъименные глаголы на αω, εω вм. αFω, εFω, ευω. —Въ отношеніи къ Санскритскому слогу *аја,* наша б. *в* соотвѣчаетъ прямо іотѣ. Въ спряженіи слогъ *ов, ев,* обыкновенно переходитъ въ *у, ю.*

Характеръ 2-й формы б. *н* появляется въ качествѣ образовательной и въ другихъ языкахъ. Въ Санскритѣ она образуетъ два класса: VII-й, гдѣ носовая входитъ въ самый корень глагола, и въ усиленныхъ формахъ развивается до слога *на* (Kritische Gram. стр. 143), какъ напр. *јунакті,* онъ соединяетъ, *јунджанті*, они соединяютъ (отъ корня *јудж*), и IX-й, гдѣ между корнемъ и суфиксомъ появляется въ усиленныхъ формахъ слогъ *нâ,* въ чистыхъ *нî* (ibidem): *мінâті* (*) онъ оскорбляетъ, въ формѣ

(*) Кор. *мі* значитъ тоже идти. Къ нему навѣрное примыкаетъ нашъ глаголъ минуть, гдѣ образователь почти

возвратной (*атманѐпадам*) *мінітѐ.* — Въ Греческомъ появляется сей образователь слогомъ νυ и να, но подобно прочимъ не оказываетъ никакого вліянія на ходъ спряженія; равно и въ Латинскомъ.

Въ экономіи нашихъ глаголовъ образовательная б. *н* получила неожиданно особое значеніе, о которомъ будетъ случай поговорить нѣсколько ниже. Здѣсь же замѣтимъ о формѣ, принимаемой этимъ характеромъ въ нашихъ глаголахъ. Въ неокончат. наклоненіи онъ является слогомъ *ну*, который вышелъ изъ древнѣйшаго *нѫ* (нам); въ настоящемъ времени ходитъ только *не.*

Назначеніе этихъ буквъ и слоговъ неограничивается простымъ образованіемъ глагольныхъ темъ, способныхъ къ спряженію: имъ поручается также видоизмѣнять болѣе или менѣе самый характеръ дѣйствій. Но нигдѣ не дано имъ такого обширнаго вліянія на смыслъ глаголовъ, какъ въ нашемъ языкѣ. Отказавшись отъ многихъ признаковъ, которыми отличаются въ языкахъ нашего поколѣнія формы спряженія, геній Славянорусскаго языка употребилъ эти частицы на новую пользу; съ помощію же предлоговъ онѣ стали всесильны.

Съ двоякой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы указанные характеры глагольныхъ

совсѣмъ сросся съ корнемъ. Однако напр. въ Польскомъ mi-na-ć и mi-ja-ć. Сл. также нарѣчіе *мимо.*

темъ. Глаголъ, носящій на себѣ характеръ того или другаго класса, бываетъ либо туземцемъ въ этомъ классѣ, либо пришельцемъ. Каждое изъ обоихъ качествъ имѣетъ свои особыя права. Слѣд. значеніе даннаго глагола зависитъ отъ того, родился ли онъ — sit verbo venia — съ тѣмъ характеромъ, какой застали мы на немъ, или принялъ его, перейдя въ другой классъ.

Нашъ языкъ обратилъ особенно зоркое вниманіе на слѣдующее важное различіе въ глаголахъ: дѣйствіе, ими означаемое, представляется ли возможнымъ только или происходящимъ въ данной кратѣ времени. Другими словами: подлежитъ ли дѣйствіе мысли (представленію, воспоминанію), или подлежитъ ощущенію. Мысли представляется дѣйствіе (движеніе), составляющее природу предмета, или обычай, вторую природу; ощущенію дается дѣйствіе, какъ особое явленіе. Обязанность выражать этимологически это различіе нашъ языкъ возложилъ на указанныя формы глаголовъ, — и вотъ какъ выполняютъ онѣ сію обязанность.

Дѣйствіе *ощутимое* (опредѣленное) любитъ форму краткую, спряженіе быстрое, и потому глаголъ для его означенія сокращаетъ свою этимологическую форму; на оборотъ, для означенія дѣйствія мысленнаго (неопредѣленнаго), глаголъ расширяетъ свою форму и переходитъ въ классъ, гдѣ образовательный характеръ сильнѣе. Этотъ оригинальный символизмъ проходитъ черезъ всю систему глаголовъ, и пользуется всѣми возможными средствами. Глас-

ныя, затаенныя въ сокращенной формѣ, вдругъ выходятъ наружу, или появляются новыя, и вообще усиляется весь вокализмъ глагола.

Не всѣ глаголы нуждаются во всестороннемъ развитіи своего характера. Одни увольняются отъ того самою сущностію своего значенія, другихъ до того не допускаетъ врожденная негибкость ихъ характера. Въ семъ то послѣднемъ случаѣ появляются различные предлоги и частицы. Но мы, оставляя предлоги въ сторонѣ, будемъ имѣть здѣсь въ виду только внутреннія различія въ образованіи глаголовъ.

Къ опредѣленному и неопредѣленному виду дѣйствія примыкаютъ представленія однократности и многократности, или лучше, отдаленности дѣйствія. Для означенія однократности, глаголы появляются въ формѣ 2-й, 3-й. Для означенія отдаленности дѣйствія, глаголы расширяютъ свою форму въ классѣ 5-мъ.

Характеръ *н*, какъ сказано, имѣетъ свою особенную область. Мы видѣли его въ другихъ языкахъ тоже образователемъ глаголовъ. — Замѣтимъ здѣсь, что въ производныхъ формахъ спряженія глаголы теряютъ его, если не всегда, то часто; подобно какъ въ Санскритѣ образователи, за исключеніемъ 10-го класса, ограничиваются только главными (специальными) временами, а въ общихъ изчезаютъ. См. gram. critica § 248. Тоже въ Греческомъ. Сл. *гыбнж, гыбохъ, погибъ-δείκνυμι-ἔδειξα, δείξω, δέδειχα; cerno*

crevi и пр. Дѣйствіе, или лучше, состояніе, выраженное глаголами, по природѣ принадлежащими къ этому классу, имѣетъ видъ опредѣленный, но длительный. Отъ чего же глаголы другихъ породъ, заходя въ этотъ классъ, получаютъ видъ, не просто опредѣленный, но однократный, мгновенный, и употребляются не иначе, какъ подъ видомъ будущаго или прошедшаго совершеннаго времени, не имѣя во все настоящаго? Сверхъ того, какъ извѣстно, въ этихъ глаголахъ характеръ *н* не выпадаетъ или рѣдко выпадаетъ. Очень можетъ быть, что характеръ *н* съ значеніемъ однократности возникъ въ нашемъ языкѣ оригинально, въ ту пору, когда онъ совершенно обособился—но какимъ образомъ?

Можно думать, что впервые пошли и показали сюда путь глаголы первообразные изъ 1-го класса; т. е. можно полагать, что б. *н* появилась здѣсь въ замѣнъ ей сродной б. *м*, бывшей личнымъ суфиксомъ.—Глаголъ *дамь* (нынѣ *дамъ*) не умѣлъ уже самъ удержаться въ настоящемъ времени, какъ глаголы *есмь*, *ѣмь*, послѣднія остатки отъ глаголовъ непосредственно спрягаемыхъ. Глаголы *стать*, *дѣть*, въ древнѣйшую эпоху ходившіе въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени безъ сомнѣніе такъ: *стамь*, *дѣмь*, могли принять, какъ и глаголъ *дамъ*, по краткости и быстротѣ своего спряженія, видъ совершенный, и слѣдов. значеніе будущаго времени. Но имъ не достало силы удержаться въ этой формѣ, какъ удержался глаголъ *дамъ*. Языкъ повсюдно превра-

щалъ б. *м* личнаго суфикса въ анусвару (*н*, *ж*); глаголы *дѣм*, *стам*, могли легко забыть свойство своей заключительной буквы, почли ее за коренную, приняли вновь личный суфиксъ (уже *ж*), и пошли такъ въ спряженіе.—Когда выше говорили мы объ этихъ глаголахъ, намъ бы слѣдовало коснуться еще одного глагола, интереснаго по своей крайней неправильности: это глаголъ *расти* или *рости*. Добровскій постулируетъ форму *раст-ти*, но ее довольно трудно вывести. Изъ корней, къ которымъ можно приравнять нашъ глаголъ, прежде всего представляется Санскритскій корень *рід̒* или *ард̒* (crescere), откуда, per metathesin, могло произойти наше *рас-ти*. Еще другой тождезначащій корень можетъ быть взятъ въ соображеніе: это *руґ* (въ Зендѣ сей корень является въ видѣ *руд̒*—см. Бюрнуфа Yaçna T. I Note D.); но первое сличеніе, кажется, вѣроятнѣе, а съ корнемъ *руґ* можетъ состоять въ связи наше рѣченіе *рожь* (т. е. ръжь). Очень вѣроятно, что глаголъ *рости* пошелъ въ спряженіе суфиксомъ неокончательнаго наклоненія *ростж* вм. *родж*(*).

Какъ личное окончаніе можетъ забываться глаголами, видно всего лучше изъ самихъ же глаголовъ на *н*: *слѣпну* есть *слѣпнж*, что въ свою оче-

---

(*) Слово *рождіе* показываетъ ясно, что въ глаголѣ *рости*, къ которому оно примыкаетъ, въ *с* превратилась не *т*, а *д*.—Съ глаголомъ *рости* стоитъ также въ прямой связи глаголъ *родить*. Сл. значеніе слова *урожай* и пр.

редъ, произошло изъ *слъпнам*, и это личное *м* въ видѣ *у=ж* или *ą* перешло и въ неокончательное наклоненіе, которому имѣть лица во все не приводится (*слъпнуть*=Чеш. *slepnauti*, *slepnąc*, *слъпнжти*). Тѣмъ же путемъ, какимъ произошло *дъну*, *стану*, произошло и *кину* (*кидать*—въ краткомъ, не употребительномъ спряженіи было бы [*кидмь*, откуда *ким*, откуда *кину*) со множествомъ другихъ глаголовъ. Произшедшая такимъ путемъ б. *н.* позабыла о своемъ происхожденіи, и объявила себя буквою класной, глагольнымъ характеромъ, на ровнѣ съ той, о коей была рѣчь выше.—Впрочемъ мы не крѣпко держимся этой догадки; и безъ ней довольно ясно, почему второобразные глаголы на *н* получаютъ характеръ совершеннаго или однократнаго дѣйствія. Главная причина—краткость спряженія, совершенно сходнаго съ спряженіемъ глаголовъ 1-го класса, самыхъ краткихъ въ своемъ образованіи. Б. *н* даетъ лишь возможность глаголамъ вступать въ краткое, по Гриммовой терминологіи, сильное спряженіе.

По краткости спряженія, близки сюда глаголы 2-го класса, съ характеромъ *и*; *е* (ѣ) легче, нежели *и*, но *и* легче, нежели *ае*: оттого глаголы для полученія вида совершеннаго заходятъ иногда и въ область характера *и*, или вѣрнѣе, глаголы въ этомъ классѣ оказываются иногда съ видомъ совершеннымъ, способнымъ выражать будущее и прошедшее совершенное время, когда тѣже глаголы въ спряженіи *ае* (въ V кл.) выражаютъ дѣйствіе въ его продолженіи, и сверхъ того имѣютъ видъ неопредѣленный:

явить, явлю, явишь и пр. *явлю, являешь* и пр. Вообще же глаголы характера *и* могутъ служить къ выраженію определеннаго и неопредѣленнаго дѣйствія. Въ отношеніи къ глаголамъ кратчайшаго спряженія они становятся неопредѣленными, усиляя вокализмъ корня: *везти-возить*, *нести-носить*. На оборотъ, въ отношеніи къ глаголамъ протяжнаго спряженія оказываются они опредѣленными и даже, какъ видѣли, совершенными: *валить, валять*; *вѣсить, вѣшать*.

Для выраженія отдаленности или давности дѣйствія, языкъ прибѣгаетъ къ характеру *а* (*ае*), самому сильному,—и приставляетъ его вновь къ характеру даннаго глагола, такъ что образованіе выходитъ двойное. Глаголъ *дать*, распространяясь, принимаетъ *а*—выходитъ *даять* и *давать* (эвфонич. вм. да-ать); расширяясь далѣе, для означенія дѣйствія давняго, онъ принимаетъ снова характеръ *а*, и выходитъ форма *давывалъ* (=*дававалъ*); *былъ, бывалъ*, *бывывалъ*. Въ Чешскомъ языкѣ ощущается иногда потребность новаго усиленія, и еще разъ принимается *а*; отсюда возможна не только форма *bywawal*, соотвѣчающая нашей *бывывалъ*, но и болѣе распространенная форма *bywawawal*.

Въ подобныхъ формахъ новый вѣсъ сообщается глаголу продолженіемъ кореннаго слога, т. е. переходомъ ударенія съ конца къ началу. Не довольствуясь этимъ, геній языка для усугубленія вѣса глагола измѣняетъ коренную гласную *о* на силь-

нѣйшую *а*. *Ходить* — *хаживалъ*, *носить*—*нашивалъ*. Здѣсь мы видимъ такое образованіе: къ глаголу 3-го кл. *ходи* приложится характеръ 5-го *а*, выйдетъ *ходи-а*, откуда *хожа*, т. е. *и* проникнетъ въ предыдущее *д*, и смягчитъ его на *ж* (жд); приставится вновь *а*, будетъ *хожаа*; гласные элементы раздѣлятся полугласною *в*, и будетъ *хожава*.

Форма *хожаа*, черезъ которую провели мы форму *хаживалъ*, не есть выдумка:—это фактъ. Указанный нами символизмъ глагольныхъ формъ существовалъ съ неменьшей силой и въ древнемъ языкѣ Церковно-славянскомъ. Главное отличіе прошедшаго actionis continuatae состояло въ распространеніи этимологической формы глагола, на пр. *млъчааше*, *лежааста*,—тутъ найдетъ себѣ мѣсто и форма *хожаа*, т. е. *хождаахъ*.

Что форма *хожа-в-а* или *хажива* равна формѣ *хожаа* или *хажаа*, видно изъ исторіи языка. Вотъ подобныя формы въ Кириллѣ Туровскомъ (по изданію Калайдовича): *сказаю* (*сказа*+*аю* стр. 56) *Указая*, *показаеть*, *въписаю* и пр. о также измѣняется на *а*: *прашаеть* стр. 53, *укаряю* стр. 55. У Кирика тоже *непрашай* стр. 189. *Стваряй* стр. 175, *откладаеши*—176 и пр. Въ Русской Правдѣ преобладаетъ форма *ыва*: *прикладываеть*, *складывати*. Въ Ипатьевской лѣтописи не только *складывати* (22), *докучиваху*ть (19), но даже *утѣшивая* (121) и пр.

Итакъ глаголы: *давать*, *калывать*, *важивать*, *прашивать*, *писывать*, также *калáть*, *кладáть*, *тва-*

рять, *пращать*, *мѣрять*, *сказáть* (аю)—въ сущности представляютъ одинаковое образованіе. Главное различіе въ томъ, изъ какого класса перешелъ глаголъ въ это образованіе. Характеръ *ыва* оказывается равнымъ характеру *á* и служитъ ко вторичному и даже третичному образованію; но равняясь тѡ *а*, онъ равняется также характеру 6-й формы, *ова;* хотя сей послѣдній получилъ назначеніе производить лишь отыменные глаголы.

Измѣненіе коренной гласной (а равно и переходъ ударенія на нее) потому для насъ важно, что въ немъ уцѣлѣло одно изъ исконныхъ свойствъ глагольныхъ формъ; ибо это измѣненіе въ самомъ корнѣ глагола представляетъ собою явленіе аналогическое усиленію вокализма глаголовъ въ другихъ языкахъ. Отсюда мы видимъ, что Славянскій языкъ не вовсе утратилъ, какъ полагаютъ (на пр. Гриммъ Deut Gram. стр. 1057. Т. I.), способность, органическимъ измѣненіемъ самого корня отвѣчать на требованія глагола; мы видимъ еще, что онъ пошелъ далѣе, и въ это измѣненіе внесъ логическій смыслъ. Усиляется нашимъ языкомъ вокализмъ глагола для того, чтобы символически изобразить расширенною формою глагола расширенный кругъ самого дѣйствія.

Примѣч. Форма со вставной *в* была очень любима старымъ Русскимъ языкомъ (преимущественно языкомъ грамотъ). Она своимъ полновѣсіемъ ни мало не была ему въ тягость, потому что старая Русская рѣчь текла не торопясь, съ размѣренною силою. Тогда люби-

ли говорить: *исполнивать*, *управливать*; а нынѣ чувствуется потребность даже и болѣе употребительныя формы какъ *останавливать*, *закладывать*, *устроивать*, (или лучше *устраивать*), сокращать на *останавлять*, *закладать*, *устраять* (perjectionem τοῦ *в*), и *сказую*, *связую* (per correptionem τοῦ *ов*). Мы не можемъ такъ свободно протягивать слога, какъ наши прѐдки, и потому эта потребность очень законна. При малосильномъ ударенiи трудно справиться съ такою формою, какъ *исполнивающими*, *закладывающими*, *связывающаго*. Итакъ будемъ удовлетворять этой потребности сокращенiя формъ, гдѣ тому не противятся другiя условiя. Малоруссъ не говоритъ даже: *удерживае*, *приговаривае*, *но удержуе*, *приговорюе* и пр.

Какъ выраженiе однократности поручено образовательной б. *н*, отчасти *и*; такъ выраженiе многократности наиболѣе стало приличнымъ распространенной формѣ *á*.

Но генiй языка и этимъ не ограничилъ всей службы образовательныхъ слоговъ. Имъ отчасти поручено выражать самыя времена дѣйствiя. Форма, о которой шла сей часъ рѣчь, назначена преимущественно къ изображенiю давности дѣйствiя, и съ этимъ новымъ назначенiемъ входитъ она въ область прошедшаго времени. Предлагаемая въ грамматикахъ форма *давывать* есть одинъ субститутъ; форма *буду давывать* не возможна ни въ чутьѣ современной рѣчи, ни въ памятникахъ. За то встрѣтимъ часто прошедшее *давывалъ* и т. п. Въ памятникахъ подобныя формы давнопрошедшаго времени дышатъ особенною прелестiю, если представимъ себѣ движенiе голоса, какимъ, по всему вѣроятiю, отличалось старинное

произношеніе, и какое можемъ еще слышать отъ нѣкоторыхъ соплеменниковъ нашихъ (на пр. Сербовъ). Символическое изображеніе давности распространенною формою совершенно согласно съ общимъ воззрѣніемъ нашимъ на соотвѣтствіе глагольнаго образованія съ представленіемъ самого дѣйствія. Эта форма воспоминанія о быломъ и далекомъ; или представленіе прошедшаго, сомнительное, неопредѣленное: отъ того наибольшее употребленіе этой формы съ тономъ вопроса или съ частицею *не* (*давывалъ ли?.... не давывалъ...*)

Наконецъ этимъ же образовательнымъ буквамъ дана отчасти сила обозначать переходность и непереходность дѣйствія, именно характерамъ 3-го и 4-го класса. Первый преимущественно служитъ къ выраженію дѣйствія переходнаго; второй, въ обратномъ отношеніи, означаетъ дѣйствіе непереходное, или простое состояніе предмета: *твердитъ—твердѣетъ*, *пламенитъ—пламенѣетъ*. Къ буквѣ *ѣ* примыкаетъ форма *н* собственная: *слѣпить*, *слѣпнуть*.

Новый богатый источникъ для обозначенія типовъ дѣйствія и бытія представляютъ предлоги, Ихъ правильно раздѣляютъ на такіе, которые собственно служатъ къ видоизмѣненію характера дѣйствія, и на такіе, которые вносятъ въ смыслъ глагола особое значеніе. Приступая къ началу глаголовъ, они довершаютъ то, чего не смогутъ наконечные образователи.

Между префиксами прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе б. *у*, имѣющая обширный и

ясный кругъ дѣйствія въ образованіи глаголовъ, а сама не совсѣмъ ясная. Ее обыкновенно разсматриваютъ на равнѣ съ ними, и называютъ не иначе, какъ предлогомъ, но между собственно предлогомъ *у* и нашею буквою нѣтъ прямаго соотношенія. Назначеніе этого префикса состоитъ въ томъ, чтобы сообщить глаголу окончательный или совершительный видъ. Что же общаго между нимъ и предлогомъ *у* (apud), означающимъ мѣстное пребываніе предмета?

Если мы обратимся къ однороднымъ языкамъ, то наше недоумѣніе разрѣшится легко и удовлетворительно. — Въ Санскритѣ и Греческомъ языкѣ для означенія прошедшаго времени, происходятъ въ началѣ, или подъемѣ глагола два явленія: это усугубленіе, или удвоеніе (reduplicatio) и наращеніе (аугментъ), т. е. присовокупленіе въ Санскритѣ б. *а*, въ Греч. б. ε. — Усугубленіемъ кореннаго слога языкъ нашъ не захотѣлъ воспользоваться. Но аугментъ, какъ можно думать, уцѣлѣлъ у насъ во 1-хъ въ б. *о*, во 2-хъ въ б. *у*.

Если возьмемъ въ соображеніе прозорливое мнѣніе Боппа объ этимологическомъ сродствѣ Санскритскаго аугмента *а* съ привативной частицею *а* и *ан*, то происхожденіе нашего префикса станетъ яснѣе; за что въ награду подтвердитъ онъ собою мнѣніе Боппа, которое нашло себѣ противника въ Лассенѣ.

Изъ буквы *а* должно бы у насъ выйти *о*; *о* въ свою очередь могло измѣниться въ *ъ* (=ў). Изъ сло-

га *ан*, должно у насъ выйти—ѫ, которое могло измѣниться въ ȣ̑ (*оу*). И дѣйствительно, нашъ суфиксъ ходитъ въ памятникахъ то въ видѣ *о*, то въ видѣ *в* (=ъ), то въ видѣ *у* (*оу*).—Первый случай встрѣчается въ памятникахъ югозападной Русской письменности, на пр. въ Волынской лѣтописи: *омиривъ* вм. *умиривъ*, *острашивъся* вм. *устрашивъся*, а также *втягти*, *владити*; послѣдняя форма и нынѣ употребляется въ Малороссіи, но promiscue и *утягти*, *удержати:* обѣ формы чередуются по требованію благозвучія. Сюда отнести должно болѣе употребительную въ памятникахъ форму *въспѣти* вм. *успѣти* и пр. Обокъ съ формой *острашивъся* можно поставить нынѣ употребительную *остановить* и проч., которая не исключается формою *установить*, получившею нѣсколько особый смыслъ. Между префиксами *о* и *у* трудно, кажется, провести явственную черту этимологическую; хотя каждый имѣетъ свою область, и первый въ качествѣ предлога *об* не долженъ быть смѣшиваемъ со вторымъ. — Съ другой стороны, нашъ префиксъ примыкаетъ и къ привативной частицѣ *а*, *ан* (съ которою, вѣроятно, находится въ связи б. *н* въ смыслѣ отрицательной частицы). Отношеніе формъ *убогіи* и *небогіи* явно намѣкаетъ на это. Употребляемая въ отдѣльности буква *у* можетъ имѣть право на сличеніе съ нашимъ префиксомъ, на прим. въ слѣдующемъ выраженіи *не у бѣ....не у время; у-же* и т. д. (*).

(*) Съ точки зрѣнія, болѣе общей и болѣе сомнительной,

Геній нашего языка неудовольствовался однимъ формальнымъ значеніемъ прошедшаго времени. Онъ далъ своему префиксу общее значеніе совершительнаго дѣйствія. И потому, противъ Санскритскаго *авӗдам* (*вӗд-мі*), *аçраушам* (настоящ. 1-е лице *çріно̂-мі*, кор. *çру*), стоитъ не только прошедшее *увпдалъ*, *услышалъ*, но и будущее *увпмъ*, *увпдаю*, *услышу* (близость сей послѣдней формы съ Санскритскою *аçраушам* очень соблазнительна). Это оттого, что нашему языку во все не важно различеніе временъ, и отъ формъ будущаго времени нашъ языкъ отказался еще въ допамятную пору.

До прочихъ глагольныхъ предлоговъ намъ теперь нѣтъ дѣла: ихъ вліяніе на виды глаголовъ достаточно указано въ грамматикахъ.

*

* *

Полный суфиксъ 1-го лица есть *мі*, какъ видимъ мы его въ Санскритѣ и при одномъ разрядѣ глаголовъ въ Греческомъ.—У насъ по правилу долженъ сей слогъ появиться въ видѣ *мь*; такимъ мы и видимъ его въ тѣхъ немногихъ глаголахъ, которые остались въ языкѣ вѣрными памятниками отдаленной древности. Всѣ остальные глаголы обезгласили свой суфиксъ, и либо оставили его въ видѣ согласной *м*, либо, сливъ съ предыдущею глас-

---

на которую теперь не хотимъ мы становиться, и предлогъ *у* может быть сведенъ подъ одно начало съ глагольнымъ префиксомъ и нарѣчіемъ *у*.

сною, превратили въ *юсъ*. Второе случилось въ Церковномъ и Русскомъ нарѣчіяхъ; первое почти повсемѣстно въ Сербскомъ съ его вѣтвями. — Остальныя нарѣчія колеблются, въ однѣхъ глагольныхъ породахъ оказывая *м*, въ другихъ — замѣну *юса*. Русскій языкъ ставитъ вездѣ *у* и *ю*, вмѣсто ѫ (=ам) и ѭ (=iам); Чешскій (общепринятый) вмѣсто *ю* ставитъ *ji*; въ Польскомъ сохранился знакъ носоваго звука въ ę, но стоя на концѣ, онъ нынѣ въ общепринятомъ произношеніи едва слышенъ (*). Возьмемъ для соображенія Чешское и Польское нарѣчіе.

Глаг. 1-го кл. Замѣна *юса*, за исключеніемъ корней, исходящихъ на *а*.

— 2-го кл. Замѣна *юса*

— 3-го кл. { Чеш. *т* (*ìт*) / Пол. замѣна *юса* (ę)

— 4-го кл. { Чеш. *т* (*ìт*) / Пол. замѣна *юса* (ę)

— 5-го кл. { *а* сократ. замѣна *юса*. / *а* несократ. Чеш. *т* (*âт*), Пол. *т* (*ат*). / *а* многократ. замѣна *юса*.

— 6-го кл. Замѣна юса.

Въ глаголахъ 3-го и 4-го разряда Сербо-Чешская форма на *им* кажется вѣрнѣе себѣ, нежели Цер-

(*) Однако въ областномъ произношеніи, напримѣръ у Мазуровъ, носовой звукъ и на концѣ слышенъ явственно.

ковно-Славянская, тоже Польская и наша; ибо у насъ неожиданно оказывается суфиксъ *ым*, по праву принадлежащій только характеру *а* несобственному (ѧ), или сократимому. *Видѣти* должно дать или *видѣмь*, или *видймь*: по усѣченіи *ь*-я въ Чеш. и Серб. именно осталась сія послѣдняя форма, а наше *вижу* (=*виждѫ*, widzę) послѣдовало аналогіи глагола *писать-пишу*. За то Verba inchoativa (изъ 2-го класа) на *ѣѫ* или собственно *ѣѫ* (ибо іота лишь раздѣляетъ гласные элементы) исконнѣе, нежели соотвѣтныя формы въ Чешскомъ и Сербскомъ. *Краснѣю*= *краснѣѫ*=*краснѣѫ*=*краснѣам* (=*краснаюмь*. Сл. въ Санскритѣ тождезначащій глаголъ *лôгîтаjâмi*).

Что же касается до формы *kausâm*, *kąsam* (5 кл.), то она явно образовалась стяженіемъ изъ формы *кѫсаѫ*, откуда наше *кусаю*. Форма *znâm* хотя принадлежитъ къ 1-му классу; однако все же предполагаетъ у насъ форму *znajam*=*знаѫ*, не смотря на то, что сей глаголъ, если бы захотѣлъ остаться вѣрнымъ своему образованію, долженъ былъ бы принять такую форму *знâмь*. — Нелишнимъ будетъ замѣтить, что стяженіе, представляемое этими формами у Чеховъ и у другихъ Славянъ, находитъ себѣ подобіе и въ предѣлахъ Русскаго языка. Хотя повсюдно въ нарѣчіяхъ Русскихъ слышна въ 1-мъ лицѣ замѣна юса; однако въ нѣкоторыхъ областяхъ Великорус-

(*) Собственно *лôгîтаjамi*, но Санскритъ любитъ продолжать букву *а*, передъ губными *м* и *в* личныхъ суфиксовъ.

скихъ (именно въ северовосточныхъ), другія лица отъ этихъ глаголовъ сближаются съ Чешской формой. Хотя въ 1-мъ лицѣ (*) *кусаю*, но потомъ *кусâш* (kausâs) и т. д.; въ 3-мъ же лицѣ множ. ч. выходитъ снова *кусають*, какъ и въ Чешскомъ *kausajі*, Польскомъ *kąsają*, Сербскомъ *кусају*.

Суфиксъ 2-го лица ед. ч. есть *си*. Церковнославянское нарѣчіе сохранило его во всей чистотѣ при тѣхъ же немногихъ глаголахъ, которые удержали полный суфиксъ для 1-го лица *мь*: *вѣси*, *даси*, *спѣси*, *еси*, изъ коихъ только послѣдній уцѣлѣлъ у насъ доселѣ, но и то въ маломъ употребленіи; всѣ же прочіе глаголы въ цѣломъ Славянскомъ языкѣ оказываютъ *ш* вм. *с*. И такъ *ши* и *шь*, откуда безгласная *ш* (какъ у прочихъ Славянъ, такъ и у насъ, не смотря на правописаніе). Это повсюдное превращеніе *си* въ *ши*, съ довольнымъ основаніемъ, можетъ быть объясняемо изъ вліянія небной гласной, которая принудила зубной спирантъ *с* сначала смягчиться въ переходное Бѣлорусско-польское ś, потомъ объявила его полною шипячею буквою *ш*.

Суфиксъ 3-го лица *ті* появился у насъ законно въ видѣ *ть*; но этотъ видъ и звукъ представляетъ онъ только въ Церковномъ и Древнерусскомъ. Другія Славянскія нарѣчія, обезгласивъ *т* (т. е.

(*) Однако отъ глагола *знать*, въ тѣхъ же областяхъ, можно услышать и *знам* вм. *знаю*.

утративъ наконечную гласную *ь=і*), откинули и эту букву вѣроятно еще въ ту пору, когда менѣе терпимъ былъ консонантизмъ въ исходѣ рѣченій. Не могу опредѣлить, какъ давно случилось это усѣченіе въ Малорусскомъ нарѣчіи; въ древнѣйшихъ памятникахъ Южнорусской письменности оно не встрѣчается. Въ общепринятомъ Русскомъ правописаніи стоитъ *тъ* и стоитъ издавна, однако, по всему вѣроятію, не ранѣе XIV или конца XIII столѣтія. Можно полагать, что первая форма заступила мѣсто послѣдней діалектически; но можно пока полагать и то, что *ъ* въ этомъ случаѣ появился только на письмѣ, когда б. *т* потеряла свою гласную, а б. *ъ* потеряла свою фонетическую силу, и стала пустымъ, ничего не значащимъ знакомъ. Однако не только въ Бѣлорусскомъ выговорѣ уцѣлѣлъ здѣсь слѣдъ гласной *ь* въ формѣ *ць* или лучше, по Польскому правописанію, ć; но и въ нѣкоторыхъ областяхъ Великорусскихъ слышна б. *т* въ 3-мъ лицѣ какъ единств., такъ и множ. числа, съ тѣмъ умягченіемъ, какое означаемъ мы нынѣ б-ю *ь*, но которое по праву можетъ быть названо только слѣдомъ этой буквы, нынѣ въ словоокончаніи заглохшей.

Примѣч. Въ нарѣчной формѣ *буде* (въ грамотахъ еще *будетъ*) откинутъ вовсе знакъ 1-го лица. Авторъ *Филологич. Наблюденій* приводитъ это нарѣчіе для доказательства, что другое подобное нарѣчіе, *если*, должно писаться *естьли*. Форма *буде*, напротивъ, подаетъ собою примѣръ и для формы *если*, быть снисходительною къ выговору, и держаться своего общепринятаго

правописанія, безъ излишнихъ заботъ о своей родословной.

Въ 1-мъ лицѣ множ. числа Чешскій, вмѣсто нашего ѣ-а, оказываетъ, подобно Литовскому *e* (widîme), Сербскій *o* (видимо); Польскій и Лужицкій *y*=*ы* (widziemy, widźimy=видимы). Въ Санскритѣ суфиксъ 1-го лица множ. есть *мас* (*смас*, *ваѓамас*), въ Латин. *mus*, въ Греческомъ *μεν* (сюда примыкаетъ Церковно-славянская форма *есмъ* и, можетъ быть, *есмы*, *дамы*, *вѣмы*, глаголы 1-го класса).

2-е лице мн. чис. *те*=Санскрит. *та*: *бер-е-те*—*б'ар-а-т'а*.

3-е лице множ. ч. въ Церковномъ *ѫть* и *ѧть*; въ Русскомъ *уть*, *ять* и потомъ *утъ*, *ятъ*. Въ другихъ нарѣчіяхъ *ть* отпалъ (см. 3-е лице един. чис.) (*). Сл. Санскрит. *санті*, Церковно-слав. *сѫть*; *ваганті*, *везѫть*.

О двойственномъ числѣ при спряженіи слѣдуетъ сказать тоже, что было сказано объ немъ при склоненіи. — Въ Русскомъ языкѣ оно не уцѣлѣло; полнаго употребленія его не встрѣтишь и въ старинныхъ памятникахъ Русской письменности, каковы грамоты. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской же письменности до-Московскаго періода встрѣчаемыя формы исконнаго быта языка (и между

(*) И въ Русскомъ народномъ говорѣ (однако не повсюдно) *ть* или лучше просто *т* отпадаетъ, особенно въ формѣ *ять* (ходя, вмѣсто ходятъ и т. п.).

ними форма двойственнаго числа), почему непремѣнно должны быть относимы ко влiянiю Церковнаго нарѣчiя? И Церковное и Русское нарѣчiе суть видоизмѣненiя одного и того же языка. Правда, нарѣчiе Церковныхъ книгъ представляетъ намъ формы Славянскаго языка большею частiю въ полнѣйшемъ и древнѣйшемъ видѣ, нежели прочiя нарѣчiя; однако причина этого преимущества состоитъ только въ томъ, что церковные памятники языка суть древнѣйшiе памятники.

Примѣч. У насъ еще доселѣ не найдено мѣрила *для* различенiя собственно Русскаго нарѣчiя отъ Церковнаго. Послѣднее такъ сопроникло съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту. Большею частiю, говоря объ Русскомъ языкѣ, имѣютъ въ виду только либо языкъ Московскаго государства, либо нынѣшнюю Русскую рѣчь. Не забудемъ, что языкъ Русскiй сложился изъ многихъ коренныхъ Славянскихъ стихiй, даже доселѣ не совсѣмъ угасшихъ, и даже доселѣ не совсѣмъ извѣстныхъ, а частiю и вовсе неизвѣстныхъ. Почему древнiя формы языка, какими наполнены на пр. лѣтописи, сiи разнообразные, богатые памятники нашей письменности, почему непремѣнно должны быть исключаемы изъ исторiи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать, что эти памятники писались по архаическому, преданiемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, но Русскому же? Я такъ думаю, что не только лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, или Вопросы Кирика и пр.; но и тотъ проповѣдникъ Туровской Каѳедры въ своихъ, столь же глубокихъ, сколь простодушныхъ Словахъ, испол-

пенныхъ живаго сочувствія съ настоящимъ, всенародно говоренныхъ, и часто какъ рѣченіями, такъ даже и формами напоминающихъ свое мѣсторожденіе, сторону Руси югозападную, что Кириллъ Туровскій входитъ не только въ исторію Русской Словесности, но по многому и въ исторію Русскаго языка.

Суфиксъ 1-го лица двойств. ч. наст. вр. въ Санскритѣ *вас*; въ Славянскомъ, по усѣченіи наконечной согласной, *ва*. Сл. *б'аравас* и *берева, вагавас* и *везева*.

Суфиксъ 2-го лица двойств. ч. *т'ас* въ Санскритѣ въ Славянскомъ *та*: *б'ара-т'ас*, и *берета*.

Суфиксъ 3-го лица двойств. ч. въ Санскритѣ *тас*; въ Славянскомъ *та*: *б'аратас*, *берета*.

Кромѣ мужескаго окончанія *ва, та*, Славянскій языкъ имѣетъ еще и для женскаго рода *вѣ, тѣ*. Этого различія родовъ не сдѣлалъ, какъ извѣстно, ни одинъ изъ родственныхъ языковъ. Можно видѣть въ этомъ особенное распоряженіе Славянскаго языка, въ эпоху его отдѣльнаго быта; но можно также думать, что здѣсь сохранилъ онъ вѣрнѣе своихъ собратій волю Индо-европейскаго языка, отъ незапамятнаго единства его діалектовъ. Если въ представленіи множественнаго числа предметы теряются въ безразличной совокупности, то въ двойственномъ ихъ особенность еще не изглажена, а съ тѣмъ вмѣстѣ не пропало и половое различіе, менѣе нужное и важное въ представленіи одного предмета.

Изъ личныхъ наклоненій Славянскій языкъ, кромѣ изъявительнаго, сохранилъ еще сослагатель-

ное или желательное; ибо наше повелительное призвано, по своему историческому происхожденію, къ выраженію не приказа, а желанія или просьбы. — Бопповы разысканія не оставляютъ въ этомъ нималѣйшаго сомнѣнія.—Собственно повелительному наклоненію другихъ языковъ Славянскій языкъ не представляетъ ничего подобнаго; тоже, которое нынѣ называется у насъ повелительнымъ, совпадаетъ совершенно съ наклоненіемъ потенціальнымъ Санскритскаго языка, соединяющимъ въ себѣ, съ нѣкоторыми особенностями своего употребленія, смыслъ Греческаго сослагательнаго и желательнаго; по формѣ же, потенціальное наклоненіе примыкаетъ собственно къ послѣднему, а равно и къ Латинскому сослагательному и отчасти времени будущему.

Характеръ потенціальнаго наклоненія въ Санскритѣ есть б. *i*, которая, сливаясь съ класной буквою *a*, даетъ дифтонгъ *ê*; глаголы же непосредственно-спрягаемые (2-е спряженіе по Боппу) оказываютъ характеромъ этого наклоненія слогъ *jâ*. — Въ Греческомъ (равно и въ Зендскомъ), сей характеръ является въ видѣ *οι*; въ Латинскомъ сослагательномъ, въ видѣ *ê* и *â*. Характеромъ нашего желательнаго наклоненія стоитъ б. *и* и б. *ѣ*, а для глаголовъ непосредственно спрягаемыхъ, *j*+*ь*.—Возьмемъ для большей ясности сначала множ. число.

Въ 1-мъ лицѣ множ. числа въ Санскритѣ potentialis имѣетъ личнымъ суфиксомъ *ма*, въ Славянскомъ *мъ* (въ Сербскомъ и Хорутанскомъ *мо*) *вез-ѣ-мъ*,

бър-пъ-мъ, Санскр. *ваѓ-ê-ма, б҆ар-ê-ма; читаимъ* (*читај-мо, czytajmy*), Санскрит. *чиитајê-ма*; *дажд-ь-мы*, Санскрит. *дад-ја́-ма.* Очевидно, что здѣсь јота проникла въ предыдущую *д* букву и смягчила ее въ *жд*, послѣдующая же *ь* буква стоитъ противъ Санскритскаго *а* (сл. напр. отношеніе между словами *два́р* и *дверь*). Точно также *ıаждьмы*, Санскр. *ад-ја́-ма.*

2-е лице мн. ч. въ Санскритѣ *та*, у насъ *те*: *везъ-та, бър-пъ-та*, Санскр. *ваѓ-ê-та б҆ар-ê-та*; *дааждьте*, Санскр. *дадја́-та ıаждьте*, Санскр. *ад-ја́-та*; *читаите*, Санскр. *чиитајêта.*

3-е лице множ. ч. въ Санскритѣ *ус*: *ваѓê-ј-ус* (въ Греч. и Латин. болѣе правильно εν и *nt* τυπτοι-εν и *veha-nt*), у насъ повторяется 2-е лице, а суфиксъ третьяго не сохранился: *везъте* и пр.

Въ двойственномъ 1-е лицо въ Санскритѣ *ва*, у насъ тоже *ва* (жен. *вѣ*): *б҆ар-ê-ва, бър-пъ-ва.*

2-е лице въ Санскритѣ *там*, у насъ *та*: *ваѓê-там, везъта.*

3-е лице въ Санскритѣ *та́м*, у насъ *та*: *ваѓê-та́м, везъта.*

Личные суфиксы въ единств. ч. должны были у насъ, какъ наконечныя открытыя согласныя, пропасть неминуемо. И такъ вышли формы для всѣхъ трехъ лицъ: *бери, вези, читай* (*), *яждь* (наше *ъшь*

(*) Букву *и* въ нашей формѣ *читаи* отнюдь нельзя смѣшивать съ іотой, раздѣляющей гласные элементы въ 1-мѣ лицѣ настоящаго *читаю.* Въ послѣднемъ случаѣ іота либо принадлежитъ къ характеру глагольнаго клас-

изъ *тьжь* совпало со 2-мъ лицемъ настоящаго времени): имъ соотвѣчаютъ въ Санскритѣ: 1) *аdја-м, ваѓê-j-ам, б'арê-j-ам* (распространенная форма вм. *б'арê-м*), *чіптаjê-j-ам*; 2) *аdја-с, ваѓê-с, б'арê-с, чіптаjê-с*; 3) *аdја-т, ваѓê-т, б'а-рê-т, чіптаjê-т.*

Въ Русскомъ языкѣ только второе лице множ. ч. сохранило свой суфиксъ *те*. Первое же лице совпало съ формою настоящаго времени. Потому у насъ для всѣхъ прочихъ лицъ выходитъ одна образовательная буква наклоненія, *и* (послѣ гласной *й*) или *ь*, бывшій знакъ краткаго *і*. Другіе Славяне сохранили для 1-го лица множеств. ч. собственную форму этого наклоненія: *chodź-my*, *czytajmy*. Малор. *ходимо* и проч.

Это историческое происхожденіе нашего повелительнаго или лучше желательнаго наклоненія, признано и Авторомъ *Филолог. Наблюд.* Убѣдившись въ этомъ, мы найдемъ желанную законность для особаго употребленія сей глагольной формы, свойственнаго нашему языку. Этимъ мнимымъ повелительнымъ наклоненіемъ можемъ выражать мы то, на что Римлянинъ употреблялъ свой modum conjunctivum: не только наше *читай* однозначительно Латинскому *legas*, но и выраженіе *si legissem*, *s*, *t*;

са, либо появилась только для раздѣленія гласной *а* отъ гласнаго суфикса ѫ; а въ первомъ случаѣ б. *и* (нынѣ *й*) составляетъ характеръ наклоненія.— Это различіе важно.

fecissem, s, t, можемъ мы удобно передать однимъ словомъ: *прочти, сдѣлай—я, ты, онъ, мы, они.* Слѣдующее Цицероново предложеніе: *Si Neptunus, quod Theseo promiserat, non fecisset, Theseus filio Hippolyto non esset orbatus* — можно съ точностію передать такъ по Русски: *Не исполни Нептунъ своего обѣщанія Тезею, не лишился бы Тезей сына Ипполита.* Справедливо замѣчаетъ Павскій, что здѣсь б. *и* ни мало не служитъ къ выраженію 2-го лица. *Прочти, дѣлай*, относится равно ко всѣмъ лицамъ (ибо *и* знакъ наклоненія, а не лица), и если мы, въ своихъ грамматикахъ, приписываемъ сію форму исключительно 2-му, то въ этомъ конечно наша же вина, а не вина языка.

Здѣсь имѣемъ случай видѣть, какъ органически устроенъ языкъ. Б. *и* этого наклоненія, при всемъ забвеніи, въ какое пришла образуемая сю форма, при всей опасности смѣшаться съ другими образовательными элементами, часто по звуку съ ней вполнѣ сходными, сохранила однако чутье своего назначенія, и вдругъ появляется съ нимъ, мимо сознанія владѣльцевъ языка.

Славянскій языкъ не вовсе отказался отъ знаменателей тѣхъ формъ, которыя служатъ къ означенію моментовъ времени. Форму настоящаго времени мы видѣли: она какъ у насъ, такъ и въ другихъ языкахъ не имѣетъ никакой особой характеристики. Корень или тема глагола, принявъ личные суфиксы, становится уже способною къ выраженію настояща-

го времени. Здѣсь языкъ въ виду имѣетъ не моментъ времени, а только отношеніе дѣйствія къ лицу. Но оба другіе момента, прошедшій и будущій, нуждались въ особыхъ знаменателяхъ. Намъ кажется, что языкъ долженъ былъ чувствовать потребность знаменателя наиболѣе для представленія прошедшаго времени. Однако въ древнихъ языкахъ нашего семейства и прошедшее, и будущее время имѣютъ свои знаменательныя формы. Характеромъ будущаго времени служитъ въ большей части Индоевропейскихъ языковъ б. с. Въ Санскритѣ (равно и въ Зендѣ) этотъ характеръ имѣетъ полнѣйшую форму, именно: *сја* и эвфонически *шја*: *да̂-сја̂-ми* (дамъ), *б'авішја̂мі* (буду). Въ Греческомъ просто σ (δώσω). Впрочемъ Боппъ указываетъ на нѣсколько Дорійскихъ формъ, болѣе близкихъ къ Санскритской формѣ: πραξίομεν и пр., также на эпическую форму ἔσσομαι, и почитаетъ сію послѣднюю за эвфоническій продуктъ отъ ἔσjομαι, (см. Vergl. Gram. стр. 907). Эту букву *с* Боппъ, еще въ Conjugationsystem (стр. 30) призналъ за корень сущнаго глагола *ас*, не рѣдко теряющаго свою гласную. На это въ послѣдствіи согласились съ нимъ многіе. Глаголъ *ас* не имѣетъ особой формы для будущаго времени, а *modus potentialis* отъ него весьма сходенъ съ полнымъ суфиксомъ будущаго времени отъ другихъ глаголовъ, *сја*. Potentialis отъ глагола *ас* въ Санскритѣ таковъ: *сја̂-м* (какъ дадја̂м и проч. См. выше). Потому Боппъ и признаетъ собственнымъ суфиксомъ будущаго времени тотъ же слогъ *ја̂*, какой мы видѣли

въ потенціальномъ; такъ что въ сущности обѣ формы если не вовсе, то почти совпадаютъ. Слогъ же *ja* Боппъ рѣшается производить отъ корня *i* (*â* слѣд. будетъ образовательная буква 1-го или 6-го кл.), означающаго *желать* (другіе указываютъ на корень *i*, *идти*). Не несемъ обязанности и не имѣемъ права входить здѣсь въ разысканіе объ этимологическомъ происхожденіи сихъ знаменателей; нѣсколько ниже мы объяснимся вообще о такъ называемой системѣ агглутинаціи, спайки, или, какъ приличнѣе называютъ другіе, поглощенія.

Славянскій языкъ отъ начала своего памятнаго быта не представляетъ особой формы для будущаго времени, хотя сосѣдняя Литва сохранила доселѣ знаменательную букву *с* и *ш* (Литов. *bu-sû*, Латыш. *bu-schu* и пр.). Боппъ, ища въ нашемъ языкѣ аналогіи для выставленнаго имъ значенія образовательнаго слога *ja*, указываетъ на Церковно-славянскія описательныя формы съ глаголомъ *хотѣть*; но зная, что сими формами переводчики старались выразить Греческое μέλλω, онъ не даетъ имъ никакого вѣса. Мы тоже примемъ ихъ болѣе за произведеніе писателя, нежели языка, но укажемъ (впрочемъ не ради какой бы то ни было аналогіи) на Сербо-болгарскую форму будущаго времени. Будущее время въ Сербскомъ образовалось поглощеніемъ помогательнаго глагола — *оћу* (ктети или тети, хотѣть): и *буду играть* по Сербски выходитъ *играћу* (т. е. *игра-оћу* какъ бы играть хочу). Болгарскій языкъ въ этомъ случаѣ оказался еще распорядительнѣе: у него будущее время имѣетъ четыре формы или лучше двѣ, образо-

ванныя посредствомъ того же глагола въ видѣ *ще*, или, по обыкновенному Болгарскому произношенію, *ште*.

1. *Ште да думам* (хочу думать), *ште да продумам* (тоже въ совершенномъ видѣ).

2. *Думаштем* (какъ по Сербски) и *продумаштем*

Во второй формѣ видимъ почти полное поглощеніе одного корня другимъ, какъ и въ Сербскомъ.

Въ Малорусскомъ глаголъ поглощаетъ другой корень,*им*, *иму*: *стоятиму*, *могтиму*, *игратиму*. Замѣтимъ, что какъ въ Церковныхъ книгахъ, такъ и грамотахъ весьма любимо описаніе будущаго времени посредствомъ глагола *имать*. Въ общепринятомъ же Русскомъ языкѣ (тоже въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ) будущее время для своего означенія прибѣгаетъ къ предлогамъ, придающимъ дѣйствію совершительный видъ, или къ описанію посредствомъ глагола *быть* и *стать*. Сверхъ того, смыслъ будущаго времени, какъ мы видѣли, получило настоящее время тѣхъ глагольныхъ видовъ, которые, при быстромъ и краткомъ спряженіи, выражаютъ дѣйствіе въ самой точкѣ его совершенія.

Представленіе прошедшаго времени образуется гораздо богаче, нежели будущаго. Удвоеніе корня, усиленіе или измѣненіе вокализма, нарощеніе и наконецъ присовокупленіе особыхъ знаменателей, все служитъ къ выраженію прошедшаго времени и его оттѣнковъ. И по праву: прошедшее время по самой сущности своей гораздо важнѣе и богаче чѣмъ бу-

дущее время, которое само должно черпать и силу, и цвѣтъ свой изъ типовъ прошедшаго времени.

Мы видѣли, что главнѣйшія изъ тѣхъ органическихъ средствъ, какими языкъ выразилъ древле представленіе былаго, сохранились и у насъ. Но языкъ нашъ, не дорого цѣня различія временъ, воспользовался сими средствами наиболѣе для выраженія того, что ему казалось важнѣе, и о чемъ говорено было выше. — Мы видѣли соотношеніе нашей распространенной формы *ыва* изъ *ава*, черезъ посредство *ова*, съ Церковнославянской распространенною формою прошедшаго времени $a + a$. Теперь посмотримъ на тотъ знаменатель прошедшаго времени, который видимъ мы въ языкѣ Церковномъ и который утраченъ позднѣйшимъ Русскимъ языкомъ. —

Это буквы *х, т, с.* Русскій языкъ съ давнихъ поръ отказался отъ сихъ знаменателей. Но безъ сомнѣнія бытовали они нѣкогда въ его нарѣчіяхъ, какъ и доселѣ видимъ мы ихъ въ употребленіи у многихъ племенъ Славянскихъ (у Лужичанъ, Сербовъ, отчасти Чеховъ); нѣкоторые древнѣйшіе памятники, писанные архаическимъ языкомъ, представляютъ ихъ съ нѣкоторой особенностію, не встрѣчаемою ни въ церковныхъ книгахъ, ни въ остаткахъ Чешской древности, ни у другихъ Славянъ. Я разумѣю: приставное *ть* передъ 3-мъ лицемъ какъ множ., такъ и единственнаго: *говоряхуть*, *бѣжашеть.* Не въ одной Ипатьевской (т. е. Волынской) лѣтописи

или въ Словѣ о Полку Игоревѣ, но и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ попадается часто это энклитическое *тъ*, въ которомъ нельзя не признать суфикса 3-го лица.

Мы видѣли выше отношенie сихъ трехъ буквъ между собою. *Х* и *ш* предполагаютъ, какъ свое prius, букву *с*. Сiю же послѣднюю (равно и *ш*) видимъ мы въ главнѣйшихъ языкахъ нашего поколѣнiя безспорнымъ знаменателемъ прошедшаго времени. Сл. Санскр. *атапсам* (luxi, кор. тап), *açраушам* (audivi, кор. *çру*) и проч.; Греч. аористъ (1): ἔτυψα, ἔστησα и пр. Латин. *rexi*, *scripsi* и пр.

Въ Санскритѣ та форма прошедшаго времени, которая прибѣгаетъ къ помощи этого знаменателя, *с* или *ш*, поставлена Боппомъ въ прямое соотношенiе (конечно только этимологическое) съ Греческимъ первымъ аористомъ. Боппъ же первый обнаружилъ здѣсь новое сродство нашихъ глагольныхъ формъ съ Санскрито-греческимъ спряженiемъ, древнѣйшимъ въ семействѣ Индоевропейскихъ языковъ. Изъ семи различiй Санкритскаго praeteriti multiformis, собственно два могутъ быть приводимы въ этимологическое соотношенie съ нашими формами.

Въ Славянскомъ языкѣ прошедшее, образованное сказанными суфиксами, бываетъ двоякимъ: совершеннымъ и несовершеннымъ (praetiritum actionis continuatae). Первое, по своему образованiю, находится въ ближайшемъ соотвѣтствiи съ 3-мъ различiемъ Санскритскаго praeteriti multiformis, второе примыкаетъ къ 1-му различiю.

Особенность 3-го различія состоитъ въ томъ, что къ усиленному корню глагола приставляется знаменательный слогъ *са* или *ша*, однако не прямо: на мѣстѣ класснаго характера, отъ котораго глаголъ отказывается, между корнемъ и суфиксомъ, появляется соединительная буква *i*. Въ двухъ прочихъ лицахъ единств. числа суфиксъ изчезаетъ; но соединительная буква остается между корнемъ глагола и личными суфиксами. Въ двойств. и множ. ч. снова оказывается суфиксъ.

Такъ глаголъ *сван* (звучать, звенѣть), принимая аугментъ (*асван*), даетъ въ первомъ лицѣ сего времени — *асван-і-шам*; точно также *су* (*рождать*) даетъ *асâв-і-шам*; *буд*(*знать*, *бѣдить*) — *абôд-і шам*. Славянская форма: *бѣдп-хъ*, *буди-хъ*, *звони-хъ*, *звенп-хъ*, т. е. глаголъ не отказывается отъ своего характера; усиленія въ его корнѣ не замѣчается: ибо синтактическое значеніе, данное языкомъ этой формѣ, не нуждается въ усиленіи. Если глаголъ принадлежитъ къ первому классу, и корень его исходитъ на гласную, берется (съ эвфоническою цѣлію: для разведенія согласныхъ элементовъ) гласная *о*: *вез-о-хъ*; тоже бываетъ съ глаголами 2-го класса, которые отметаютъ въ производныхъ формахъ свой характеръ: *погыб-о-хъ*.

Санскритскому *сам* и *шам* соотвѣтствуетъ *хъ*.— Точно также изъ *сам* и *шам* род. падежа множ. числа вышло наше *хъ* (см. выше о склоненіи): *тê-шам*, *тѣ-хъ*. Точно также Санскритскому *врікê-шу* соотвѣчаетъ наше *волцѣ-хъ*.

2-е и 3-е лице ед. ч. въ Славянскомъ (точно также какъ въ Санскритѣ praeteritum 3-го образованія) отметаютъ суфиксъ. Санскритскія формы: *асав-î-с*, *асав-î-т*; *абод'-î-с*, *абод'-î-т*; *асван-î-с*, *асван-îт*. Славянскія формы: *бѫдѣ*, *буди*; *звенѣ*, *звони*.—Личныя суфиксы, какъ открытыя согласныя, должны были пропасть, и наружу вышла тематическая гласная глагола. Въ глаголахъ съ корнемъ на гласную появляется въ семъ случаѣ гласная *е* (погыбе, увезе).

Прежде чѣмъ взглянемъ на двойственное и множеств. число сей формы, обратимъ вниманіе на единственное же число другой формы прошедшаго времени въ Славянскомъ языкѣ. Она, какъ сказано, своимъ образованіемъ напоминаетъ 1-е различіе Санскритскаго praeteriti multiformii. Въ Санскритѣ къ усиленному корню глагола приступаетъ непосредственно суфиксъ времени. Напр. кор. *нî* (вести, нести), усиляясь черезъ вридд'и и принимая суфиксъ *шам*, дастъ *анаî-шам*; корень *туд* (мучать)—*атаут-сам*; второе лице вмѣсто *ша* оказываетъ *шî*, *сî*; тоже третіе: *анаîшî-с*, *анаîшî-т*; *отау-тсî-с*, *атаутсî-т*.

Славянская форма:

(носить, ношаа, нашива)

ношаа-хъ, ношаа-ше, ношаа-ше.

(казаа, казыва)

казаа-хъ, казаа-ше, казаа-ше.

(валить-валѣа, валива)

валѣа-хъ, валѣаше, валѣа-ше.

Объ особаго рода усиленіи нашихъ глаголовъ говорено было выше; къ распространенной такимъ

образомъ темъ глаголовъ приступаетъ суфиксъ въ 1-мъ лицѣ *хъ*, во 2-мъ и 3-мъ *ше*.

анаі-шам — ношаа-хъ

анаі-шi-с — ношаа-ше

анаі-шi-т — ношаа-ше

Кор. çру:

аçрау-ша-м — слоу-хъ (собств. слоуша-хъ, но для

аçрау-шi-с — слоу-ше большей ясности беремъ

аçрау-шi-т — слоу-ше слоутъ).

Возьмемъ еще 2-е образованіе Санскритскаго praeteriti въ сличеніи съ Греческимъ 1-мъ аористомъ (см. Vergl. Gram. стр. 803) кор. *diç* (=Греч. δείκνυμι

адік-шам — даи-хъ, — ἔδεικ-σα

адік-ша-с — даи-ше — ἔδεικ-σα

адік-ша-т — даи-ше — ἔδεικ-σε

Здѣсь соотношеніе нашихъ суфиксовъ съ Санскритскимъ и Греческимъ еще яснѣе: наше *ше* гораздо лучше идетъ въ сличеніи съ Санскритскимъ *ша*, нежели съ *шi*. Можно сказать, что наша форма praeteriti actionis continuatae колеблется между 1-мъ и 3-мъ различіемъ Санскритскаго praeteriti. Перейдемъ ко множ. числу.

3-е различіе:

	Кор. *су*	кор. *буд*	кор. *сван*
1-е л.	асâв-і-шма	абôд'і-шма	асвані-шма
	асав-і-шт'а	абôд'і-шт'а	асвані-шт'а
	асâв-і-шус	абôд'і-шус	асвані-шус
	кор. *тру* (*трав*)	кор. *бъд*, *буд*	кор. *звон*, *звен*
	отрави-хомъ	(у) бŷди-хомъ (собств. бъдѣ-хомъ)	звони-хомъ, звене-хомъ

отрави-ста	(у)буди-ста	звони-ста	звенѣ-ста
отрави-шѧ	(у)буди-шѧ	звони-шѧ	звенѣ-шѧ

Точно также *везохомъ*, *везоста*, *везошѧ* и пр.

Группы *шма*, *шта*, нетерпимы Славянскимъ языкомъ; потому во 2-мъ лицѣ Санскритскому *шта*, отвѣчаетъ у насъ *ста*. Въ первомъ же лицѣ вмѣсто *шма* стоитъ *хомъ*, а въ Сербскомъ нарѣчіи еще ближе къ Санскритской формѣ стоитъ *смо* (будисмо) и пр. Что же касается до 3-го лица *шѧ*, то оно безъ сомнѣнія вѣрнѣе себѣ, нежели Санскр. *шус*.

	кор. ні	*кор. çру*
1-е разл.	анаі-шма	аçрау-шма
	анаі-шта	аçрау-шта
	анаі-шус	аçрау-шус

2-е разл. и Греч. 1-й аористъ.

адік-ша-ма - ἐδείκ-σα-μην
адік-ша-та - ἐδείκ-σα-τε
адік-ша-н - ἐδείκ-σα-ν

пашаа-хомъ	(Серб. смо)	слышаахомъ	(Серб. смо)
пашаа-ста	—— —	слышаа-ста	
пашаа-шѧ(хѫ)	—— —	слышаа-шѧ(хѫ)	

Въ 3-мъ лицѣ двѣ флексіи *шѧ* и *хѫ*. Въ этой мѣнѣ надо видѣть замѣчательное въ нашей древней фонетикѣ сочувствіе между небной (гортанной) и зубной системой съ соотвѣтными гласными. Одна и таже буква появляется то въ видѣ *ш*, то въ видѣ *х*, смотря потому, ѧ или ѫ вызываетъ ее.

Наконецъ, вотъ формы двойственнаго числа:

кор. *су*	кор. *буд'*	кор. *сван*
асâв-і-шва	абôд'-і-шва	асван-і-шва
асâв-і-штам	абôд'-і-штам	асван-і-штам
асâв-і-штâм	абôд'-і-штâм	асван-і-штâм

	кор. *тру*	кор. *бѣд*	кор. *звен*
1-е л	отрави-хо-ва(вѣ)	бѣдѣ-хо-ва(вѣ)	звенѣ-хо-ва(вѣ)
2 и 3	отрави-с-та(тѣ)	бѣдѣ-с-та(тѣ)	звенѣ-с-та(тѣ)

анаі-ш-ва	нашаа-хо-ва
анаі-ш-там	ношаа-с-та
анаі-ш-тâм	ношаа-с-та

Адік-ша-ва —	даы-хова	
адік-ша-там —	даы-с-та	ἐδείκ-σα-τον
адік-ша-тâм —	даы-с-тá	ἐδεικ-σά-την.

Знаменатель прошедшаго времени, букву *с* (эвф. *ш*), Боппъ отыскиваетъ въ корнѣ сущнаго глагола *ас*, который служитъ здѣсь связкою между дѣйствіемъ и лицемъ. Гласная этого корня, какъ выше замѣчено, теряется легко, и во множ. числѣ выходитъ форма *смас* (припомнимъ интересную Польскую форму *byliśmy*). Кромѣ того, въ одномъ изъ различій praeteriti multiformis, именно въ 4-мъ, образовательный корень даже удвояется, на пр. глаголъ *ja* (ire) даетъ *аja-сішам.*

Свои доказательства Боппъ излагаетъ подробно въ Conjugations-system стр. 18 и слѣдд.. Vergl. Gram. стр. 792. Мнѣніе Боппа объ участіи корня *ас* въ образованіи прошедшаго времени нашло себѣ большее одобреніе, нежели мнѣніе объ участіи того же

корня въ будущемъ времени. Гриммъ принимаетъ его легко, и даже самъ Лассенъ въ тѣхъ же формахъ прошедшаго времени допускаетъ участіе сущнаго глагола.

Въ древности зараждалась было у насъ еще особая форма прошедшаго. Вообще попадается она не очень часто: я разумѣю форму imperfecti, составленную съ глаголомъ быть, на пр. *мога бѣ*, *льстя бѣ* и пр. Геній языка не захотѣлъ однако воспользоваться ею: она не принялась, иначе мы получили бы форму imperfecti, нѣсколько похожую на Латинскую *amabam*, *docebam*, если принять нынѣ довольно распространившееся объясненіе сей Латинской формы сращеніемъ съ сущнымъ глаголомъ *б'ў* (*bam*, какъ бы посредствомъ стяженія изъ *аб'авам*). Нельзя ли однако принимать *amabam*, а равно и *amabo*, за нѣчто аналогическое тому расширенію темы глаголовъ, какое видимъ мы у себя? Нѣтъ ли возможности сличить Латинскую форму *amaba* съ нашимъ *казаа*, откуда и *казава*?

Богатствомъ глагольныхъ видовъ, носящихъ на себѣ, какъ мы видѣли, ясную печать глубокой древности, и назначеніемъ, которое далъ имъ геній нашего языка, выкупаемъ мы нынѣ утрату органически построенныхъ формъ времени. Впрочемъ одинъ изъ древнѣйшихъ членовъ нашего семейства, въ столь близкой связи состоящій съ нашимъ языкомъ, что въ его формахъ здравое сличеніе легко узнаетъ первообразы нашихъ формъ, самъ Санскритъ, какъ бы первый подалъ примѣръ, употреблять причастіе

съ помогательнымъ глаголомъ, для означенія временъ дѣйствія. Не уступая ни одному изъ своихъ родичей во многообразіи временныхъ формъ, Санскритъ не проводитъ однако между ними такихъ явственныхъ синтактическихъ границъ, какъ Греческій. Ни одну изъ органическихъ формъ прошедшаго не употребляетъ онъ исключительно для означенія дѣйствія совершеннаго. По свидѣтельству санскритологовъ, любитъ Санскритъ прибѣгать къ описательной формѣ. Для выраженія совершеннаго дѣйствія образуетъ онъ посредствомъ суфикса *ват* (именит. *ван*, въ сильныхъ падежахъ *вант*), прилагаемаго къ причастію страдательнаго (на *та*) особую форму, и соединяетъ ее съ глаголомъ *асмі* (*). На прим. *уктаван асмі* (кор. *вач*=нашему *вѣт* въ глаголѣ *вѣщать*, *вѣчать*; причастіе *укта*=*вѣщанъ*, *сказанъ*; *ван* суфиксъ, означающій принадлежность сдѣланнаго дѣла субъекту; все вмѣстѣ значитъ какъ бы *имѣю сказанное*, *dictum habeo*, *dicto praeditus sum*). Точно также отъ страдат. причастія *крīта* выходитъ *крīтават*, facto praeditus sum и т. д. На тотъ же конецъ употребляетъ Санскритъ просто страдательное причастіе съ творительнымъ падежемъ имени дѣйствующаго, на пр. *гатан* (кор. *га*, *ire*) *тваjâ*, *пройдено тобою*, вм. *я прошелъ*; *уктан маjâ сказано мною*. Оборотъ столь любимый нашими народными пѣснями. Наконецъ, еще ближе къ нашему описанію слѣдующее Санскритское описаніе: *гатô сми* (вм.

(*) См. Vergl. Gram. стр. 746 и слѣдд. Kritisch. Gram. § 553.

гатас асмі) =*ходилъ есмь* (см. Vergl. Gram. стр. 748, 830 и проч.).

Теперь слѣдуетъ спросить, что такое и откуда взялась форма на *лъ*, служащая для описанія нашего прошедшаго времени? Въ ней легко признать причастіе. На вопросъ откуда взялась она, отвѣчать труднѣе: рѣшительно ни одинъ изъ сродныхъ языковъ не оказываетъ причастія на *л*. Есть о происхожденіи этой формы, сколько мнѣ извѣстно, два мнѣнія: одно принадлежитъ автору *Филолог. Наблюденій*, и состоитъ въ томъ, что б. *л* есть придыханіе, равное знаку praeteriti *х, ш*, также причастному *в*. Но *х, ш, с*, какъ знаки прошедшаго времени, ничего не имѣютъ общаго съ причастными формами, и во все не заслуживаютъ быть названы тунеядными придыханіями. Приводимыя Павскимъ изъ различныхъ кодексовъ и списковъ мѣста, гдѣ мѣшаются временныя формы съ причастными (*спяхъ* въ другихъ *спявъ*, *спялъ*) недоказательны. Еще менѣе могутъ служить доказательствомъ примѣры изъ Даніила Паломника: болѣе ничего нельзя вывести изъ этого смѣшенія причастныхъ формъ съ временными, какъ уже и безъ того извѣстное дѣло, что въ тѣхъ эпохахъ, къ которымъ относятся приводимые памятники и списки, временныя формы утратились въ живомъ говорѣ, оставаясь только принадлежностію архаическаго слога.

Другое вышло отъ Боппа нимало не удовлетворительное. Боппъ полагаетъ, что нашъ су-

фиксъ *л* произошелъ изъ причастнаго же суфикса *т*; такъ что наше причастіе *былъ* сличаетъ онъ съ Санскритскимъ *бӯта-с*, Персидскимъ *budeh* (буде-х). Однако сей суфиксъ *т*, назначенный преимущественно къ образованію причастія *страдательнаго* (лишь отъ глаголовъ среднихъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, можетъ онъ производить причастіе дѣйствительное), живетъ у насъ во всей силѣ; даже приведенному *бӯта*, кромѣ формы *былъ*, можетъ найтись въ соотвѣтствіе форма *бытъ* (*забытъ* *wybyty*). Переходъ б. *т* въ *л* у насъ весьма труденъ, и чтобы основать на немъ цѣлую этимологическую породу, надобно имѣть въ свою пользу много данныхъ.

Мнѣніе Павскаго въ томъ отношеніи весьма правдоподобно, что сводитъ причастный суфиксъ *л* съ причастнымъ же *в*. Буква *л* можетъ легко произойти въ нашемъ языкѣ изъ б. *в*, такъ что формы *ходивъ* и *ходилъ* были бы въ сущности одной и той же формою, только раздвоенною употребленіемъ. Сл. *служивый* и *служилый* и т. п. У Малорусовъ и нѣтъ другой формы, кромѣ *ходивъ*, *бывъ*.

Примѣч. Замѣчательно, что въ бывшихъ областяхъ Великаго Новгорода, особенно въ Архангельской губерніи, вмѣсто наконечнаго *лъ*, слышится просто *о*: вмѣсто *бывалъ*, *бывао*; *ходилъ*, *ходіо*; *игралъ*, *играо* (совершенно по Сербски). Въ Бѣлорусскомъ выговорѣ *о* сбивается на *у*, *ходіу* и пр. Зная склонность Новгородскаго и Бѣлорусскаго выговора вокализовать букву *в*, можемъ видѣть въ этомъ новое подтвержденіе

тому, что причастія на *в* и *л* стоятъ между собою во взаимности. Буде кто захочетъ, можетъ обратить вниманіе на Литовскую форму praeteriti: *buwau* (2-е *л.* buwai, 3-е *л.* buwa).

Но прежде нежели совсѣмъ перейдемъ къ причастнымъ формамъ, скажемъ нѣсколько словъ о залогахъ. Переходность и непереходность дѣйствія отличается, какъ мы видѣли, характеромъ глаголовъ, и сверхъ того, предлогами. По особой спрягаемой формы для страдательнаго и возвратнаго залога нашъ языкъ не разсудилъ удержать. Касательно мѣстоименія *ся* (сѧ — винит. падежъ) служащаго при этихъ формахъ (собственно при возвратной), замѣтимъ, что и въ другихъ языкахъ отправляетъ онъ туже службу. Латинская форма страд. и отложит. залога на *r* конечно лучшаго не найдетъ себѣ объясненія, какъ въ этомъ же возвратномъ мѣстоименіи. Но особенно близко къ намъ устройство возвратной формы въ языкахъ Летскихъ: тамъ корень возвратнаго мѣстоименія, *с*, приросъ совсѣмъ къ глаголу, какъ въ Латинскомъ на пр. *wadinnus*, nominor. Въ Славянскихъ діалектахъ возвратное мѣстоименіе гораздо болѣе чувствуетъ свою самостоятельность, держится отдѣльно отъ глагола, и чаще передъ нимъ нежели за нимъ. Въ общепринятомъ же Русскомъ оно пристало къ глагольному окончанію: не многаго кажется недостаетъ, чтобы оно и вовсе приросло къ нему, какъ въ упомянутыхъ выше родственныхъ языкахъ. Въ разговорной рѣчи *ся* сокращается въ *сь* или даже просто *с*. И если бы языкъ настоялъ со временемъ

на этомъ сокращеніи повсемѣстно, многія тяжелыя формы могли бы черезъ то не мало облегчиться.

Мы коснулись выше причастія на *въ*. Оно имѣетъ смыслъ дѣйствительнаго залога (въ отличіе отъ страдательнаго) и прошедшаго времени; примыкаетъ прямо къ темѣ глагола. Въ самомъ ясномъ соотношеніи состоитъ съ нашимъ причастіемъ Санскритское причастіе praeteriti reduplicativi activi на *вас* (въ именит. *ван*). Мы знаемъ, что согласная на концѣ въ древнемъ языкѣ Славянскомъ была нетерпима; потому ни тематической б. *с*, ни именительной *н*, прямая форма нашего причастія не оказываетъ. Но въ склоненіи и въ движеніи родовъ, подъ защитою гласной, обнаружилась буква *ш*. Взглянемъ на склоненіе Санскритской формы: им. *рурудван* (=*рыдавъ* или *рыдавый*), род. *рурудушас*, дат. *рурудушѣ* и т. д. въ женскомъ родѣ *рурудушї*, *рыдавъши*; кор. *пач* (*пекти*, *печь*)—*пѣчі-вас*, *пекъ* (вм. *пекв*ъ), жен. *пѣчушї*, *пекъши* и проч.

Вспомнимъ здѣсь о причастіи на *лъ*. Причастіе рыдавъ само по себѣ имѣетъ видъ не склоняемый: буква *ш* въ его склоненіи и движеніи появляется будто посторонняя и чуждая его темѣ. Причастіе *рыдавъ* легко отказалось отъ движенія, предоставивъ его своему двойнику *рыдалъ* (*а*, *о*), который остался чѣмъ то среднимъ, ибо принявъ движеніе, склоненія не принялъ.

Причастіе настоящ. врем. дѣйствит. зал. на *я*=*ѧ*, *ы*=*ѫ* (тема обѣихъ формъ *ѫщь*) находится въ са-

мой ясной связи съ тѣмъ же причастіемъ въ родственныхъ языкахъ.

Въ Латинскомъ *ant* или *ent*, въ Греческомъ ων или οντ; въ Санскритскомъ *ат*, именит. *ан*, въ сильныхъ падежахъ *ант*. Что касается до буквы *щ*, (ħ, ч), то происхожденіе ея изъ б. *т* внѣ всякаго сомнѣнія (см. выше о буквахъ). Буква *щ* также выходитъ въ склоненіи и движеніи сего причастія, какъ б. *ш* въ причастіи прошедшаго времени: *везы-*, *везы-й*, ж. р. *везжщи* сл. Санскр. именит. муж. р.; *ваган* (род. *ваґантас*), ж. р *ваґанті*.

Причастіе наст. страд. залога на *мъ* Павскій сличаетъ основательно съ возвратнымъ Санскритскимъ на *мана*, Греческимъ на μενο (сл. тоже Латин. *ama-mini*). Причастіе *мъ* получило у насъ исключительное значеніе страдательнаго залога; но есть примѣры употребленія его въ среднемъ, какъ *бываемъ*, *изсякаемъ*, и даже въ собственно дѣйствительномъ: *родимый*. Вообще причастное *ман* или μεν, или *м*, играетъ не маловажную роль въ общемъ словообразованіи нашихъ языковъ. Наши среднія на *мѧ* (мен), по всей вѣроятности, относятся сюда же (*).

(*) Что касается до нарѣчій на *ма*, *мя*, о которыхъ выше была рѣчь, въ статьѣ о склоненіи; то нѣкоторыя моглибъ быть отнесены и сюда; тѣмъ болѣе, что суфиксъ приступаетъ прямо къ корню. Нѣтъ склоняемыхъ существит. *лив*, *стой*, и потому нарѣчія *ливмя*, *стоймя*, могутъ быть представляемы какъ *ливмѧ*, *стоймѧ* и почитаемы за причастную форму.

Какъ не удержалъ Славянскій языкъ особой формы для будущаго времени въ спряженіи, такъ не удержалъ и будущаго причастія. За то сохранились родственныя съ этимъ будущимъ причастіемъ существительныя имена, преимущественно на *тель* (нынѣ у Лужичанъ *ćeŕ*=*теръ*); суфиксы же *тарь* и *тырь* сомнительны. *Сл.* Санскр. суф. *тара* (именит. *тâ*) въ словѣ *джанітâ* или множ. *джанітâ-ра-с*— *genitor*, *родитель*. Въ Латинскомъ суфиксъ *тара* является въ двоякомъ видѣ, какъ собственно причастный суфиксъ *turu-s*, и какъ образовательный *tor*: *genіturus* и *genitor*. Въ Греческомъ суфиксы τωρ и τηρ образуетъ только имена.

У насъ суф. *тель* производятъ обыкновенно отъ неокончательнаго наклоненія, и слѣд. за собственный суфиксъ имени принимаютъ *ль*. Для практическаго употребленія такое производство можетъ быть допущено. Однако и въ нашемъ языкѣ есть формы, показывающія его неосновательность: на пр. имя *попечитель*—какъ произвести отъ неокончательнаго наклоненія *печь* или даже *пекти*? Явно, что здѣсь суфиксъ *тель* присовокупляется къ корню глагола, а гласная *и* служитъ только къ соединенію суфикса съ корнемъ, какъ на пр. въ вышеприведенной Санскритской формой *джан-і-тâра*, корень *джан* (откуда nom. abstr: *джанті*) равно и въ формѣ particip. praet. *пачі-вас* (но суф. *тара* корнемъ *пач* принимается непосредственно: *пактâ*, coctor, coсturus— множ. ч. *пактâрас*). — Какъ суфиксъ нашъ можетъ

терять свой первый слогъ, видимъ на пр. изъ формы *родиль*, которая попадается въ грамотахъ вмѣсто *родитель* (чтобы не перестала память *родилій* нашихъ. Древ. Вивл. изд. Ч. I. N 4-й и въ другихъ мѣстахъ.

Примѣч. Санскрит. суф. *тара* служитъ сверхъ того къ означенію сравнительной степени, а отсюда и къ образованію нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ и числительныхъ формъ: сл. *ко-торый*, *катара*; *нѣкоторый*, *ѐка-тара*; *второй*, *an-tara* (Гот. anthar, ander), куда, быть можетъ, примыкаетъ *утро*, въ смыслѣ другаго дня и пр. Объ образовательной силѣ сего суфикса см. у Боппа подробное разсужденіе Vergl. Gram. въ статьѣ о прилагательныхъ. Разнообразныя его значенія приводитъ Боппъ къ общему значенію глагольнаго корня *трî* (*тар*) ступать, выступать, корня, который видитъ онъ и въ Латинскихъ *tra-ns in-tra-re*, и проч.

Очень можетъ быть, что суфиксъ именъ орудій *ло* имѣетъ связь съ Греческими τρον и τρα, которыя въ свою очередь могутъ состоять въ этимологической связи съ суфиксомъ nom. agentis τωρ и проч. Извѣстно, что наши орудныя имена на *ло* *мыло*, *правило* и пр. въ нарѣчіяхъ Сѣверо-западныхъ оказываютъ всегда *д* передъ буквою *л*, такъ что полный суфиксъ на пр. въ Польскомъ, Чешскомъ и другихъ таковъ: *dlo*, на пр. *mydlo*, *prawidlo*. Это *д* признаютъ обыкновенно вставною, и нашей формѣ даютъ право первородства. Причина такому мнѣнію заключается въ томъ, что древнѣйшіе памятники принадлежатъ нарѣчію церковному, которое въ этомъ случаѣ руководимо было такимъ же эвфоническимъ началомъ, какимъ всѣ юговосточныя нарѣчія и въ

ихъ числѣ Русское. Въ Церковномъ нѣтъ формы *сѣдлъ*, *ведлъ*, между тѣмъ она этимологически законнѣе, нежели *сѣлъ*, *велъ*. Если въ словѣ *wedl* б. *u* стоитъ по праву, то почему же не стоитъ она по праву въ формѣ *mydlo*, строеніемъ своимъ весьма похожей на Греческую λοῦτρον.

Слѣдующіе суфиксы образуютъ въ Санскритѣ participium futuri passivi или лучше adjectiva necessitatis: *tavja*, *anîja*, *ja*. Нѣкоторые языковѣды (именно Эвальдъ. См. Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes—1844 г. 5-го тома 2-я тетрадь 442 стр.) сличаютъ и Латинскій суфиксъ *dus* въ Санскрит. *anîja*. Съ суфиксомъ же *tavja* легко можетъ быть сличаемъ Греческій τεος (изъ τεϜος?); Боппъ въ Вокализмѣ (стр. 64) относитъ сюда же и Латинскій tivus.—Нашъ суфиксъ прилагательныхъ и отглагольныхъ *чивъ* долженъ же имѣть какой нибудь источникъ? Сличенію съ суфиксомъ *tavja* не можетъ препятствовать то, что нашъ суфиксъ не заключаетъ въ себѣ понятія страдательной необходимости. Разъ забывъ свое назначеніе, суфиксъ обыкновенно темнѣетъ и часто даже переходитъ въ противное значеніе. Впрочемъ значеніе прилагательныхъ на *чивъ* (готовность, склонность, способность къ дѣйствію, выраженному корнемъ глагола) не очень далеко ушло отъ значенія adjectivi necessitatis. У насъ нѣтъ особой формы страдательнаго залога, потому суф. *чивъ* могъ легко отвыкнуть отъ собственно страдательнаго смысла. Лат. participium necessitatis можетъ же быть производимо отъ глаголовъ непереходныхъ. Да и Санскритскій

суфиксъ образуетъ причастія какъ изъ переходныхъ, такъ и непереходныхъ корней (см. критич. грам. § 554, 555.): *б'авітавја*отъ корня *бу* (esse); *джагрітавја* отъ корня *джагрі* (vigilare) и пр.

Въ формѣ *четій* (четьи минеи) сохранился у насъ въ совершенной ясности знакъ причастія страдат. *ја* (сл. Санскр. *крітја* отъ корня *крі*, (facere) откуда также и *кâрја*. Критич. Грам. § 557), который образуетъ не только partic. fut. pass., но и различнаго свойства существительныя и прилагательныя (авторъ *Филолог. наблюд.* видитъ сей суф. даже въ существ. *женихъ, швея*).

Собственнымъ суфиксомъ прилагательныхъ по необходимости долженъ, кажется, быть признанъ послѣдній изъ трехъ приведенныхъ, т. е. *ја*; ибо *тавја аніја*, какъ остроумно замѣчаетъ Эвальдъ, произошли изъ неокончательнаго наклоненія на *ту* и *ана* (суфиксъ преимущественно именъ отвлеченныхъ, какъ наше *ні-е*).

Неокончательное наклоненіе въ Санскритѣ исходитъ на *тум*. Боппъ призналъ сей суфиксъ за форму винит. падежа, коего прямой падежъ есть *ту*, форма встрѣчаемая въ Ведахъ (см. Крит. Грам. §§ 561, 564.); отсюда же производится имъ и gerundium Санскритское на *твâ*, какъ творит. падежъ отъ того же суфикса. Съ этой формой на *ту* и *тум* состоятъ въ непосредственной связи какъ Латинскія supina на tum и tu, такъ и нашъ древній супинъ на *тъ*.

Другой видъ нашего неокончательнаго наклоненія (нынѣ единственно употребляемый) на *ти*, *ть*, сближается съ именами на тотъ же суфиксъ, выражающими дѣйствіе отвлеченное. Въ Санскритѣ ходитъ онъ такъ, какъ и у насъ въ видѣ *ті* (*бўті* быті-е, Греч. φύσις, φάσις, Латин. *emti-o*(n), *servitium*; Древне-нѣмец. *erweliti*, избраніе). — Итакъ не будемъ распространяться объ немъ въ этимологическомъ отношеніи: дѣло само собою очень ясно. Лучше замѣтимъ особое свойство его какъ неокончательнаго наклоненія въ нашемъ языкѣ.

Мы часто употребляемъ наше неокончательное наклоненіе съ значеніемъ необходимости, и это ведется изъ старины: *быти грому великому*; *не бывать Торжку Новгородомъ*. Это значеніе свойственно неокончательному наклоненію только въ нашемъ языкѣ. Къ этому же значенію, быть можетъ, отчасти примыкаетъ то особое употребленіе неокончательнаго наклоненія, которое замѣчено было выше въ статьѣ о винит. падежѣ ед. ч. Когда въ старинныхъ нашихъ памятникахъ съ неокончательнымъ наклоненіемъ сочиняется именит. падежъ, то вмѣстѣ съ нимъ стоитъ или всегда подразумѣвается падежъ дательный: *взяти ему правда*, т. е. какъ бы правда есть ему взяти—выраженіе, гдѣ неокончательное наклоненіе получаетъ смыслъ participii fut. pass., и значитъ тоже, что значило бы: *книга есть четія*. Очень вѣроятно, что языкъ, допуская такое употребленіе неокончательнаго наклоненія, сохранялъ темную память о причастной формѣ, которая, не будучи под-

держана письменностію, легко слилась съ формою неокончательнаго наклоненія.

Ко всѣмъ указаннымъ суфиксамъ неокончат. наклоненія и именъ отглагольныхъ примыкаютъ оба суфикса причастія страдательнаго на *тъ* и *нъ*. Въ Санскритѣ симметрически соотвѣчаютъ имъ *та* и *на*.

Всѣ эти образователи рожденные, такъ сказать, на границѣ глагольной области, заходятъ и заходятъ далеко въ собственную область именъ. Многія имена легко могутъ быть отведены къ причастной формѣ; такъ напр. *пълнъ* равняется Санскритскому *пурна*, причастію отъ глагола *прі*. Существ. *сынъ*, по Санскрит. *сӯнус*, есть въ сущности тоже самое, что *сӯнас*, причастіе страдательное отъ корня *сӯ*-рождать, — и обокъ *съ сӯну* ходитъ въ Санскритѣ тождезначащая форма *сӯта*. Наше рѣченіе *бытъ* съ Латинскимъ напр. *status*, Греческ. ἐδητυς, Готскимъ *lustus*, явно примыкаетъ къ суфиксу infinitivi *тъ*, *ту*. По всему вѣроятію и женскія имена *плътва*, *жрьтва*, и проч. примыкаютъ сюда же. Членное окончаніе *а*, приступившее къ возможнымъ формамъ *плътъ* (кор. *плъ*=Санскр. *плу*; сл. Гот. *flodus*), *жрьтъ*, заставило наконечную гласную суфикса *тъ* превратиться въ соотвѣтную полугласную *в*, равно какъ и въ Санскритѣ б. *â* instrumentalis, приступивъ къ суф. *ту*, дала gerundium *твâ* (*крĭту*, *крĭтум*, *крĭтвâ*).

Въ области именъ оба суфикса *тъ* и *нъ* встрѣчаются съ новымъ суфиксомъ *къ* (*ка*, *ца*, *це*, *че* и пр.), который, не заходя въ глаголы сильнѣе за то дѣй-

ствуетъ въ образованіи именъ. Прилагаемый къ корню, производитъ онъ имена предметовъ и дѣйствій; прилагаемый къ готовымъ именамъ, онъ сообщаетъ имъ еще большую опредѣленность, еще сильнѣйшую особность, и видоизмѣняетъ самый смыслъ ихъ; прилагаемый къ именамъ, которыя въ современномъ языкѣ и безъ его помощи ходить умѣютъ, онъ дѣлаетъ ихъ уменьшительными.

Образовательный корень *к*, дѣйствующій и во всѣхъ другихъ, однородныхъ съ нашимъ языкахъ, у насъ пріобрѣлъ себѣ такую силу, что часто не совсѣмъ законно тѣснитъ другіе образовательные элементы. Подъ тотъ же корень можно подвести суфиксы *ско, ще, шко, шка*, суфиксы, безъ сомнѣнія только фонетически разрозненные, а въ сущности составляющіе одно и тоже. Въ западныхъ нарѣчіяхъ господствуетъ форма *ско*, въ восточныхъ *ще*.— *Ще* (=ско) служило въ Церковномъ нарѣчіи и къ означенію мѣстной принадлежности, и къ уменьшенію; въ Русскомъ тоже къ означенію мѣстной принадлежности, но уже не къ уменьшенію, а къ увеличенію (*); а *шко, шка* пошло на уменьшеніе.—

Въ Русскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы изобиліе формъ уменьшительныхъ, то ласкающихъ, то оскорбляющихъ. И въ другихъ языкахъ не мало такихъ формъ, часто даже этимологически совпадающихъ

(*) Впрочемъ лица духовные встарину употребляли сію Церковно-Славянскую форму для своихъ именъ: Попъ *Геронтьище, Савище, Іосифище.*

съ нашими. Тѣмъ не менѣе должно признать, что большая часть такъ называемыхъ суфиксовъ уменьшенія произошла въ началѣ совсѣмъ не на это дѣло. Первоначальнымъ ихъ дѣломъ было обособленіе; развитіе быта, семейныхъ отношеній, пользуясь забывчивостію языка, истребовало отъ нихъ способность уменьшать. Когда заглохнетъ суфиксъ, ослабѣетъ его этимологическая сила, и языкъ полюбитъ безъ ясной потребности изводить на него свои рѣченія, тогда неожиданно принимаетъ онъ значеніе уменьшительное. Такъ все это множество уменьшительныхъ формъ въ языкѣ Итальянскомъ, всѣ эти *uzzo*, *ezzo*, *ina*, *ecchia*, *uccio*, *ello*, *cello*, *rello* и пр. возникли изъ потемнѣвшихъ образователей, либо даже просто изъ игры звуковъ. Можно думать, что собственно уменьшительными формами въ нашемъ языкѣ древле были имена на ѧ (ент) молодыхъ животныхъ съ характеромъ средн. рода. Естественно было, уменьшая представленіе предмета, сближать его съ тѣмъ, что еще не развилось, необозначило ясно ни пола, ни рода, съ молодымъ и нѣжнымъ, а также безхарактернымъ, близкимъ въ представленіи къ невиннымъ предметамъ средняго рода.

Если вникнемъ пристальнѣе въ строеніи нашихъ собственно уменьшительныхъ формъ, то найдемъ именно, что въ основаніи ихъ лежитъ этотъ первоначальный суфиксъ уменьшенія ѧ, *ентъ*. Форма *Бориска* или *Бориско*, *Ѳомка* или *Ѳомко* и пр. своею этимологическою сущностію не обязана ни мало называться уменьшительною; но уменьшительными могутъ

быть безспорно признаны *Ваня* (*Ванѧ*) и дальнѣйшія возможныя формы: *Ваничка* (этимологически вѣрнѣе *Ванечка=Ванѧ*, *Ванент* (*); равно и рѣченіе *время* принимаетъ суфиксъ *ко* не иначе, какъ темою ѧ= *ент*: *времечко*; здѣсь *н* выпадаетъ точно также, какъ на прим. въ формѣ *гребешокъ=гребеншокъ*, отъ *гребень*; *горшокъ* вм. *горншокъ*, отъ *горн*; суфиксъ же *шокъ*, кажется, близокъ къ суфиксу *шко*, *шка*). Далѣе, *Ванюшка*, гдѣ *ю* стало вмѣсто *я* = ѧ, которое чередуется, по фонетическимъ условіямъ, съ ѫ, ѭ.

Отъ суфикса *къ*, развѣ только среднеродное *це* могло по праву этимологіи имѣть уменьшительную силу, но и то сомнительно. Сомнительно, чтобы *солнце* (отъ *слъно*=Санскрит. *сувана*) представляло себя въ этой формѣ уменьшеннымъ, хотя и нельзя того отрицать рѣшительно. Но *slunečko*, *слънечко* или *слънушко*, отъ лежащей въ основаніи темы *слънент*, должно быть признано безспорно уменьшительною формою.

Какъ мало свойство уменьшать или увеличивѣть принадлежитъ къ самой природѣ прочихъ образователей, кромѣ указаннаго ѧ и его отродій, можно видѣть изъ того, что одна и та же форма становится діалектически то уменьшительной, то увеличительной.

Если для уменьшенія вообще могли мы отыскать особый суфиксъ, то для уничижительнаго ви-

(*) См. объ этомъ остроумныя замѣчанія у Павскаго во 2-мъ Разсужденіи.

да уменьшенія никакъ не найдемъ особаго суфикса. Уничиженіе, конечно, есть дѣло не языка, а только владѣльцевъ его. Одна и таже форма, по желанію говорящаго, можетъ приласкать и унизить предметъ. Все различіе состоитъ въ одномъ удареніи: *Ва́нюшка* и *Ваню́шка*, *ру́ченька* и *ручонка* (отъ темы: *ржчѧ*, какъ Польское *ręczęta* отъ той же темы, подобно какъ Малорусское *дѣвчата* отъ темы *дѣвчѧ*). Унижая, мы только ударяемъ на уменьшающіе суфиксы, какъ бы съ намѣреніемъ обозначить сильнѣе уменьшенное представленіе предмета.

Примѣч. Пользуемся здѣсь случаемъ снять съ нашихъ суфиксовъ печать, незаслуженно на нихъ положенную. Русскому народу ставятъ въ вину излишество формъ уничижительныхъ, которыя принимаются именами нарицательными и собственными, ставятъ въ вину, что этимъ излишествомъ такой не привлекательный характеръ придавался общественнымъ отношеніямъ въ древней Руси. Можно смѣло утверждать, что въ древнѣйшую пору нашей народной жизни, тѣ формы языка, которыя въ послѣдствіи стали уничижительными, не были необходимо даже уменьшительными. Языкъ прибѣгалъ къ образовательному корню *к* для большаго обособленія, какъ бы для большаго оживленія имени. Мѣстоименный суфиксъ прямаго падежа, б. *с*, утраченный нашимъ языкомъ, именно служилъ на это дѣло, сильнѣе указуя на особность предмета. Собственныя имена нашихъ древнѣйшихъ предковъ ни мало не оскорбляли своихъ владѣльцевъ, принимая суфиксы *ко*, *ца*, *шка* и пр., ставшія въ послѣдствіи исключительной принадлежностью холоповъ. Если нынѣ *Ванькою* или *Мирошкою* зовутся лица, неспособныя оскорбляться; то въ древности князь *Василько*, князь

Владимірко, князь *Любко*, не почитали, кажется, за нужное оскорбляться своими именами; равно какъ и *Мирошками*, *Жирошками*, *Иванками*, *Глѣбками*, *Ѳомками*, назывались мужиименитые, Новгородскіе посадники. Лишь въ позднѣйшую эпоху всѣ эти формы стали подлыми, и низшій въ отношеніи къ высшему началъ являться не иначе, въ послѣднія столѣтія бывшаго царства Московскаго, какъ холопкою, съ цѣлой аравой именъ уничижительныхъ. Петръ Великій, положившій конецъ отжившему быту древней Руси, положилъ конецъ и симъ украшеніямъ Московскихъ грамотъ: вся эта сволочь, изгнанная имъ изъ общественныхъ отношеній, находитъ себѣ донынѣ пріютъ лишь подъ мирнымъ кровомъ помѣщиковъ.

* * *

Здѣсь мы должны остановиться, какъ ни интересна та область, которая теперь открылась передъ нами, область словообразованія. Разысканія объ именныхъ и глагольныхъ формахъ можемъ считать достаточными для поясненія этимологической силы элементовъ; ибо сила эта всего надежнѣе можетъ быть испытана въ изгибахъ склоненія, если дозволено будетъ употребить это слово въ обширномъ смыслѣ флексіи вообще. Разысканія о корняхъ и афиксахъ предполагаютъ элементы уже достаточно объясненными. Но въ заключеніе почитаемъ не излишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о мнѣніяхъ касательно того процесса, какимъ языкъ образуетъ свои рѣченія и формы.

Здѣсь два главныя мнѣнія, въ крайнихъ представителяхъ своихъ не только враждебныя, но и во-

все противуположныя. Одно желаетъ видѣть въ цѣломъ производительномъ процессѣ языка лишь движеніе звуковъ, условленное началомъ лада и мѣры; мнѣнію этому больно допустить, чтобы языкъ былъ руководимъ еще инымъ чѣмъ нибудь, и чтобы формы составлялись срастаніемъ знаменательнаго съ знаменательнымъ. Другое направленіе хочетъ въ формахъ языка доискаться потаеннаго смысла; въ движеніи звуковъ хочетъ слышать движеніе самихъ понятій; недовольствуясь, подобно первому, разсѣченіемъ формъ на главныя и служебныя части, оно и въ служебныхъ ищетъ опредѣленнаго значенія. И то и другое, особенно первое, въ своемъ состязаніи ссылается на органическое устройство языка.

Гибель всѣхъ системъ въ неосторожномъ расширеніи понятія за его предѣлы. Попавши разъ въ такую бѣду, система съ трудомъ можетъ выйти изъ нея, и не слово становится дѣломъ, а къ сожалѣнію изъ дѣла выходитъ только слово.

Говорится объ организмѣ языка, но гдѣ же субъектъ организма, гдѣ же самъ языкъ? Ибо за множествомъ языковъ языка мы не видимъ. Путемъ ли отвлеченія добыть организмъ языка; но путемъ отвлеченія организмъ не добывается. Или строгою логическою мыслію, которая сама себя добыла всестороннимъ отвлеченіемъ, искать языкъ какъ единое цѣлое? Такая мысль конечно способна дать намъ языкъ, какъ органическое цѣлое. Но симъ путемъ пріобрѣтенный организмъ будетъ только схемою;

ибо организмомъ зовемъ мы то, что безпрерывно выступаетъ изъ общаго начала, безпрерывно подчиняя ему многоразличіе своихъ же особностей. Языкъ только-мыслимый весь заключенъ въ элементѣ общаго, а потому несовершаетъ на самомъ дѣлѣ процесса органической жизненности, а потому не можетъ быть и названъ организмомъ дѣйствительнымъ.

И такъ гдѣ же тотъ органическій языкъ, не какъ простое требованіе, но какъ самая дѣйствительность?

Въ самихъ же языкахъ историческихъ, но не какъ полный и цѣльный организмъ, но какъ условный и частный, гдѣ помертвѣлый, гдѣ сохранившій признаки жизни. Изучая языки, мы блуждаемъ по развалинамъ сокрушеннаго организма. Какъ изъ обломковъ древняго мрамора художное чутье возсоздаетъ приблизительно типъ совершенной красоты; такъ и наблюдателю языка остается лишь догадываться о томъ полномъ организмѣ словеснаго цѣлаго, гдѣ не было раздѣла между знаменательнымъ и служебнымъ.

Не должно пугаться корней и анализа. Изъ однихъ фонетическихъ началъ не всегда можно объяснить строеніе этимологическихъ формъ. Напротивъ, часто незамѣтно никакого существеннаго соотношенія между звукомъ образуемаго и звукомъ образующаго. Почему такой или другой афиксъ принимается рѣченіемъ, что тутъ эвфоническаго, опредѣлить это гораздо труднѣе, нежели сказать вообще,

что движеніе языка есть движеніе чисто звуковое. Къ тому же на исторической порѣ не видимъ ли мы ясно, какъ одинъ корень поглощается другимъ, для образованія грамматической формы?

Съ другой стороны, ища особаго смысла въ служебномъ элементѣ рѣченій, надобно опасаться, чтобы не разстроить творческой дѣятельности языка, чтобы не представить его издѣліемъ людей, составомъ механически сцѣпленнымъ.—Мысль о сочетаніи знаменательнаго съ знаменательнымъ не только совмѣстима съ организмомъ языка, но даже требуется имъ. Ибо какая форма можетъ съ большимъ правомъ назваться органическою, если не та, которая основана на орудномъ служеніи одного другому? Но сочетаніе знаменательнаго съ знаменательнымъ можетъ быть допускаемо лишь тамъ, гдѣ оно ясно или гдѣ сильная аналогія говоритъ въ его пользу. Спорить же о томъ, корень *i*, итти или корень *î*, желать, образовалъ ту форму, или ту глагольную породу, кажется безплоднымъ. Суфиксы *к*, *т*, *н* и т. п. выводить прямо изъ области мѣстоименій хотя и можно, однако не излишне ли? Таже сила языка, которая произвела всѣ эти мѣстоименныя формы, опредѣлительныя или указательныя и проч. не могла ли за одинъ же процессъ произвести эти образовательные элементы, по значенію своему близкіе къ мѣстоименіямъ 3-го лица; ибо, дѣйствительно, все что ни скажешь, будетъ въ сущности нѣчто (*то*, *о-но*, *что=чь+то=ко+то*).

Должно вспомнить, что запасъ свѣденій, пріобрѣтенный историко-сравнительнымъ изученіемъ языковъ, еще не такъ великъ, чтобы дать право на далекія покушенія. Многія словесныя семейства остаются доселѣ малоизвѣстными или даже во все неизвѣстными.

Оставляя поприще, слегка и наскоро мною осмотрѣнное, желаю искренно, чтобы нашлось по болѣе дѣлателей, которые бы исключительно посвятили ему труды свои. Мы имѣемъ уже достаточно практическихъ руководствъ къ изученію нашего языка, руководствъ, изъ коихъ многія пользуются заслуженнымъ уваженіемъ. Нашъ языкъ имѣетъ право и на вниманіе науки, въ смыслѣ болѣе строгомъ. Хорошо и основательно изученный въ своей исторіи, онъ броситъ яркій свѣтъ на всю нашу народную быль. Но и самъ по себѣ представляетъ онъ интересъ великій. Его звуки и формы съ избыткомъ замѣняютъ намъ гранитъ и мраморъ. Такъ небрежно нами нынѣ помыкаемые, они сохранились намъ живымъ памятникомъ эпохъ столь далекихъ, что во мракѣ ихъ изчезаютъ всѣ извѣстія историческія. Изсякли рѣки, и моря отступили въ берега новые, а они живутъ еще доселѣ, свидѣтели и огласители Богъ вѣсть какихъ событій.

Вынужденная обстоятельствами черезмѣрная поспѣшность, съ какою производилось печатаніе книги, недозволила автору соблюсти желанное однообразіе въ правописаніи, и что хуже, причинила многія погрѣшности, индѣ затемняющія смыслъ. Здѣсь прилагается списокъ важнѣйшимъ; тѣже, которыя, ускользнувъ отъ вниманія, не попали въ этотъ списокъ, читатель благоволитъ исправить самъ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ
14	20	*Срьдцьмь*	*Срьдцьмь*
17	12	*Галгоѳа*	*Гальгоѳа*
21	23	онѣ	они
23	17	313	303
27	24	буквою	букву
32	5	*віні*	*віні*
—	—	*тамасвіні*	*тамасвіні*
33	28	225	2 и 25
34	14	*â*	*a*
35	2	*çpâвajaми*	*çpâвajâmi*
—	16	*çpâвajaмi*	*çpâвajâмi*
36	27	*бôдajaмi*	*бôд̔ajaтi*
42	11	*ciвjaмi*	*ciвjâмi*
54	6	*міçajaмі*	*міçajâмі*
57	23	ѧ	ѫ
—	26	Лѧгинъ	Лѫгинъ
79	13	человѣческой, согласныя	человѣческой согласные
81	19 и 20	*слънце*	*слъньце*
99	33	*носѧ*	*носѫ*
111	27	*пере*, прямѣе	*пере* прямѣе
110	19	въ этомъ, какъ бы	въ этомъ какъ бы
115	15	*mnóżswo*	*mnóżstwo*
120	19	*братур*	*б̔pâтур*
121	11	(genetrix)	(genitrix)
132	8	Τιϑωνοϭιο	Τιϑωνοῖο
139	3	*нѣсколькимъ домамъ* вм. *нѣсколькихъ домовъ*,	*нѣсколько домамъ* вм. *нѣсколько домовъ*,
140	13	ἡδύς	ἡδύς
142	17	*аго*	*го*

Стран.	Стр.		
—	24	*ту́ргоу*	*ту́ргоу*
143	27	означить	отличить
150	6	*джі̂ґвај-âi*	*джі̂ґвâј-âi*
151	1	*dubej* но также и *dubeju*	*dubej*, но у Нижнихъ также *duboju*
158	18	въ	съ
163	6 и 7	А *mi* единств. числа *mi* точно	А *mi* единств. числа точно
166	2	ὔνοματα	ὄνοματα
172	16	откуда	оттуда
—	28	тематическое *у* (ъ), успѣло	тематическое *у* (ъ) успѣло
173	15	Буква, *ъ* здѣсь,	Буква *ъ* здѣсь
174	9	(орѣхами)	(орѣхамъ)
175	1	*дѣло* дѣло-*дѣломъ*	*дѣло-дѣломъ*
—	24	не одной только гласной	не одною согласною
176	26	тематич. *a*	тематич. *i*
178	23	*б̓ја*	*б̓јам*
182	12	*ê-mî*	*ê-mi*
189	25	*żyję*	*żyję*
192	19	Въ Чешскомъ: гдѣ	Въ Чешскомъ, гдѣ
—	21	суфиксамъ	суфиксомъ
206	5	jectionem	ejectionem
208	3	съ ними	съ предлогами
212	12	краснѣѫ	краснѣѫ
219	1	*бър-ѣ·мъ*	*бер-ѣ-мъ*
—	9	*бър-ѣ та*	*бер-ѣ-та*
—	17	*бър-ѣ-ва*	*бер-ѣ-ва*
228	15	multiformi	multiformis
229	12	δείκνυμη	δείκνυμι
230	16	ἐδείκ-σα-μην	ἐδείκ-σα-μεν
241	6	λυῦτρον	λοῦτρον
242	3	*б̓у*	*бŷ*
—	13	прилагательныхъ по	прилагательныхъ
253	8	но	по-

